

«И грянул Перуном войны Геленджик...»

(к 190-летию основания русского укрепления в Геленджикской бухте)

Названием настоящей работы послужила строчка из стихотворения русского офицера, участника Кавказской войны М.Ф. Федорова¹, написанного им по случаю приезда в Геленджик императора Николая I в сентябре 1837 г. Это посещение августейшей особой небольшой по сути фортеции, одной из многих, разбросанных вдоль границ державы «от финских хладных скал до ... стен недвижимого Китая», было, отнюдь, неслучайным. На протяжении практически всех 30-х годов XIX в. Геленджикское укрепление играло заметную роль в утверждении России на Черноморском побережье, а император, судя по архивным документам, принимал самое живое участие в его основании и дальнейшей судьбе.

Конечно, на фоне многих более масштабных, и более драматичных событий, коими богата многолетняя Кавказская война, история Геленджикского укрепления не столь ярка и впечатляюща. Но все же она заслуживает внимания уже хотя бы потому, что обеспечение контроля над Геленджикской бухтой, несмотря даже на относительно низкую интенсивность боевых действий в ее окрестностях, было оплачено высокой ценой – по меньшей мере 3,0 тысячи офицеров и нижних чинов Отдельного Кавказского корпуса покоятся на его гарнизонном кладбище.

Настоящая работа призвана осветить причины занятия Геленджикской бухты летом 1831 г., эволюцию оборонительных верков устроенного там укрепления, состав и служебную деятельность его гарнизона, и тем самым отдать дань памяти воинам, проявлявшим на всем протяжении двадцатитрехлетней блокады, хоть и неполной, «примерное усердие, твердость духа, терпеливость и самоотвержение»².

Другая цель носит просветительский характер, понеже зачастую остается только удивляться тому, сколь много далеких от исторических фактов фантазий, а то и откровенных фейков, содержат те или иные посвященные Кавказской войне «исторические труды», в том числе и претендующие на статус научных.

Еще одним побудительным мотивом, заставившим обратиться к истории Геленджика периода Кавказской войны, явилось также то, что по совпадению

¹ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III, 1879. С. 41(<http://adjutant.ru>)

² Из рапорта генерал-лейтенанта Раевского командиру Отдельного Кавказского корпуса от 14 апреля 1838 г. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 220. Л. 51об)

тем же самым летом 1831 г., когда было основано укрепление в Геленджикской бухте, в далекой от нее Пензенской губернии был «забрит в рекруты» мой пращур Василий Андреевич³. И вполне может статься, что его воинская служба проходила на Кавказе, ибо из документов Инспекторского Департамента Военного министерства следует, что значительная часть новобранцев этого набора была направлена в Ставрополь, где, как известно, происходило распределение прибывающего на укомплектование Отдельного Кавказского корпуса пополнения по полкам, батальонам, ротам, батареям, паркам и командам. Так что работа над историей Геленджикского укрепления позволила параллельно продолжить ведущиеся уже несколько лет генеалогические изыскания в отношении одного из моих далеких предков.

Поставленная задача обусловила необходимость максимального включения фактологического материала, почерпанного из документальных и нарративных источников, а потому «... в этой маленькой работе не требуются ни особо изысканные выражения, ни острота ума, а лишь прилежный и добросовестный труд ...»⁴.

Поскольку заявленная тема не может быть раскрыта вне контекста создания и функционирования Черноморской береговой линии, одним из системообразующих элементов которой стало Геленджикское укрепление, ее источниковой базой послужили, прежде всего, документы штабов на театре военных действий - Управления войсками на Кавказской линии и в Черноморье и Канцелярии начальника Черноморской береговой линии из собраний, соответственно, Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). Помимо них, сведения по теме выявлялась также в фондах Военно-ученого архива, Департамента Генерального штаба, Инженерного департамента, Управления генерал-инспектора по инженерной части и ряда других центральных учреждений Военного министерства, хранящихся в РГВИА. Обращение к ним вызвано, с одной стороны, плохой сохранностью документов дислоцировавшихся в Геленджикском укреплении частей Отдельного Кавказского корпуса, с другой – тем, что, по меткому замечанию А. Кюстрина, в период царствования Николая Павловича в России действовали и дышали лишь с разрешения императора или по его приказу⁵.

Помимо названных архивов ценная информация о Геленджике выявлена в Российском государственном архиве Военно-Морского флота (РГАВМФ), хранящем фонды Черноморского флота и выделенной из его состава в 30-50 гг. XIX в. Абхазской экспедиции военных и транспортных судов, а также личные

³ Государственный архив Пензенской области. Ф. 62. Оп. 1. Д. 47. Л. 102об-103

⁴ Греческие полиоркетика. Вегетий. Серия «Античная библиотека. Изд. Алетейя. СПб, 1995. С.159

⁵ Кюстин А. Россия в 1839 году. Литмир. Л. 37 (<https://www.litmir.me/br/?b=102574&p=37>)

фонды видных деятелей военно-морского флота того времени – адмиралов Грейга и Меншикова.

В целом, документы РГВИА, РГАВМФ и ГАКК вкупе с корпусом опубликованных источников, включенных в «Полное собрание законов Российской империи», «Свод военных постановлений», «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», в 3-й и 4-й тома «Архива Раевских»⁶, составляют достаточно богатую документальную базу по исследуемой теме.

В отличие от документальных, нарративные источники менее информативны. Это относится как к отечественным авторам, так и к зарубежным. В частности, совсем мало пишут о Геленджике оказавшиеся там во время экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова 1837 г. М.Ф. Федоров⁷ и Э.В. Бриммер⁸. Еще один ее участник – Н.В. Симановский – в записи своего походного дневника за 15 мая 1837 г. ограничивается кратким замечанием: «Еленчик (бухта) - порядочная крепостца на самом берегу Черного моря ...»⁹.

Чуть ранее, в июле 1836 г., участники плавания двух военных кораблей «Петр Великий» (А. Скальковский) и «Ефигеня» (С. Сафронов) описывают увиденное ими укрепление в Геленджикской бухте сходным образом: «Геленджик похож на деревню, обнесенную высокою стеною из земли и палисадов, с небольшими насыпями по углам, в которых устроены батареи»¹⁰, «Геленджик – небольшое укрепление, обнесенное невысоким земляным валом»¹¹.

Заметно больше сведений о Геленджике содержат письма А.А. Бестужева-Марлинского, побывавшего там дважды (в 1834¹² и 1836¹³ годах), записки Александра фон Нордмана¹⁴ о путешествии вдоль

⁶ Архив Раевских / Изд. П. М. Раевского; Ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 1-5. СПб, 1908-1915

⁷ Федоров М.Ф. Указ. соч. С. 28-35

⁸ Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-ом кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник, т. 17, 1894, глава XV (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Brimmer_E_V/text12.htm)

⁹ Симановский Н.В. Дневник. 2 апреля - 3 октября 1837 г., Кавказ // «Звезда», 1999, № 9. (<http://militera.lib.ru/db/simanovsky/index.html>)

¹⁰ Скальковский А. Записки о плавании парохода «Петр Великий» к Тавриде и Восточным берегам Черного моря. Одесса, 1836. С. 15

¹¹ Сафронов С. Поездка к Восточным берегам Черного моря на корвете «Ефигения». Одесса, 1837. С. 18

¹² Бестужев (Марлинский) А.А. Письмо из отряда, действующего за Кубанью // Русский архив, 1877, № 9. С. 106-109

¹³ Бестужев-Марлинский А.А. - Полевым К.А. и Н.А. (<http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/letters.htm>)

¹⁴ Путешествие профессора Нордмана в Закавказский край // Журнал Министерства просвещения. СПб. 1838, октябрь. С. 400-431

Черноморского побережья, предпринятого им в 1835 г., воспоминания офицера Н.М. о той же экспедиции 1837 г.¹⁵ и мемуары Г.И. Филипсона¹⁶.

Похожую картину можно наблюдать и в отношении иностранцев. Английские агенты Дж. С. Белл¹⁷ и Э. Спенсер¹⁸, рассказывая о своем пребывании в Черкесии в 30-х годах XIX в., если и упоминают Геленджик, то, как правило, лишь в качестве географического пункта. Дж. А. Лонгворт также весьма скуп в отношении информации о «русском форте» в Геленджикской бухте¹⁹. Счастливым исключением из этого ряда составляет только Фредерик Дюбуа де Монпере²⁰ обстоятельно описавший все, что ему удалось увидеть и услышать при посещении Геленджика в 1833 г.

Завершая краткий обзор имеющихся источников, ради справедливости необходимо отметить встречающиеся несоответствия их между собой, причем это касается не только документов личного происхождения, что является обычным делом, но и официальной переписки. Имеют место как неточности, так и прямое искажение фактов, в чем, в частности, чистосердечно признается в своих мемуарах прослуживший несколько лет в штабе Черноморской береговой линии Г.И. Филипсон: «... в этих донесениях не всегда была строгая правда; особенно с цифрами Николай Николаевич (*генерал-лейтенант Н.Н. Раевский (младший), в 1837-1841 гг. начальник 1-го отделения, затем - всей Черноморской береговой линии – А.Г.*) не церемонился»²¹. К слову говоря, и сам Г.И. Филипсон в своих мемуарах зачастую необъективен как при оценке тех или иных событий, так и в даваемых им характеристиках отдельных лиц. Противоречивость источниковой базы в ряде случаев серьезно затрудняет восстановление подлинной картины произошедшего, а также заставляет иной раз делать во многом гипотетические выводы.

Конечно, настоящая работа не могла быть написана без привлечения специальной исторической литературы, посвященной различным аспектам деятельности русской армии в период правления императора Николая I²².

¹⁵ Н.М. Воспоминания о Кавказе в 1837 г. // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Том 67. № 266. 1847. Гл. II

¹⁶ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883-1885

¹⁷ Bell J.S. Journal of a Residence in Circassia During the Years 1837, 1838, and 1839. Vol. 1, 1840 (<https://archive.org/details/journalofresiden01belluoft>)

¹⁸ Спенсер Эдмунд. Путешествия в Черкесию. Предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой. РИПО «Адыгея». Майкоп, 1994. Он же. Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году. Нальчик, 2008

¹⁹ Longworth J.A. A year among the Circassians. Vol. 1, 1840, p. 300

(<https://archive.org/details/ayearamongcirca02longgoog/page/n323/mode/2up>)

²⁰ Frédéric Du Bois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase. T.1. Paris, 1839

(<https://archive.org/details/voyageautourduc00unkngoog/page/n46/mode/2up>)

²¹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. Вып. 5-6. С. 269

²² Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск российской армии. 1843 / сост. Клочков Д.А.- М.: Фонд «Русские витязи», 2020; Столетие военного министерства. 1802-1902.

Из более чем обширной литературы о Кавказской войне в первую очередь использованы фундаментальные труды А.Л. Гизетти²³, Ф.А. Щербины²⁴ и Д. Раковича²⁵, написанные ими на основе архивных документов, а также некоторые современные публикации²⁶. Исходя из задач настоящего исследования, особое внимание было уделено работам, касающимся боевых действий на Правом фланге Кавказской линии и Черноморской береговой линии²⁷, из которых, помимо неоднократно цитируемых многими

Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование Николая I. Т. IV, часть II, книга I, отделение II. СПб, 1907; Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 98. СПб, 1896; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М, 1972; Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. СПб, 1842-1861; Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. 1911; Оленев М.Б. Комплектование армии нижними чинами при императоре Николае I. М.: Старая Басманная, 2016

²³ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896; Он же. Сборник о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск. Тифлис, 1901

²⁴ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913. Для удобства в настоящей работе все сноски даются по изданию: Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия (оттиск из II тома «История Кубанского казачьего войска»). Типография Т-ва «Печатник». Екатеринодар. [1913 г.](<https://elibrigo.ru/handle/123456789/229123>)

²⁵ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900

²⁶ Гордин Яков. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб: Журнал «Звезда», 2000; Каратаев В.Б., Островская А.А., Кокуйцева Т.В., Семенов А.С. Кадровый состав Русской армии на Кавказе в 1830–1840-е гг. // Былые годы, 2016. Т. 41. Вып. 3; Дубровин А.В. Бурные дни Кавказа. Изменение ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101553); Колосовская, Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII - XIX вв. / Т.А. Колосовская; под ред. А.А. Кудрявцева. М: Изд-во Каллиграф, 2015; Лапин В. Черноморский флот в Кавказской войне XIX в. // Морской сборник. 2007, № 1 (1922). С. 72-76

²⁷ Агумаа А.С. Черноморская береговая линия // «Абхазоведение». Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, 2012. С. 137-182

Басиева З.М. Деятельность Н.Н. Раевского в должности начальника Черноморской береговой линии (1839–1841 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки 2012, № 3. С. 26-31

Васильев Евгений. Черноморская береговая линия 1834-1855 гг. (из Кавказской войны) // Военный сборник. 1874, № 9 (сентябрь). Л. 5-26

Давыдов Василий. Снятие средних укреплений Черноморской береговой линии // Морской сборник. Т. XII. № 5 (май), 1854. С. 38-46

Дьячков-Тарасов Н. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточную войною в 1853 г. (военно-исторический очерк) // Кубанский сборник. Т. 10. 1903. С. 243-330

Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Психологический портрет комбатанта на территории Черноморской береговой линии: нижние чины // Europeanresearcher, 2010. № 1

Касумов Х.А. К вопросу о значении Черноморской береговой линии в Крымской войне // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012, № 2. С. 79-81

Кондусов В.С. Черноморья и правый фланг Кавказской линии в орбите военно-административной и политической деятельности на Кавказе Е.А. Головина (1838–1842 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. №3/1, 2016. С. 49-54

Лапенко Е.В. Создание Черноморской береговой линии в XIX в. // Военно-исторический журнал. 2008, № 6. С. 54-58

Матвеев О.В. Адмирал Л.М. Серебряков и горцы северо-восточного побережья Чёрного моря. В поисках понимания // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства:

исследователями статей Е. Васильева и Н. Дьячкова-Тарасова, следует выделить вышедшие сравнительно недавно труды А.А. Альхаова²⁸, С.О. Жупанина²⁹, С.Н. Шаповалова³⁰.

К сожалению, при всей многочисленности перечисленных работ, непосредственно Геленджику посвящены, по большому счету, только две: «Страницы истории Геленджикского укрепления 1831-1854 гг.»

опыт интеграции: сб. науч. ст. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 103-108; Он же. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30–50-е годы XIX века // Славяноведение, 2009, № 6
Панеш А.Д. Черноморская береговая линия и российская политика на Северо-Западном Кавказе // Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа. Материалы Всероссийского историко-этнографического форума, посвященного 200-летию основания г. Грозного. Грозный, 2017. Л. 240-247

Соловьева Н.Т. Военные экспедиции с Кубани к Геленджику 1834-1837 гг. pdf (gelmusey.ru)

Субботин О.С. Укрепления и форты в становлении городов Черноморского побережья // Вестник ВолгГАСУ. Серия: Строительство и архитектура. 2013. Вып. 33(52). Л. 211-216

Хлудова Л.Н. Черноморская береговая линия в российско-горских взаимоотношениях периода «Кавказской войны»: изобразительные сюжеты // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. №4, 2015. Л. 40-44

²⁸ Альхаов А.А. Основание Черноморской береговой линии (1837 — 1839): проект и ход военных операций // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2015, № 7 (31). С. 101-107; Он же. Военные действия на Черноморской береговой и Геленджикской кордонной линиях во второй половине 1839 – первой половине 1840 гг. // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2016, № 8 (32). С. 82-88; Он же. Экспедиция против убыхов генерала И.Р. Анрепа в октябре-ноябре 1841 г.: цели, подготовка, ход и результат // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2016, № 9 (33). С. 92-100; Он же. Десантная операция в устье реки Туапсе 12 мая 1838 г.: планирование и проведение // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2018, №14 (38). С. 91-98; Он же. Десантная операция в устье реки Субаши 3 мая 1839 г.: планирование и проведение // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2018, № 15 (39). С. 59-67; Он же. Роль Черноморского флота в создании Черноморской береговой линии (1837-1839 гг.) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2018, № 4 (229). С. 17-26; Тлепцок А.Р., Альхаов А.А. Деятельность генерала Н.Н. Раевского на Черноморской береговой линии (1838-1841 гг.) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2019, № 4 (249). С. 72-82

²⁹ Жупанин С.О. Стратегические планы русского командования по покорению Северо-Западного Кавказа в 1829-1834 гг. и закубанские укрепления // Голос минувшего. 2010, № 3-4. С. 43-55; Он же. Северо-Западный Кавказ во взглядах русского командования: 1830-1834 гг. // XIV Фелицынские чтения. Сборник материалов по истории Краснодарского края. Краснодар, 2012. С. 34-39; Он же. От Адрианополя до Крымской войны: периодизация боевых действий на Северо-западном Кавказе в 1830-1850 гг.; Он же. Геленджикская кордонная линия. К истории планирования и создания // Научное наследие Ф.А. Щербины: казачество и история Кавказа. Сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 62-78

³⁰ Шаповалов С.Н. Планы русского командования в отношении гарнизонов укреплений Черноморской береговой линии в начале Крымской войны // Общество: философия, история, культура. Издательский дом ХОРС (Краснодар). 2019, № 9(65). С. 90-93; Он же. Состояние I отделения Черноморской береговой линии накануне Крымской (Восточной) войны // Общество: философия, история, культура. Издательский дом ХОРС (Краснодар). 2018, № 8(52). С. 78-82; Он же. Подготовка к снятию укреплений отделений Черноморской береговой линии в период Крымской войны... // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: материалы Международной науч.- практической конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 136-143

Ю.В. Митрофаненко³¹ и «Геленджикская кордонная линия. К истории планирования и создания» С.О. Жупанина, что представляется явно недостаточным, учитывая его важное место в реализации геополитических планов царского правительства на Кавказе.

³¹ http://kubangenealogy.ucoz.ru/Statji/gelendzhikskoe_ukreplenie.docx

Глава 1. Оборонительные верки и артиллерийская часть

Когда войско в одном месте несколько времени принуждено стоять, и неприятель не подалеку от оною обретаецца, тогда оно не токмо по линиям в ордердебаталии ставитца, но и лагерь таким образом учреждается: и окапываетца, да бы оно от всех неприятельских нападений в безопасности быть могло.

Устав воинский. 1716 г. Глава 56, §1

Геленджикская бухта попала в орбиту повышенного внимания царского правительства сразу же после заключения в сентябре 1829 г. Адрианопольского мирного договора, согласно которому к Российской империи на вечные времена переходило все восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая с крепостями Анапа, Суджук-кале и Потти. В предложениях, подготовленных временным Комитетом при МИД для рассуждения о мерах, нужных по будущему управлению закубанскими народами, прямо указывалось на необходимость возведения укреплений в Геленджике и других удобных местах Абазинского (Восточного, Северо-Восточного, Черкесского) побережья³², ибо, по мнению министра иностранных дел графа Нессельроде «приведение в действие сей важной меры будет едва ли не самым решительным средством водворить надежным образом Российское владычество на восточном берегу Черного моря...»³³.

В представленных императору Николаю I в начале 1831 г. предложениях командующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского «о способах покорения закубанских народов», разработанных в развитие решений названного комитета, предусматривалось устройство кратчайшей линии укреплений от Кубани до Геленджикской бухты³⁴. Однако при их рассмотрении в военно-сухопутном ведомстве выявились различные взгляды относительно практических методов выполнения этой задачи³⁵, что, соответственно, обусловило неопределенность в избрании главного опорного пункта на Черкесском побережье. Хотя, собственно говоря, выбор места для такового был небольшой – Геленджикская или Суджукская

³² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VII. С. 887

³³ Там же. С. 894

³⁴ Подробнее см.: Жупанин С.О. Геленджикская кордонная линия. К истории планирования и создания // Научное наследие Ф.А. Щербины: казачество и история Кавказа. Сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 62-78

³⁵ См. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т.5. В.1. 1889. С. 1-15; Жупанин С.О. Стратегические планы русского командования по покорению Северо-Западного Кавказа в 1829-1834 гг. и закубанские укрепления // Голос минувшего. 2010, № 3-4. С. 43-55; Он же. Северо-Западный Кавказ во взглядах русского командования: 1830-1834 гг. // XIV Фелицынские чтения. Сборник материалов по истории Краснодарского края. Краснодар, 2012. С. 34-39

(впоследствии, Новороссийская) бухты, ибо ни Анапа, ни Сухум-кале в силу различных причин для этого не годились.

Активным и последовательным сторонником Геленджика являлся генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. В своем отношении Военному министру генерал-адъютанту графу Чернышеву от 9 ноября 1830 г.³⁶ он, в частности, писал: «Занятие Геленджика не только доставит нам удобную рейду, но и хороший для торговли порт, какого на всем берегу Черного моря от Анапы до Сухум-кале выгоднее не представляется. Сверх того с исполнением сего предположения Анапа значительно удалится от средоточия закубанских племен, с успехом и пользой заменится крепостью, которую надлежит устроить в Геленджике, в залив коего суда наши во всякое время могут находить пристанище и даже хорошую зимовку»³⁷.

Принимая во внимание авторитетное мнение «вождя, со славою окончившего три войны», преимущество Геленджикскому заливу отдали и моряки – главный командир Черноморского флота и портов адмирал Грейг и начальник Морского штаба генерал-адъютант князь Меншиков, запрошенные Военным министерством для выяснения, какой из пунктов все же больше подходит в качестве основного на Черкесском побережье. Император, как известно, питавший неограниченное доверие к Паскевичу³⁸, одобрил в принципе его поддержанные обоими ведомствами предложения об устройстве кратчайшей линии от Кубани к Геленджикскому заливу и возведении в Геленджике крепости³⁹. Хотя начавшийся в ноябре 1830 г. мятеж в Царстве Польском не позволил осуществить задуманную первоначально на 1831 г. постройку на предполагаемой к устройству линии трех укреплений на 500 человек и одного на 1000 человек⁴⁰, построение мостового укрепления против Ольгинского редута и проведение десанта для занятия Геленджика в виду чрезвычайной важности было решено не откладывать.

Выполнение последней задачи приказанием командующего войсками на Кавказской линии, Черномории и Астрахани генерала от кавалерии Емануеля было возложено на начальника 20-й пехотной дивизии и одновременно командующего Правым флангом Кавказской линии генерал-майора Берхмана 1-го. В инструкции, направленной ему 22 июня 1831 г. генералом от кавалерии Емануелем, в связи с этим предписывалось:

³⁶ Здесь и далее все даты приведены по старому стилю

³⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 1 Д. 6242. Л. 3

³⁸ «Император Николай всю жизнь звал его своим «отцом-командиром» - и мнение «Ивана Федоровича» в его глазах являлось непогрешимым» (Керсновский А.А. История русской армии. Т.2. Голос. М., 1993. С. 50)

³⁹ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1 Д. 1386. Л. 1об

⁴⁰ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1 Д. 1386. Л. 1

«1^с) Сдать все дела по командуемому Вами правым флангом Кавказской линии наказному атаману Войска Черноморского генерал-майору Завадовскому, отправиться к Тамани и, приняв войска, расположенные в сем округе в свое командование, направиться с оными немедленно к Анапе, где приняв в свое ведение все суда, прибывшие к оной, сделать десант к Геленджику ...

2^с) По занятии Геленджика Вы тотчас приступите к построению крепости при сем заливе, смотря по месту положению и по удобству, для чего при Вас будет находиться инженер-подполковник Данилов, которому по сему предмету дано от меня предписание⁴¹ ...

3^с) Из 57^{шт} вольных работников Вы отправите двадцать к Ольгинскому редуту, где строится будет мостовое укрепление под руководством генерал-майора Завадовского, всех остальных Вы возьмите с собою.

4^с) Все материалы, необходимые для крепости, закупленные штаб-капитаном Богдановичем и сложенные в крепости Анапе, как и инструменты и другие материалы в Екатеринодаре, Вы заберите с собою в нужном количестве по разчислению, которое должен сделать имеющий нахождение при Вас инженер-подполковник Данилов ...

5^с) ... Предполагая, что Вы не без затруднения вступите на берег при Геленджикском заливе, предлагаю Вам обратить особое внимание на меньшую потерю людей. В сем случае я не могу дать Вам инструкции для действий, ибо все зависит от местных обстоятельств, к тому же я вполне уверен, что Вы не упустите из виду исполнить даваемые мною Вам при сем поручения с успехом.

По занятии Геленджика и приведении всего вышеупомянутого в должное устройство, сдав команду для устройства крепости старшему по Вас, Вы возвратитесь в Черноморию и примите опять командование войсками правого фланга Кавказской линии»⁴².

Войска, назначенные генерал-майором Берхманом для занятия Геленджикской бухты, 23 июля прибыли на судах Черноморского флота к месту предписанной высадки. Как отмечает Ф.А. Щербина⁴³, не имея четких представлений о топографических особенностях окружающей местности, десантный отряд в течение четырех дней, с 23 по 27 июля, безуспешно пытался найти подходящее место для основания крепости на мысах при входе в бухту с тем, чтобы в соответствии с правилами фортификации обеспечить контроль над всей ее акваторией.

⁴¹ Содержание предписания см.: Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия (оттиск из II тома «История Кубанского казачьего войска»). Типография Т-ва «Печатник». Екатеринодар. [1913 г.]. С. 10-11. Далее - Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия

⁴² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 83-84об

⁴³ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 11-12

Действительно, если взглянуть на план Геленджикской бухты, составленный в 1784 г. французским военным инженером А.Ж. Лаффит-Клаве⁴⁴ в период его участия в миссии, посланной Людовиком XVI для оказания помощи Османской империи, можно убедиться, что в фортификационном отношении для устройства там укрепления более всего подходят высоты на обоих замыкающих ее мысах. Именно по этой причине он и спроектировал для постройки на одной из возвышенностей в районе Тонкого (северного) мыса внушительное укрепление, обозначенное на фрагменте его плана цифрой 2, а на другой стороне от входа в бухту на Толстом (южном) мысу – редут (3).

Те же возвышенности, примыкающие к мысам по обеим сторонам бухты, хорошо просматриваются и на виде Геленджика из Атласа Черного моря Е.П. Манганари 1841 г.⁴⁵

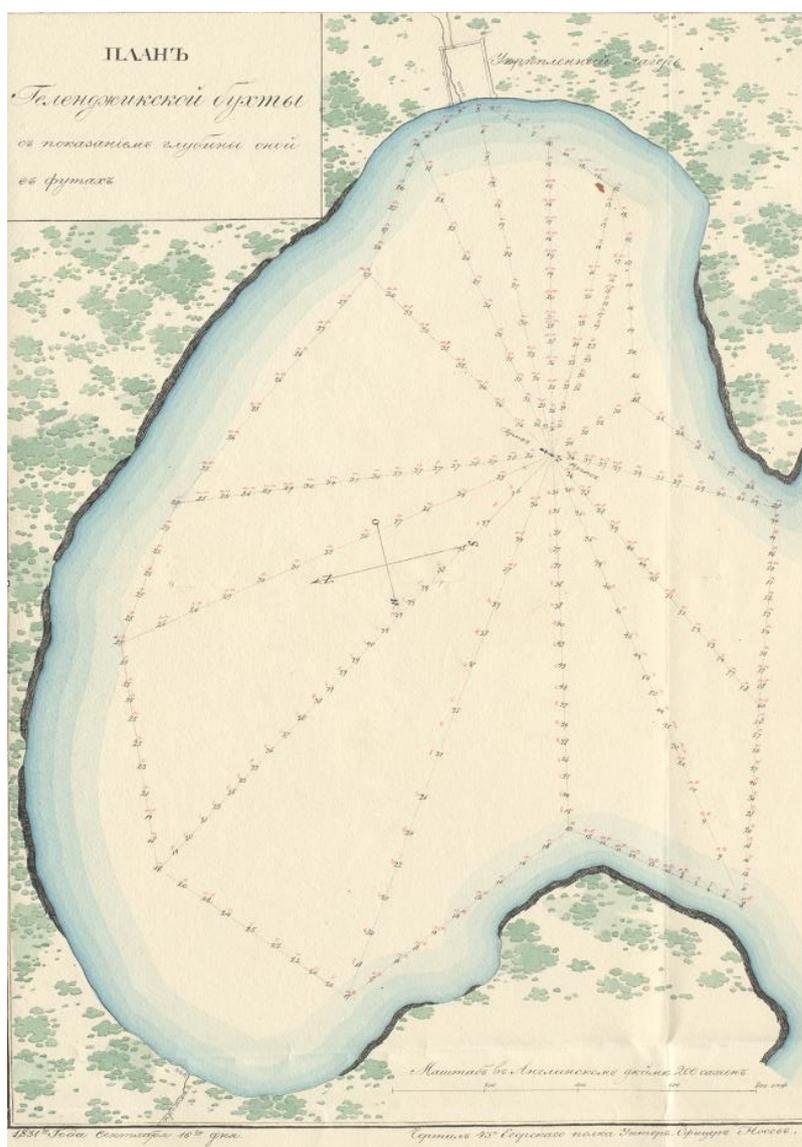
К сожалению, обе эти, казалось бы, выгодные позиции имели в то время один общий и притом неустранимый недостаток – отсутствие в достаточном количестве пресной воды, без чего невозможно было обеспечить жизнедеятельность более-менее крупного гарнизона. Видимо поэтому, а не только из-за недостатка финансовых средств, турки в свое время не воспользовались проектом А.Ж. Лаффит-Клаве, а ограничились лишь

⁴⁴ РГВИА. Ф.450. Оп. 1. Д. 194. Л. 8

⁴⁵ <https://geoportal.rgo.ru/iipview/11342>

небольшой батареей (1) на Тонком мысу, обслуживаемой двумя десятками солдат⁴⁶.

Наконец убедившись после нескольких рекогносцировок в непригодности возвышенностей на обоих мысах для устройства постоянного лагеря, высадившиеся с судов войска заняли участок берега на берегу речки, называемой Хан-Гиреом Ххульзжий, где «можно [было] легко добраться до воды, леса и причала, и здесь наилучшим образом все совпало...»⁴⁷, после чего сразу же приступили к строительству на месте высадки оборонительных сооружений в виде самых простых шанцев и засек. Место разбивки полевого лагеря в Геленджикской бухте было выбрано в ее юго-восточной части, но на плане, начерченном 16 сентября 1831 г. унтер-офицером 43-го егерского полка Носовым⁴⁸, он располагается в его верхней части, поскольку план ориентирован не как обычно на север, а на восток.

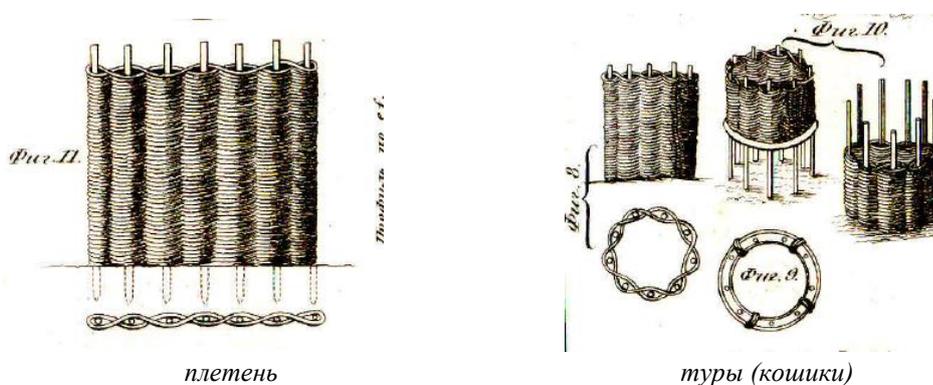
⁴⁶ http://kubangenealogy.ucoz.ru/Statji/groshev_a.v-gelendzhik-istorija_nazvanija-isp..pdf

⁴⁷ Frédéric Du Bois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase. T.1.Paris, 1839. P. 23 (<https://archive.org/details/voyageautourduc00unkngoog/page/n46/mode/2up>)

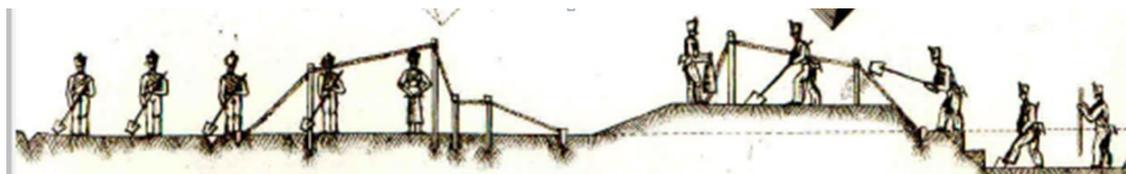
⁴⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 67

По свидетельству документов, «засека первоначально была поставлена без всяких фортификационных правил и указания инженера, а потом через присыпку к ней небольшой земляной насыпи образовалось укрепление ...»⁴⁹. Еще более яркую картину хаотичности производимого высадившимися частями самоокапывания рисует А.Ф. Щербина: «При занятии Геленджика в 1831 г. лагерь войск окружен был канавою, защищенною засеками, а потом дерновой стенкой в аршин шириною и два аршина высотой.... Каждый командир роты или фельдфебель возводил против расположения своей роты стенку по своему усмотрению»⁵⁰.

Посетивший Геленджик в 1833 г. Ф. Дюбуа де Монпере описывает, видимо со слов непосредственных участников событий, это строительство так: «Они (солдаты – А.Г.) копали ров, который должен был окружать весь лагерь, из земли насыпали двухэтажный вал (из контекста всей главы следует, что автор подразумевал на самом деле двойной плетень – А.Г.), промежуток между которым они заполняли землей, они увенчали этот вал турами, также заполненными землей, служившими им вместо зубцов. Офицеры, руководившие работами, заставили их поднять с 4-х углов четыре полукруглые платформы для пушек. Правда, пространство было таким маленьким, что лафеты соприкасались друг с другом, а номера [орудийной прислуги] были так плохо натренированы, что даже нельзя было никого смести [огнем] вдали от вала; но они были очень рады, что обеспечены на первый случай»⁵¹.

О том, как, вероятно, должен был происходить этот процесс можно судить по рисунку из учебного руководства А. Теляковского⁵²:

⁴⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 239. Л. 106

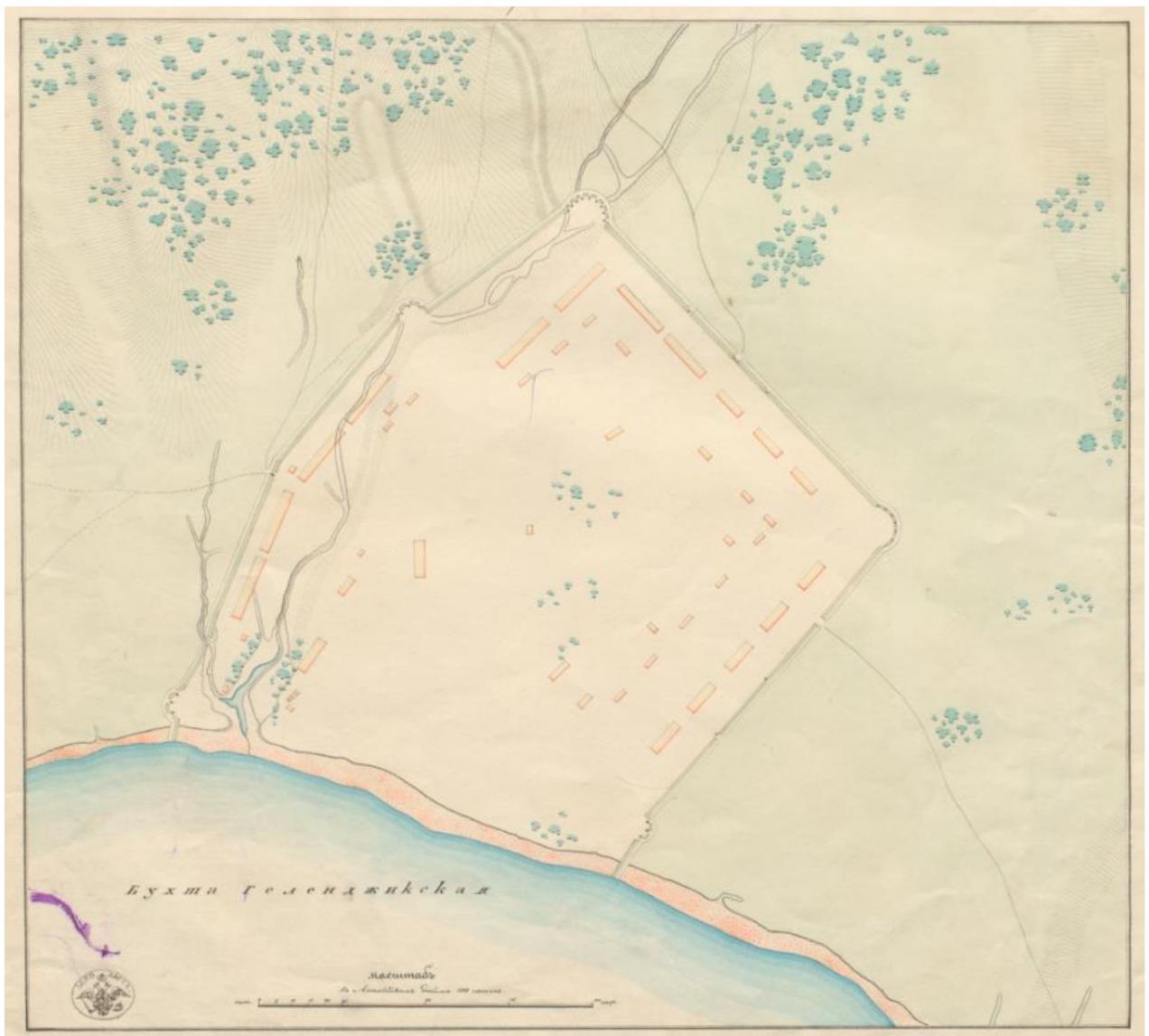
⁵⁰ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 26

⁵¹ Frédéric Du Bois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase. T.1. Paris, 1839. P. 22 (<https://archive.org/details/voyageautourduc00unkngoog/page/n46/mode/2up>)

⁵² Теляковский А. Фортификация. Ч.1. Полевая фортификация. СПб, 1848. Чертеж 16

Тогда же сразу были сооружены и подъемные мосты через ров при всех трех воротах укрепления. Правда, использовать для их изготовления пришлось местное сырое лиственничное дерево, из-за чего уже через три года им потребовалась замена⁵³.

Вызванная угрозой вероятного нападения горцев торопливость в производстве фортификационных работ, позволила достаточно быстро возвести оборонительные верки, однако, как видно из плана, имеющего примечание: «При первоначальном занятии Геленджика таким образом расположен был укрепленный лагерь ... »⁵⁴, они не в полной мере соответствовали правилам фортификационной науки, прежде всего в части обеспечения фланкирования артиллерийским и ружейным огнем подступов к обороняемой огневой линии.

Одновременно с укреплением непосредственно периметра лагеря были приняты также необходимые меры к обеспечению безопасности его предполя. Для этого, в первую очередь, понадобилось разорить все натухайские аулы,

⁵³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42 л. 96

⁵⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21858

расположенные на южной стороне бухты в непосредственной близости от места высадки войск, а заодно уничтожить и возделываемые местными жителями нивы. На увеличенном фрагменте плана ««Крепости, предполагаемой устроиться при Геленджикской бухте с окрестным местоположением, снятой во время экспедиции под команду генерал-майора Берхмана с 25 июля по 6 августа 1831 г.» ликвидированные поселения обозначены латинскими литерами: «А.» - старшины Ацоку Дермичана, «В.» - старшины Карджана, «С.» - дворянина Супако Комита, «D.» - старшины Мамера, «E.» - старшины Мамер Дербия, «F.» - старшины Ацока Алебия, «G.» - старшины Гатюкая⁵⁵.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 112

Следует признать, что при этом войска проявили, вероятно, излишнее рвение – еще и спустя 10 лет у обитающих в районе бухты горцев «не прошел ужас, посеянный разорением аулов войсками нашими по занятии Геленджика»⁵⁶.

Вслед за ликвидацией аулов тотчас же началась вырубка леса вокруг лагеря, что делалось согласно правилам фортификации, гласившим, что «местность вокруг крепости очищается по крайней мере на картечный выстрел (300 саж.), чтобы неприятель нигде не нашел укрытия. Все рытвины, канавы, ямы, необстреливаемые с крепости, заваливаются землей; сады и рощи вырубаются; дома, изгороди, заборы разрушаются»⁵⁷.

Производимые войсками работы по усилению обороны, однако же, не могли исправить принципиальный недостаток позиции, заключающийся, по замечанию Ф. Дюбуа де Монпере, в том, что выбранное место располагалось «в 2 или 3 сотнях шагов от плато, сделав откуда несколько залпов, можно было перевернуть всю крепость вверх тормашками»⁵⁸.

Предотвратить допущение подобных ошибок, по идеи, должен был прикомандированный к Геленджикскому отряду инженер-подполковник Данилов, получивший задание осмотреть местоположение Геленджика, составить проект крепости и тотчас же приступить к ее постройке. Ф.А.Щербина пишет, что через некоторое время по прибытии на место он заболел, что не позволило выполнить данное ему поручение⁵⁹. Однако, в действительности, это не совсем так. По свидетельству документов, еще до прибытия в Геленджик, инженер-подполковник Данилов написал начальству рапорт об увольнении его от этой миссии, ссылаясь на слабость здоровья, частые болезненные припадки, слабое зрение, подверженность простуде от сырой погоды и преклонность лет, 30 из которых он провел на государственной службе⁶⁰.

К несчастью, заменить его в тот момент времени было неким, почему, в конечном итоге, ему все же пришлось убыть в Геленджик и разработать там план крепости, без которого его откомандирование на какую-либо другую инженерную должность генералы Емануель и Берхман считали невозможным. Видимо, торопясь побыстрее отделаться от нежелательного задания, инженер-подполковник Данилов составил свой проект на скорую руку и так плохо, что, как докладывал сменивший Емануеля на посту командующего войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенант Вельяминов Военному

⁵⁶ Архив Раевских. Т. IV. СПб, 1910. С. 98, 101

⁵⁷ Теляковский А. Фортификация. Ч.2. Долговременная фортификация. СПб, 1855. С.274

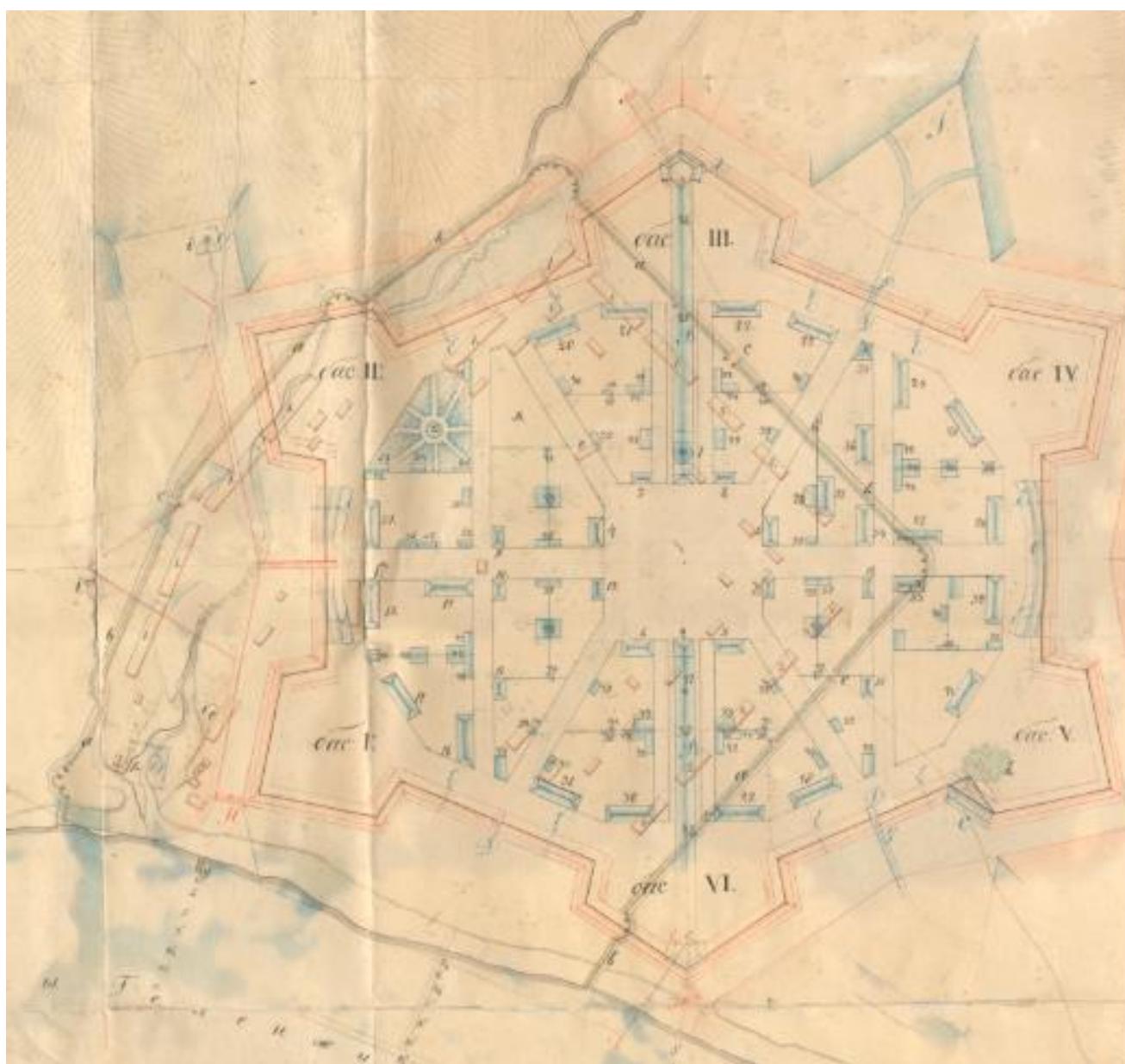
⁵⁸ Frédéric Du Bois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase. T.1.Paris, 1839. P. 23
(<https://archive.org/details/voyageautourduc00unkngoog/page/n46/mode/2up>)

⁵⁹ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 13

⁶⁰ РГВИА. Ф.13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 7

министру генерал-адъютанту графу Чернышеву, генерал-майор Берхман признал его неудовлетворительным. Каковы были конкретные причины отказа от реализации этого проекта сказать невозможно, поскольку ни самого плана, ни конкретных замечаний на него обнаружить в фондах РГВИА пока не удалось.

Очевидно поняв, что от инженер-подполковника Данилова толку не будет, генерал-майор Берхман с согласия генерал-лейтенанта Вельяминова 18 сентября 1831 г. предписал командующему Геленджикским отрядом отправить инженер-подполковника Данилова в Ставрополь⁶¹, поручив сделать другой проект Геленджикской крепости находящемуся при отряде «начальнику Анапской инженерной команды подполковнику Жданову, которым остался более доволен и по которому приказал приступить к начатию работ»⁶².

⁶¹ РГВИА. Ф.13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 76

⁶² РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 58

Этот, уже второй по счету, проект, датированный 11 сентября 1831 г., предполагал устройство крепости на шесть бастионов⁶³, «разбитая в натуре огневая линия» которых во многих местах вынужденно повторяла или пересекала уже сооруженное вокруг лагеря ограждение, поскольку, несмотря на все старания, лучшего места, чем уже занятое лагерем, полевому инженеру подполковнику Жданову найти не получилось.

Направляя свой проект крепости генерал-майору Берхману, подполковник Жданов одновременно уведомил его и о своем возвращении к месту постоянной службы в Анапу.

С этого момента, замечает Ф.А. Щербина, работы по возведению оборонительных верков в Геленджике шли в условиях отсутствия какой бы то ни было инженерной поддержки⁶⁴. Но, как свидетельствуют документы, это утверждение уважаемого историка не соответствует истине. Разумеется, Военное министерство не могло допустить, чтобы «построение Геленджикской крепости» шло самотеком и потому уже в феврале 1832 г. туда были направлены:

«полевой инженер капитан Николай Матвеев Кох – из Тифлиса;
гарнизонный прапорщик Илья Казьмин Яковлев – из Риги;
цейдинеры: Яков Овчинников и Дмитрий Белослущев – оба из Риги;
кондукторы 2-го класса: Михайла Алексеев, Егор Глазунов и Матвей Плотников – все из Оренбурга;
вахтер: Николай Тапляшин – из Оренбурга»⁶⁵.

Другое дело, что добирались означенные чины Инженерного ведомства до места своего нового назначения довольно долго и что, как выяснилось, назначенный в Геленджик инженер Кох оказался настолько неподходящей кандидатурой на место руководителя строительства, что уже в ноябре 1832 г. заменивший Берхмана генерал-лейтенант Малиновский докладывал генерал-лейтенанту Вельяминову: «Не излишним считаю также присовокупить, что инженер-подполковник Кох не на своем месте и чиновник весьма ненадежный. Не умея вести себя прилично званию, он вовсе не занимается своею обязанностью, делает упущения. А потому дела его в беспорядке: не сделано до сего времени проекта и плана крепости, несмотря на то, что он имеет у себя хорошего помощника гарнизонного инженерного офицера.... Посему было бы полезно удалить господина Коха и назначить инженерного чиновника более надежного и полезного для службы»⁶⁶. Похоже, Ф.А. Щербина, ознакомившись с этим и рядом других документов, касающихся деятельности, а вернее

⁶³ РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 96

⁶⁴ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 14

⁶⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д.18. Л. 112

⁶⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 344

бездеятельности, инженера Коха, умышленно, как и в случае с инженером Даниловым, не стал «выносить сор из избы».

Между тем, в том же рапорте генерал-лейтенант Вельяминов сообщал о невозможности производства строительных работ в Геленджикской бухте после половины ноября (1831 г.) и о преимуществах бухты Суджук-кале по сравнению с Анапским рейдом и Геленджикской бухтой и, соответственно, предпочтительности устройства главного укрепления не в Геленджике, а в Суджукском заливе. К этому донесению он присовокупил заключение командовавшего обеспечивающими геленджикскую экспедицию морскими силами капитана 2-го ранга Немтинова, который отдавал предпочтение Суджукской бухты перед Геленджикской, как более обширной, глубокой и удобной для военных кораблей⁶⁷.

На это представление генерал-лейтенанта Вельяминова 22 сентября 1831 г. императором было высочайше разрешено прекратить до будущей весны производство работ в Геленджике и в то же время «предписано ему войти в подробное рассмотрение сего предмета, развив во всех отношениях предположения свои, касательно устройства укреплений в Суджук-кале и Геленджике»⁶⁸.

Это хотя и притормозило, но не отменило ранее принятого решения о строительстве в Геленджике крепости, тем более что, помимо Паскевича, включившего окрестности Геленджикского залива в число 8-ми важнейших для горцев экономических районов, требующих первоочередного занятия войсками на правом фланге Кавказской линии⁶⁹, его сторонником, как уже отмечалось выше, был адмирал Грейг, с которым были согласны также начальники обоих главных штабов (сухопутного и морского) - генерал-адъютанты Нейдгардт и Меньшиков. Последний, между прочим, аргументировал свое мнение о предпочтительности Геленджикской бухты следующим образом:

«1^е. Чем более к Югу распространяется новая линия, тем более обеспечивает она за собою пространство и, следовательно, владея Геленджиком не трудно уже владеть и Суджук-кале.

2^е. Ежели некоторое пространство Геленджикской бухты более подвержено морским ветрам, то с другой стороны жестокие северо-восточные ветры, столь сильносвирепствующие в бухте Суджук-кале, в гораздо меньшей степени действуют в Геленджике.

3^е. Вход в Суджук-кале с моря затруднительнее нежели в Геленджик.

4^е. Что же касается до неудобства Геленджика по затруднительности сухопутного сообщения с оным, то таковые затруднения встретятся и далее в

⁶⁷ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 2-2об

⁶⁸ РГВИА. Ф.827. Оп. 1. Д.1386. Л. 2об-3

⁶⁹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VII. С. 903

стране столь дикой, и сие не должно служить препятствием к обладанию тем краем и к выполнению мер для усмирения оного необходимых»⁷⁰.

Соответственно в конце октября 1831 г. начальнику Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту барону Розену было приказано без промедления приступить к подготовке, а с начала весны следующего года - производству работ в Геленджике, во исполнение чего он уже 26 ноября донес о сделанных им распоряжениях к первоначальному заготовлению материалов и представил проект (полевого инженера подполковника Жданова) предполагаемой крепости в Геленджикском заливе.

Непонятно, правда, зачем этот проект был направлен в Санкт-Петербург, если с самого начала он получил отрицательную оценку генерал-лейтенанта Вельяминова, посчитавшего его по ряду причин непригодным к реализации, с чем был согласен и сам генерал-адъютант барон Розен⁷¹. Помимо претензий, касающихся собственно вопросов фортификации, недовольство обоих воинских начальников вызвало также избранное генерал-майором Берхманом место для крепости «в глубине Геленджикской бухты, между тем, как известно, что можно было бы устроить укрепление при входе в залив, который таким образом обратился бы в укрепленную гавань...»⁷².

Впрочем, и разработанные самим генерал-лейтенантом Вельяминовым⁷³ «окончательные предположения об устройстве крепостей при Геленджикской и Сунджукской бухтах», предусматривающие сооружение в каждой из них крепостей, способных выдержать нападение морского десанта численностью 40-50 тыс. человек, а также их соединение с Анапой сухопутной дорогой, представленные 19 января 1832 г. на рассмотрение императора, были отклонены. «Генерал-адъютант барон Розен, представляя эти предложения ... при этом опроверг необходимость устройства при означенных пунктах столь крупных фортификационных сооружений, считая удобным учредить в Геленджике порт для небольших военных и купеческих судов, а для воспрепятствования иностранным судам приставать к бухте Суджукской устроить там небольшое укрепление»⁷⁴.

Уже в начале февраля того же года по результатам всестороннего рассмотрения данного вопроса в Военном министерстве было принято решение согласиться с мнением генерал-адъютанта барона Розена устроить в Геленджике крепость только на два батальона, а в Сунджук-кале на один с соразмерным числом орудий. При этом их строительство, как и предлагал генерал-лейтенант Вельяминов, должно было производиться таким образом,

⁷⁰ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 3-3об

⁷¹ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 5

⁷² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 83об

⁷³ Подробнее см. Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 14-15

⁷⁴ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 8об

чтобы возведение одной не могло начаться ранее того времени, как будут сооружены главный земляной вал и необходимые строения другой.

Вместе с тем, некоторые вопросы по-прежнему оставались открытыми и нуждались в дополнительной проработке. В частности, требовалось еще выяснить:

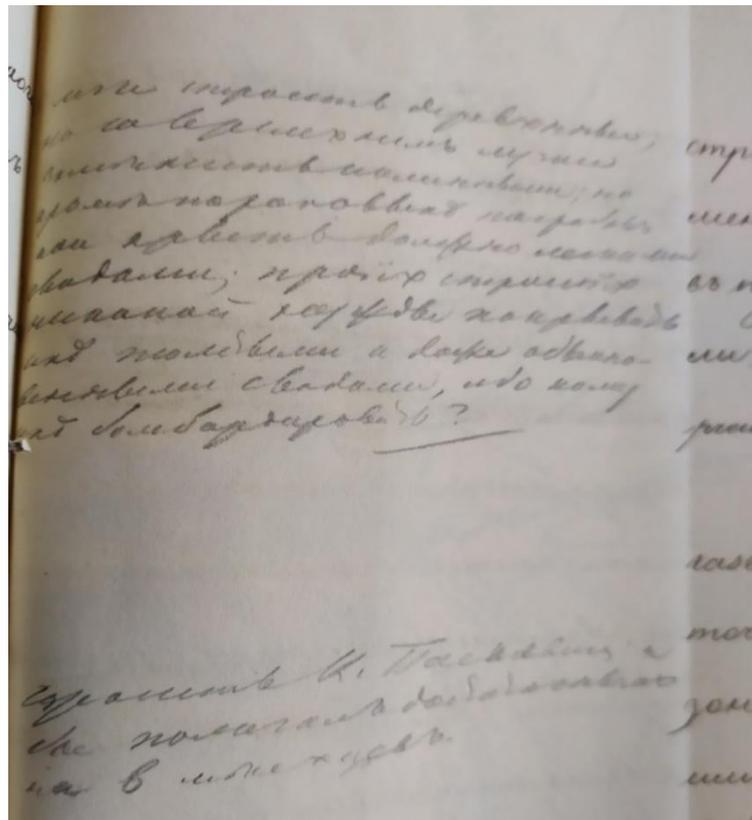
«1^е. Какие заведения и устройства по морской части предполагается иметь в Геленджике, дабы при составлении проекта принять оные в соображения.

2^е. Казармы и все прочие строения должны ли быть каменные или деревянные, и в первом случае, строить ли оные со сводами (à l'épreuve de la bombe) или нет.

3^е. Провиантские магазейны должно ли быть достаточны собственно для гарнизона, примерно на один год, или же для большего числа войск, и на какое именно число и время»⁷⁵.

Любопытно, что вопросы, непосредственно касавшиеся фортификации, были решены лично самим императором Николаем I, как известно, хорошо в ней разбиравшимся. Так, по двум последним пунктам он сделал собственноручные пометки:

«кои строить деревянные, но со временем лучше заменить каменными; но кроме пороховых погребов, кои крыть должно легкими сводами; прочие строения никакой нужды покрывать их толстыми или даже обыкновенными сводами, ибо кому их бомбардировать?»; «Спросить К.[нзя] Паскевича; я бы полагал достаточным на 8 месяцев»⁷⁶.

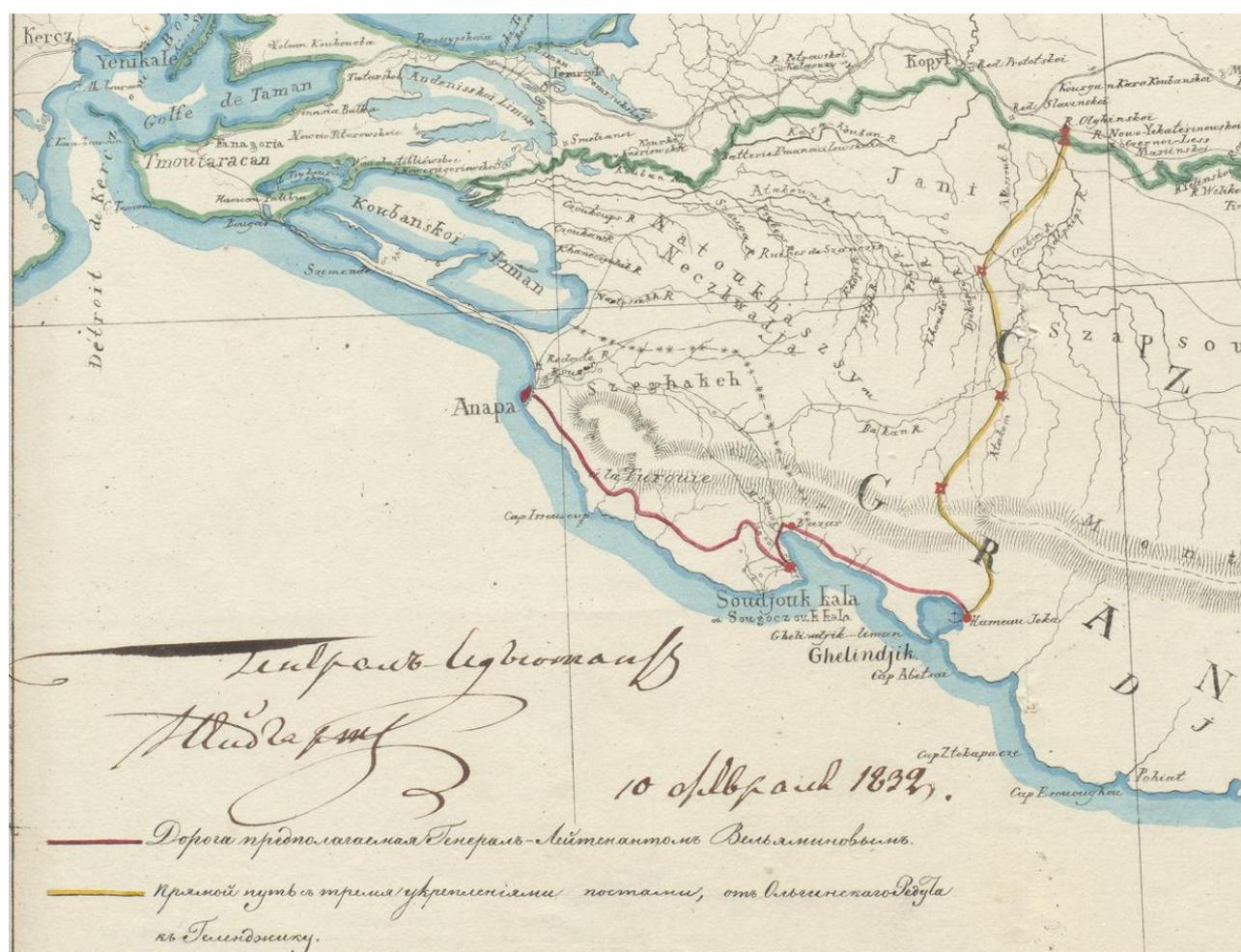

После окончательных согласований в Военном министерстве Николай I утвердил «построение главного по Восточному берегу Черного моря укрепления на два батальона при Геленджикской бухте» с включением его в

⁷⁵ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 11об-12

⁷⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 160

число штатных крепостей 2-го класса⁷⁷. В целях исполнения его высочайшей воли Управляющим Главным штабом генерал-адъютантом Нейдгардтом 10 февраля 1832 г. в адрес командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта барона Розена было направлено предписание о представлении подробного проекта крепости в Геленджикской бухте и «штатов всем частям, гарнизон сей крепости составлять долженствующим: как по артиллерийскому, инженерному, комиссариатскому и провиантскому ведомствам, дабы вместе с утверждением сметы для построения крепости иметь уже в виду прочие расходы по Военному ведомству»⁷⁸, а также об определении примерных сроков завершения ее устройства. К предписанию прилагалась карта с визуализацией замысла верховного командования по устройству линии укреплений от Ольгинского тет-де-пона до Геленджикского залива⁷⁹.

Между тем, пока в высоких петербургских кабинетах решали: в каком месте и какого размера все же устраивать основную базу на Черкесском побережье, войска по приказанию местного, кавказского, начальства продолжали совершенствование первоначально возведенного в Геленджикской

⁷⁷ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1386. Л. 22

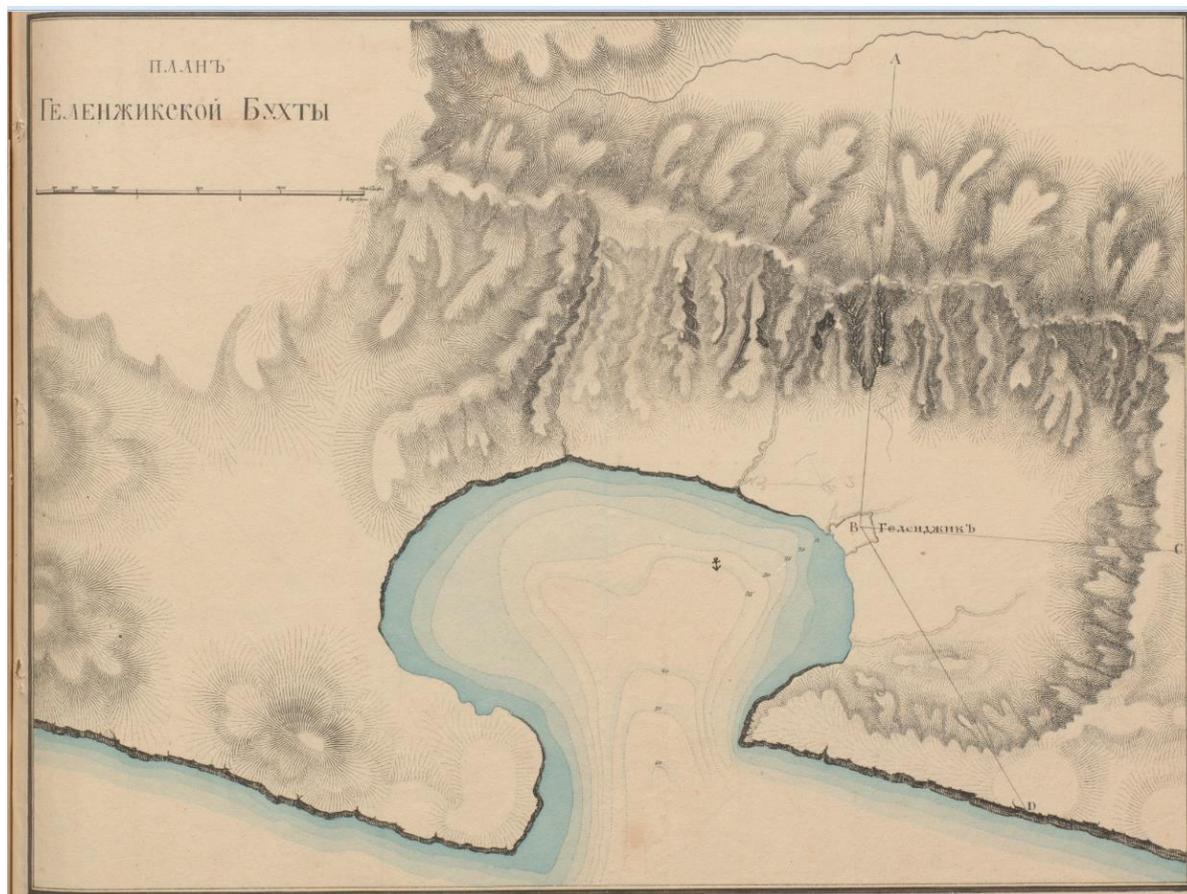
⁷⁸ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1386. Л. 12-12об

⁷⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 162

бухте лагеря, в результате чего он постепенно трансформировался из полевого в укрепленный.

Как докладывал в ноябре 1832 г. командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Вельяминову генерал-лейтенант Малиновский по итогам личного посещения пунктов командуемой им Черноморской линии: «...На северо-восточном полигоне укрепления (Геленджикского – А.Г.) сделан бастион правильный и обширный, и в оном устроен погреб для снарядов, довольно хороший. Ров кругом укрепления весь расширен и углублен, несмотря на грунт всплошного плитняка; бруствер расширен и возвышен так, что ныне профиль: ширина рва – 4, глубина – 3 аршина, эскарпа и контрэскарпа бока почти отвесны, высота бруствера и широта в основании с банкетом – 3 аршина, толстота самого бруствера – 2 аршина и кругом по краю бруствера установлены вплотную кошики (плетенные корзины – А.Г.) в диаметре $\frac{3}{4}$ аршина, наполненные землей»⁸⁰.

Ровно через год (в апреле 1833 г.) им же было составлено подробное «Описание побережья Черного моря от Анапы до Геленджикской бухты», в котором о Геленджике сказано следующее: «на южной стороне бухты на равнине от моря у берега, не более одной сажени возвышенной, построено укрепление. Фигура оного – неправильный четырехугольник, коего один бок составляет бухта.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 31

Укрепление с одним правильным и четырьмя неправильными, то есть круглыми бастионами. Ров ширины и глубины в сажень, бруствер в основании такой же широты и с банкетов высоты. Сверх коего устроены кошики, наполненные землею для закрытия голов стреляющих. Сие укрепление довольно достаточное для обеспечения гарнизона противу горцев, окрест живущих...

Равнина, на которой устроено укрепление от крепости на версту во все стороны неприметно возвышаются. И лес на такое же пространство и более вырублен, но противу правого фланга укрепления, на западе лежащего, есть рывина, довольно углубленная и невыгодная для укрепления. Высоты, окрест лежащие, хотя на верстном расстоянии, но доминируют укреплением и большого калибра орудия могут чувствительный наносить вред.

Воды в укреплении и в близких вне онога колодцах для гарнизона достаточно и хороша – но для наливки морским судам мало, и для того они наливаются из родников и речек, в бухту стекающих»⁸¹.

Тогда же, очевидно, оборонительные верки получили для удобства обозначения номера: от расположенного на южном фронте укрепления полубастиона, ставшего № 1, и до «правильного», самого мощного, бастиона на северо-восточной стороне, означенного № 5. На нем, судя по вышеприведенному плану от апреля 1833 г., был установлен и флаг укрепления (обозначен под № 21).

Этот флаг, видимо, был обыкновенным кейзер-флагом, официальный рисунок которого был высочайше утвержден несколько позже, 12 июня 1842 г.⁸². В связи с тем, что в Полном собрании законов Российской империи (собрание второе) помещен только его черно-белый рисунок, представляется целесообразным привести цветной вариант флага из известной работы В.В. Звегинцова⁸³.

⁸¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 97-102

⁸² ПСЗРИ. Т. XVII, 1842, № 15742

⁸³ Звегинцов В.В. Знамена и штандарты Русской армии (XVI в. - 1914 г.) и морские флаги / Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». М., 2008. Л. 118

Относительную слабость лагерных укреплений отчасти должен был компенсировать довольно внушительный, по кавказским меркам, артиллерийский парк, ведь, как констатировал Ф. Дюбуа де Монпере, в отличие от ружейной стрельбы русской пехоты, орудийного огня горцы бояться больше всего и держаться на почтительном расстоянии от него⁸⁴. Очевидно с учетом этого, еще в сентябре 1831 г. в придачу к имеющимся в Геленджикском отряде полевым орудиям, принадлежащим вошедшей в его состав артиллерийской роте, и приданным единорогам и мортиркам, на пополнение артиллерийского парка укрепления с судов Черноморского флота были переданы 22 пушки с обслуживающей их орудийной прислугой, а также большое количество артиллерийских боеприпасов⁸⁵.

Видовое		Количество
<i>Список орудий принадлежащих при Геленджикском отряде</i>		
<i>Список артиллерийских орудий</i>		
2 орудия роты артиллерийской		
<i>Пушки</i>		
4 орудия 24 фунтового калибра		4
4 орудия 32 фунтового калибра		4
2 орудия 48 фунтового калибра		2
2 орудия 60 фунтового калибра		2
<i>Список орудий принадлежащих к отряду</i>		
4 орудия 24 фунтового калибра		4
6 орудия 32 фунтового калибра		6
2 орудия 48 фунтового калибра		2
2 орудия 60 фунтового калибра		2

Список орудий принадлежащих к отряду		Количество
<i>Список артиллерийских орудий</i>		
8 орудий 24 фунтового калибра		8
4 орудия 32 фунтового калибра		4
4 орудия 48 фунтового калибра		4
2 орудия 60 фунтового калибра		2
<i>Список орудий принадлежащих к отряду</i>		
2 орудия 24 фунтового калибра		2
2 орудия 32 фунтового калибра		2
2 орудия 48 фунтового калибра		2
2 орудия 60 фунтового калибра		2

Подпись: Генерал-майор Берхман

Таким образом, на вооружении укрепления согласно ведомости, подписанной генерал-майором Берхманом, в общей сложности насчитывалось

⁸⁴ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 111

⁸⁵ В частности, только с фрегата «Тенедос», помимо 4 двадцати четырех фунтовых пушек, было передано 425 чугунных ядер и 258 пудов пушечного пороха (РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2615. Л. 356об)

32 пушки и 2 мортирки⁸⁶, размещенных, как видно на плане, главным образом, на его бастионах.

Помимо этого, до завершения строительства укрепления было признано необходимым иметь на Геленджикском рейде для дополнительного артиллерийского прикрытия некоторое число судов Черноморского флота. Так, в частности, в марте 1833 г. там находились: 1 корвет, 1 бомбардирское судно, 1 катер и 1 транспорт⁸⁷.

Всего на строительство укрепления в Геленджикской бухте в 1831-1832 гг. из казны было выделено почти 49,72 тыс. рублей ассигнациями⁸⁸, а в 1833 г. - еще 40,0 тыс. рублей ассигнациями⁸⁹. Таким образом, общая сумма затрат на эти цели в переводе на серебро по тогдашнему курсу (1:3,5) составила 25,634 тыс. рублей серебром. Для того чтобы судить много это или мало, можно сравнить эту цифру с общим бюджетом Военного министерства, составлявшего, например, в 1826 г. 40 759,054 тыс. рублей серебром⁹⁰.

По состоянию на август 1833 г. в «Ведомости крепостям, укреплениям и постам Черноморской и Кавказской линии, с показаниями в каких частях линии, частях кордона или участках они находятся и в каком году крепости и укрепления построены» Геленджик все еще значился как «укрепленный лагерь»⁹¹.

⁸⁶ РГВИА. Ф.13454. Оп.3. Д. 18. Л. 90-90об (В тексте документа описка в отношении орудий, переданных с фрегата «Тенедос»: не «тридцати четырех», а «двадцати четырех» фунтовых)

⁸⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 77об

⁸⁸ Шавров Н. Восточный берег Черного моря и его значение для развития русского мореплавания // Морской сборник. Т. LXII, № 9, 1862. С. 44

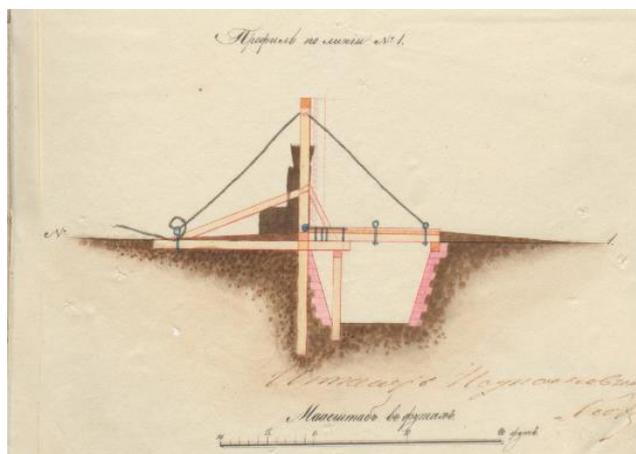
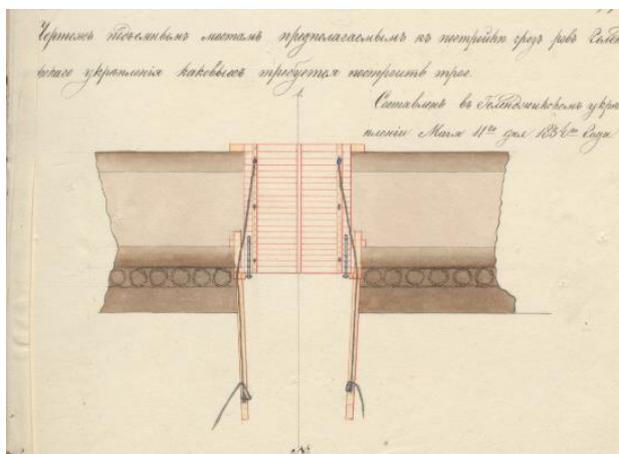
⁸⁹ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 18

⁹⁰ Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 98. СПб, 1896. С. 444

⁹¹ РГВИА. Ф.13454. Оп.5. Д. 32. Л. 1

В целях превращения его в более-менее надежное укрепление в мае-сентябре 1834 г. в Геленджике была произведена перестройка к тому времени в значительной степени развалившихся полубастиона № 1, бастионов № 2 и № 4, а также плетневой куртины между полубастионом № 1, бастионами № 2, № 3 и № 4. Кроме того, отделан гласис вокруг всего укрепления, исправлен бассейн перед куртиною между бастионами № 4 и № 5, изготовлено 11 часовых будок, сооружены из терновника рогатки для продления фаса полубастиона № 1 в море на расстояние 7 саженей⁹².

Отдельно следует отметить постройку подъемных мостов в северной и восточной воротах укрепления взамен прежних, установленных в 1831 г., не очень удобных и к тому же выработавших свой рабочий ресурс⁹³. Очевидно, именно их упоминает Н.М.⁹⁴ в своих воспоминаниях.

В то же время, результаты работ, наверняка, были более ощутимыми, если бы не нерадивость полевого инженер-подполковника Коха, дошедшая до того, что комендант Геленджикского укрепления полковник Чайковский в одном из своих обращений на его имя предупреждал: «... я в последний раз предписываю вашему высокоблагородию: что если еще, во-первых, вы будете делать на должные от меня предписания возражения ..., во-вторых, не будете иметь должного надзора за правильностью производимых работ, в-третьих, по текущим делам, если я принужденным найду повторять вам мои предписания, и наконец, в-четвертых, если вы будете представлять месячные отчеты после 2-го числа, в таком разе я донесу обо всем высшему начальству»⁹⁵.

Аналогичным образом инженер-подполковник Кох отнесся и к главной задаче, поставленной перед собранной в Геленджике инженерной командой, касающейся исполнения упомянутого ранее предписания генерал-адъютанта Нейдгардта от 10 февраля 1832 г. о составлении проекта тамошней крепости.

⁹² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3 Д. 42. Л. 125-126, 159-162об, 197-199

⁹³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3 Д. 42. Л. 96

⁹⁴ Н.М. Воспоминания о Кавказе в 1837 г.// Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, Том 67. № 266. 1847. Гл. II (drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/N_M/text2.php)

⁹⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 149-150об

Под различными предлогами: то ссылаясь на отсутствие необходимых геодезических и чертежных инструментов, то на невозможность проведения топографической съемки окрестностей Геленджикской бухты для отыскания наиболее подходящего места для устройства крепости без прикрытия отрядом численностью не менее 1000 человек, он всячески оттягивал начало этой работы.

В конце концов, в декабре 1833 г. в Геленджик был послан исполняющий должность начальника инженеров Отдельного Кавказского корпуса полковник Баумер, которому было поручено «подробное рассмотрение местности около тамошней бухты, с производством аккуратной съемки оной, и составление проекта предполагаемой крепости»⁹⁶. Результатом его командировки, довольно подробно описанной Ф.А. Щербиной⁹⁷, стали два проекта. Первый, локальный - «проект улучшения обороны Геленджикского укрепленного лагеря вместе с письменным мнением, произвести оное при самом исправлении частей укрепления, повредившихся от осенних и весенних дождей»⁹⁸, направленный коменданту полковнику Чайковскому, второй, фундаментальный - очередной проект Геленджикской крепости⁹⁹.

Представляя в октябре 1835 г. данный проект Военному министру, сам командир Отдельного Кавказского корпуса барон Розен, находя предложения полковника Баумера основательными, тем не менее, посчитал своим долгом высказать отрицательное отношение к проекту, мотивируя свою позицию отсутствием «возможности приступить в скором времени к постройке сей крепости, в чем ... не предстоит еще большой надобности, ибо существующие там ныне укрепление без всякого сомнения может выдержать нападение горцев в превосходных силах. Кроме сего, распространяющиеся завоевания наши на Восточном берегу со временем доставят возможность обойтись при постройке сей крепости местными средствами, без которых издержки будут весьма значительны»¹⁰⁰. К сожалению, по одному описанию проекта полковника Баумера (каких-либо планов или чертежей к нему найти пока не удалось) трудно объективно оценить все его достоинства и недостатки. Можно только предполагать, что последних было все же больше. Видимо, с учетом этого, а также по ряду других веских причин император, в свою очередь, тоже нашел проект инженер-полковника Баумера негодным и, как следует из отношения Военного министра Генерал-инспектору по Инженерной части великому князю Михаилу Павловичу от 27 декабря 1835 г., повелел «сообразить на месте самым тщательнейшим образом не окажется ли возможным расположить постройку

⁹⁶ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 22-22об

⁹⁷ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 19-20

⁹⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 5

⁹⁹ См. РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 651,653-657 и РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д.1386. Л. 22об-23

новой крепости на северо-западном мысе Геленджикской бухты, дабы таким образом с одной стороны учредить достаточную защиту входа в бухту без всяких дополнительных построек, а с другой – иметь крепость Геленджик в одной линии и общей связи с прочими укреплениями предположенными от сего пункта по морскому берегу до Анапы»¹⁰¹.

До того же времени, следовало сохранить укрепление в имеющемся виде, поддерживая его починками по мере необходимости. Это было весьма важным, т.к. природные аномалии зачастую наносили довольно значительный урон веркам. Например, в декабре 1834 г. в результате непрекращающихся в течение нескольких дней ливней «половина бруствера правого фаса и часть переднего обрушились в ров, батарея № 3 имеет большую часть бруствера до основания обвалившегося, остался только внутренний плетень, на прочих местах укрепления бруствер хотя еще держится, однако по некоторым местам близок к обрушению. Словом, повреждения сии столь велики, что вся возможная поправка не может упрочить старого, и потому канаву и бруствер необходимо нужно будет с предстоящей весны устроить вновь на другой черте»¹⁰².

В реальности, несмотря на крайне ограниченные возможности, удалось сделать даже больше, чем можно было предположить. В частности, по распоряжению корпусного командира генерал-адъютанта барона Розена возведенные ранее круглые бастионы, малоспособные к фланковой обороне, были перестроены в классические, с фасадами. Так что замечание Г.И. Филипсона, побывавшего в Геленджике в 1837 г. в качестве участника экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова, о том, что «с 1831 г. Геленджик мало изменился»¹⁰³, видимо, следует отнести не к оборонительным веркам, а к его внутренним постройкам и сооружениям.

Что же касается переноса укрепления в другое место Геленджикской бухты, то последняя попытка этого была предпринята после посещения императором Геленджика в сентябре 1837 г., в ходе которой он, лично «обозрев местность при Геленджике, которую предположено оградить, изволил находить оную весьма удобную для устройства самой простой оборонительной линии, дав ей в самом возвышенном месте редут»¹⁰⁴. Эти, обозначенные на «Плане окрестностей крепости Геленджик»¹⁰⁵, который можно датировать концом 1837 г. - началом 1838 г., фортификационные сооружения – три редута («М», «О», «Р») и один бастион («N») – планировалось возвести на Южном

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1386. Л. 53об-54об

¹⁰² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 5

¹⁰³ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 252

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 200. Л. 56

¹⁰⁵ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 652

Геленджикском мысу по линии «L» - «Q», проложенной от укрепления на юг к морскому берегу, и оснастить 20 орудиями.

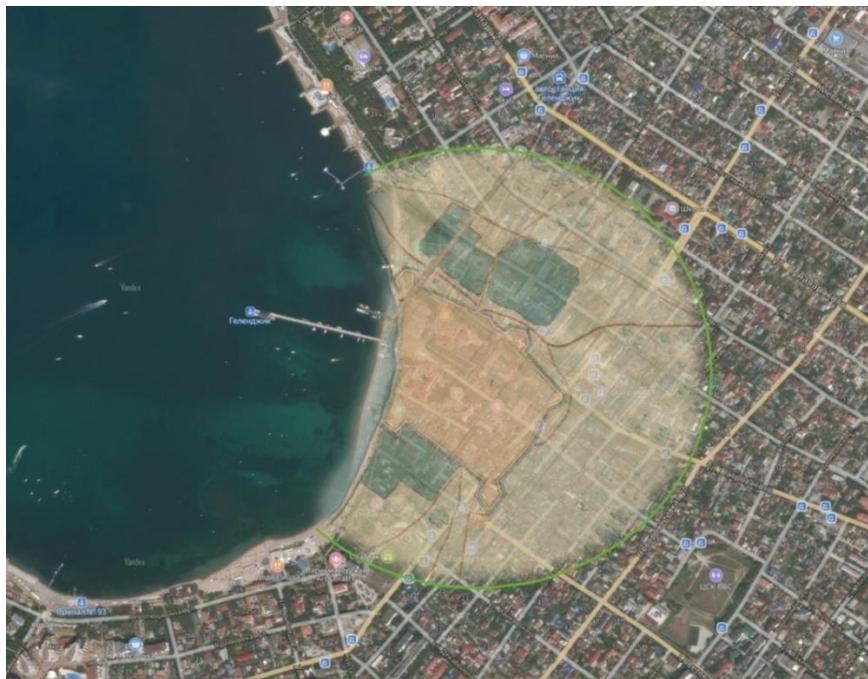
Однако, в связи с тяжелой болезнью, а затем и смертью генерал-лейтенанта Вельяминова к составлению и реализации данного проекта так и не было преступлено.

Таким образом, укрепление до самого момента его ликвидации так и оставалось на том же самом месте, какое первоначально было выбрано для полевого лагеря, разбитого десантом после высадки в 1831 г. В связи с этим, здесь будет уместным установить его фактическое положение в

непосредственной привязке к сегодняшнему городскому ландшафту, совместив в одном масштабе спутниковую карту Геленджика (Яндекс.Карты) и представленный выше «План окрестностей крепости Геленджик» из собрания РГВИА¹⁰⁶:

Как видно ниже на увеличенном фрагменте, укрепление располагалось на прибрежном участке, ограниченном ныне улицами Островского и Кирова, Южным переулком, и имело форму неправильной трапеции. Его периметр составлял 553 саженьей. Зеленой полуокружностью, идущей от морского берега в районе сегодняшней Садовой улицы на севере до Новороссийской на востоке и опять примыкающей к морю у Курзальной на юге, отмечена граница вырубki деревьев и кустарника вокруг укрепления.

Изменения в устройстве Черноморской береговой линии, последовавшие во исполнение именного указа Николая I от 5 апреля 1839 г.¹⁰⁷, имели для Геленджика двойные последствия. С одной стороны, 5 ноября 1839 г. высочайшим повелением в крепости Геленджике было упразднено

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 652

¹⁰⁷ ПСЗРИ. Т. XIV, 1839, № 12208

комендантское управление¹⁰⁸, что на практике означало, согласно Военному энциклопедическому лексикону¹⁰⁹, придание ему формального статуса укрепления. С другой, с назначением начальником Черноморской береговой линии генерал-майора Раевского, имевшего на первых порах поддержку императора, Геленджик начал выходить «понемногу из своей прежней грязи и апатии»¹¹⁰.

Как представляется, второе было гораздо важнее, так как в условиях отсутствия сколь-нибудь серьезных ассигнований на поддержание земляных верков Геленджикского укрепления, их состояние вследствие разрушений от природных явлений (ливней, паводковых вод) постепенно ухудшалось. В обозрении Восточного берега Черного моря, составленном генерал-майором Раевским в апреле 1839 г. при назначении на должность начальника Черноморской береговой линии, оно характеризовалось следующим образом: «Бруствер укрепления сделан из дурного дерна, малой профили и недостаточной толщины. Теперь он почти развалился, несмотря на то, что комендант употребляет все скудные средства свои, чтобы его поддержать ... Нет никакой возможности содержать это укрепление в порядке, который соблюдается в других по Восточному берегу.

На исправление этого укрепления нужно столько же работы, как и для постройки вновь. В таком случае лучше было бы построить небольшой форт на другом месте, саженьях в 150 от берега, так, чтобы стены старого укрепления образовали безопасное пространство для частных строений и огородов»¹¹¹.

В целях исправления ситуации по приказанию начальника 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирала Серебрякова с лета 1839 г. в Геленджикском укреплении было начато обкладывание кроны бруствера по всему протяжению огневой линии колючим кустарником, «чтобы придать ему хотя некоторую недоступность»¹¹². Но, как он сам признается в рапорте генерал-лейтенанту Раевскому, «все эти меры так неудовлетворительны, что могут быть допущены только по крайней необходимости и на короткое время»¹¹³.

Одновременно с этим сократилось и число установленных в укреплении орудий, что было обусловлено либо их выходом строя по техническим причинам (дефектам стволов и негодностью лафетов), либо необходимостью передачи в другие артиллерийские гарнизоны Кавказского (Грузинского) округа. По состоянию на 11 марта 1837 г. в нем значилось уже только:

¹⁰⁸ ПСЗРИ. Т. XIV, 1839, № 12849

¹⁰⁹ Военный энциклопедический лексикон. СПб, 1853. Том IV. С. 159

¹¹⁰ Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 317

¹¹¹ ГАКК. Ф.260. Оп. 1. Д. 62. Л. 16об; опубликовано: Архив Раевских. Т. III. С. 62

¹¹² ГАКК. Ф.260. Оп. 1. Д. 58. Л. 7об

¹¹³ ГАКК. Ф.260. Оп. 1. Д. 58. Л. 7об

крепостных - четыре 24-фунтовых, восемь 8-фунтовых, десять 6-фунтовых пушек, полевых - один $\frac{1}{4}$ -пудовый единорог, одна 6-фунтовая пушка, горных – два 3-фунтовых единорога, две 6-фунтовые медные мортирки¹¹⁴.

Согласно высочайше утвержденной 3 сентября 1837 г. ведомости о числе орудий и прочих вещей, полагающихся в резервных батареях 19-й и 20-й артиллерийских бригад, Кавказской гренадерской, а также 11-й гарнизонной артиллерийской бригады при № 1-го роте, в Геленджикском укреплении необходимо было иметь к полевой 6-фунтовой пушке боевых зарядов (с ядрами и картечью) по числу гнезд в одном зарядном ящике, к $\frac{1}{4}$ -пудовому единорогу (с гранатами, картечью и бранскуглями) – по числу гнезд в одном зарядном ящике и передке¹¹⁵.

В общем, предусмотренное на 1840 г. выделение «в дополнение к суммам, назначенным по военной смете Кавказского корпуса, ... 90104 р[ублей]. с[еребром]. на исправление Геленджика и форта Вельяминовского, на улучшение зданий во вновь предполагаемых укреплениях и на усиление перевозочных способов морем»¹¹⁶ оказалось как нельзя своевременным.

Более детальное распределение указанной суммы было доведено предписанием командира Отдельного Кавказского корпуса от 11 февраля 1840 г., согласно которому для предстоящих работ в Геленджике, рассчитанных на два года, предусматривалось:

на постройку нового форта – 133443 руб. 69 $\frac{3}{4}$ коп.,

на палисад с доставкой морем – 12000 руб.,

на два блокгауза – 10199 руб. 83 $\frac{1}{2}$ коп.

Всего – 155643 руб. 53 $\frac{1}{4}$ коп. ассигнациями или 44469 руб. 53 $\frac{1}{4}$ коп. серебром.

Для производства этих работ в Геленджике и в форте Вельяминовском разрешалось использование двух пеших казачьих Черноморских полков¹¹⁷.

Несмотря на то, что вследствие известных событий весны 1840 г. фактически в перестройке Геленджикского укрепления участвовал вместо двух казачьих полков лишь один, до наступления холодов общими силами квартирующих там и временно прикомандированных частей удалось выполнить большой объем фортификационных работ. По их итогам в первой половине 1840 г. согласно обзору Черноморской береговой линии командиром Отдельного Кавказского корпуса генералом от инфантерии Головиным, составленному по итогам его поездки по приморским укреплениям в мае-июне

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д.60. Л. 3

¹¹⁵ ПСЗРИ. Т. XII. № 10529

¹¹⁶ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.IX. С. 465

¹¹⁷ Архив Раевских. Т. III. С. 322

1840 г., состояние Геленджика характеризовалось уже как вполне удовлетворительное: «профиль усилен и ров имеет достаточную глубину для полевого укрепления. Крона бруствера густо опущена колючим терновником по внешней крутости так, что в настоящем положении неприятель не может взойти на вал. Эта оборона представляется почти непреодолимое припятствие покуда терновник не высохнет»¹¹⁸. Во второй половине года, по его мнению, работы по исправлению верков необходимо было продолжить, поскольку по-прежнему «укрепление трасировано дурно, фланговой обороны почти нет»¹¹⁹.

В конце ноября 1840 г. по высочайшему повелению для составления подробного обзора укреплений Черноморской береговой линии на Кавказ был специально командирован инженер-подполковник Постельс¹²⁰. Ознакомившись на месте с состоянием дел, им была составлена подробная записка с предложениями по совершенствованию всей системы обороны Восточного берега. Эти предложения в отношении Геленджикского укрепления¹²¹ вкупе с результатами уже произведенных до его приезда работ нашли отражение в составленном им описании и чертеже с профилями оборонительных верков¹²²:

¹¹⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп.6. Д. 259. Л. 6об

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп.6. Д. 259. Л. 6об

¹²⁰ Архив Раевских. Т. III. С. 568-569

¹²¹ РГВИА. Ф. 312. Оп.1 Д. 1536. Л. 34об-35

¹²² РГВИА. Ф. 349. Оп.1 Д.650

«По части фортификации.

Вид укрепления. Неправильный открытый со стороны моря четырехугольник, на трех сторонах коего расположены четыре бастионных фронта неправильного начертания.

Бруствер высотой от 7 до 8 футов, толстотою при бастионах 9 футов, а при куртине 4 фута.

Ров глубиною до 7 футов, среднее широтою до 2 футов.

Гласис увеличивает высоту контрэскарпа двумя футами.

Крутости имеют заложением около $\frac{2}{3}$ высоты. Эскарп бастионов одет дерном рядами, а внутренняя крутость бруствера облицована плетнем.

Земля, глинистая весьма дурным свойством. Для содержания в должной исправности крутостей требуются изнурительные для гарнизона работы, особенно зимою. Верхний слой земли весьма способен для огородных заведений, но для плакировочных работ он совершенно не годен. Дерн имеется только в низменных местах; он весьма дурных свойств, а потому дерновые одежды не представляют надлежащей прочности.

Грунт надежен для построек. На глубине от 5 до 7 футов встречается глинистый сланец в слоях весьма различной толстоты и твердости. На Северной стороне укрепления слои эти находятся на меньшей глубине от поверхности земли.

Грунтовая вода держится зимою, осенью и весною на глубине от 2 до 3 футов под поверхностью земли; но летом она значительно понижается.

Палисад, сплошной из полубрусьев толстотою от 4 до 5 дюймов, поставленный для усиления профили по брустверу вдоль линии огня 2-го, 3-го, 4-го и 5-го бастионов, высотой $9\frac{1}{2}$ футов, в земле от $3\frac{1}{2}$ до 4 футов, служит вместе с тем средством к дефилированию укрепления от командующей местности. Поставленный же в горжах бастионов со рвом впереди, имеет предметом совершенное отделение бастионов от внутреннего пространства, которого длинные куртины не могут быть достаточно заняты малочисленным гарнизоном. Тот и другой скреплены в трех местах, снизу под землею, с наружной стороны и сверху с внутренней стороны, пажилинами, прибитыми деревянными нагелями, а посередине вставными шипами. Сверх того все углы связаны полосным железом.

Бойницы расположены при поверхности бруствера в расстоянии от $3\frac{1}{2}$ до 4 футов средина от середины. В палисаде же, смыкающем горжи бастионов они находятся на $6\frac{1}{2}$ футов выше бермы. Высота отверстия 1 фут, ширина 4 дюйма.

Барбетов имеется на 15 орудий. Сверх того, пять орудий на платформах отдельных блокгаузов.

Амбразуры, устроенные в палисаде, на 1 фут выше поверхности бруствера, снабжены ставнями для прикрытия артиллеристов.

Ворот имеется двое, а именно: в куртине ближайшего к морю Северного фронта и в куртине Южного фронта. Вместо полотнищ служат подъемные части мостов, закрывающие при подъеме воротные отверстия.

Мосты, подъемные на деревянных быках.

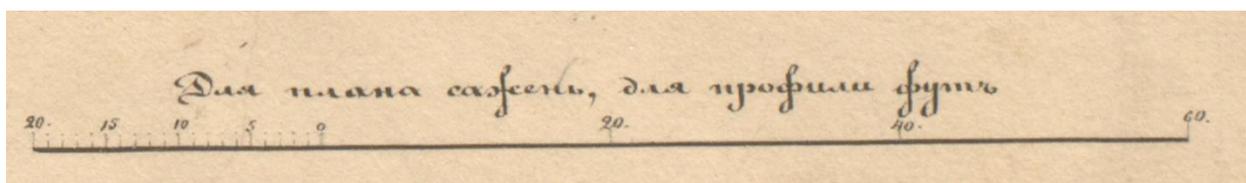
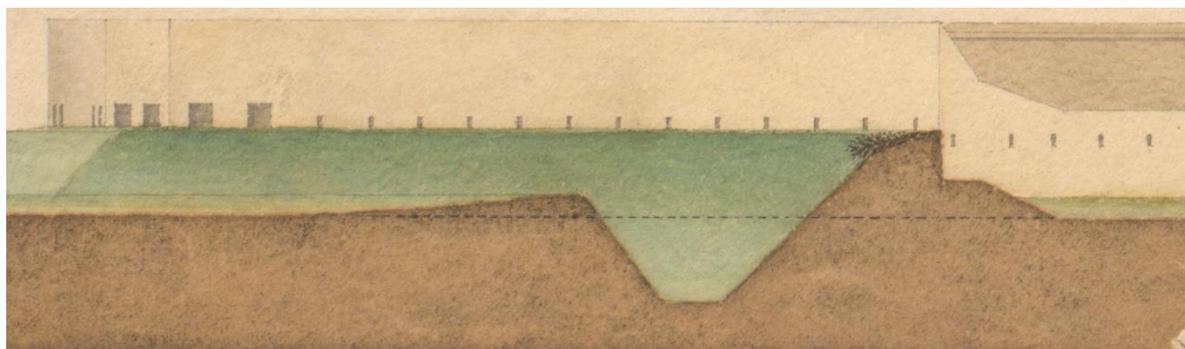
Пороховой погреб из полубрусьев под железною крышею расположен в 1-ом бастионе и одет дерном рядами. Кроме того, имеется погреб для артиллерийских снарядов, турлучный под крышею из плетня, обмазанного глиною и прикрытого малым слоем земли.

Отдельные блокгаузы, расположенные в числе пяти вокруг укрепления, в расстоянии от 70 до 90 сажень от линии огня, обеспечивают огороды, выгоны и сенокосы и затрудняют перекрестным и затыльным огнями подступы к бастионам, коих рвы не имеют фланговой обороны. Подробное описание их устройства имеется при детальном чертеже отдельного блокгауза.

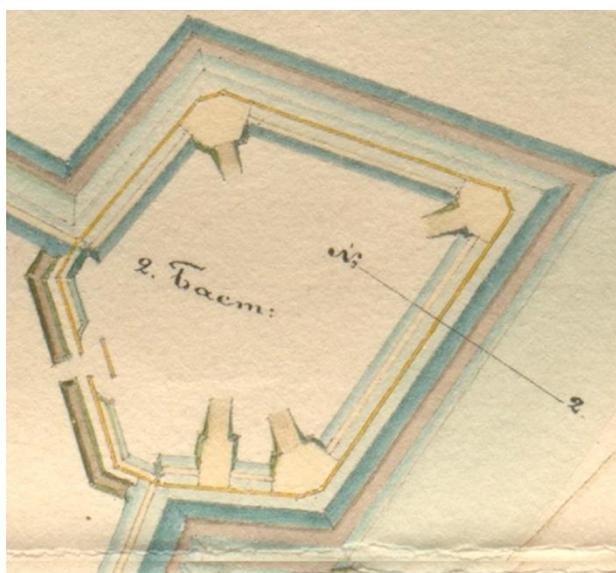
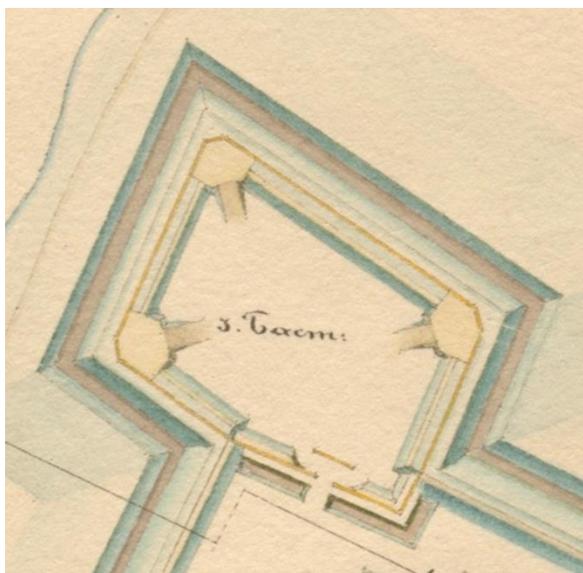
Вспомогательные средства. На подошве рва 1-го бастиона, который отделен от куртины рогатками, поставлен вдоль эскарпа палисад высотой от 8¹/₂ футов, в земле от 3 до 3¹/₂ футов. Сообщение вдоль берега при обоих прибрежных бастионах пересечено рогатками, на которых утверджен колючий терновник. По поверхности бруствера куртин утверждена засека из колючего кустарника, коего острые оконечности высунуты на несколько футов вне бруствера со стороны рва. Терновник этот растет в большом количестве поблизости укрепления и доставляет отличную засеку, но длинные и многочисленные иглы его крайне затрудняют рубку, и притом он скоро засыхает и весьма быстро загорается. По поверхности же бруствера бастионов впереди амбразур набиты заостренные колья в шахматном порядке.

Строительные материалы. Камня, годного для построек вблизи укрепления, не имеется. Глинистый сланец, скоро выветривающийся на воздух, составляет единственную породу камня, встречаемую в ближайших возвышенностях. Песок с берега моря можно почесть годным к употреблению. Глина посредственных свойств для выделывания кирпича, находится местами на глубине от 2 до 3 футов под другими слоями. Строительного леса в ближайшей окрестности укрепления не имеется. Юго-восточные возвышенности и долина реки Мезип покрыты отчасти хорошим лесом, но для рубки были бы потребны значительные отряды и жертвоприношения людьми при неминуемых перестрелках с горцами»¹²³.

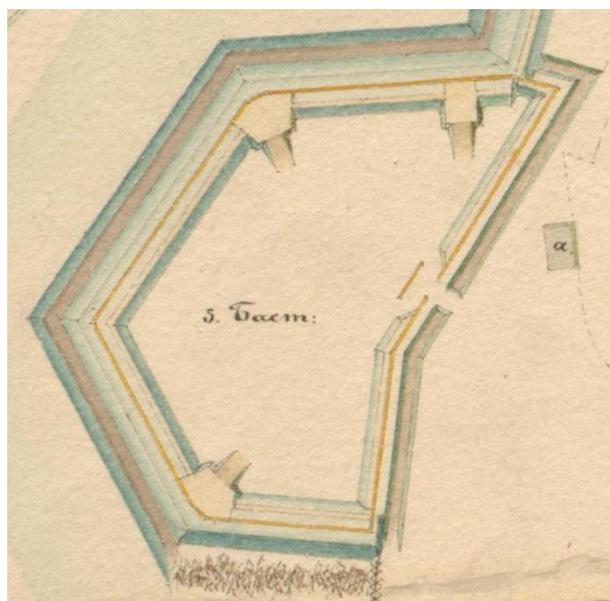
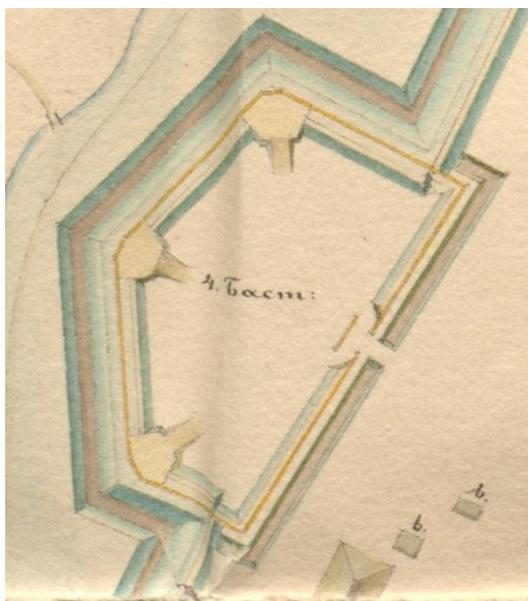
¹²³ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 2322. Л. 58-60об

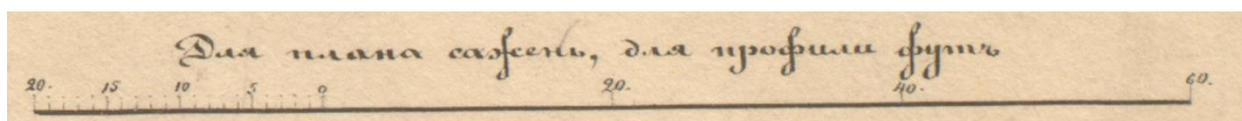
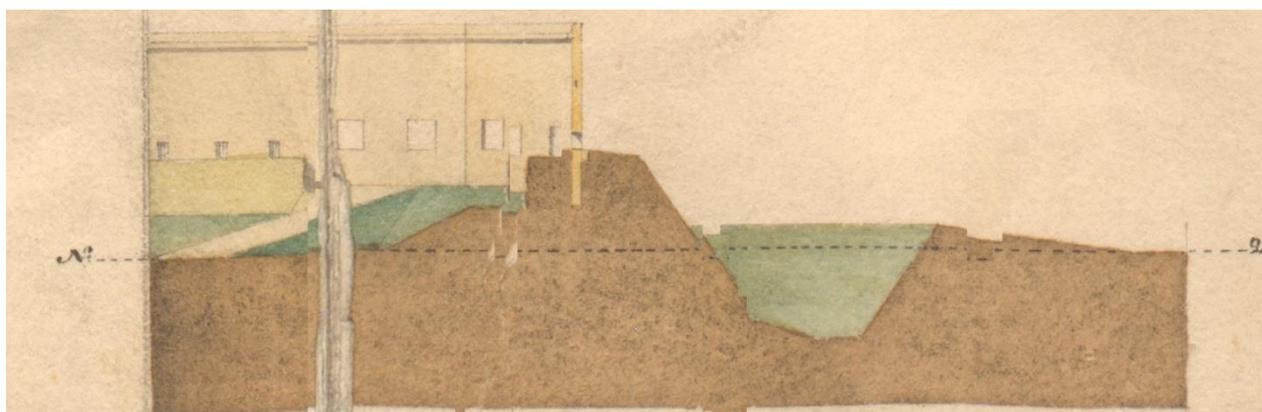
Профиль куртины

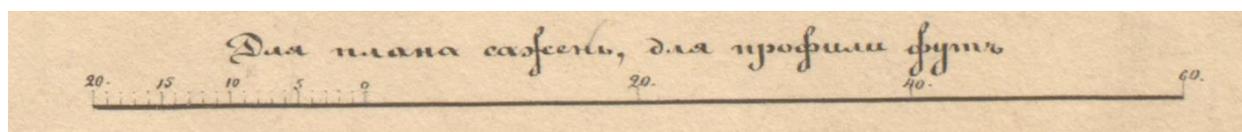
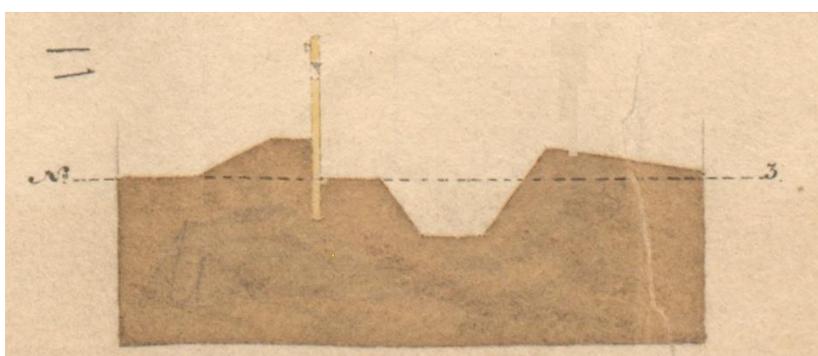
Планы бастионов №№ 3 и 2

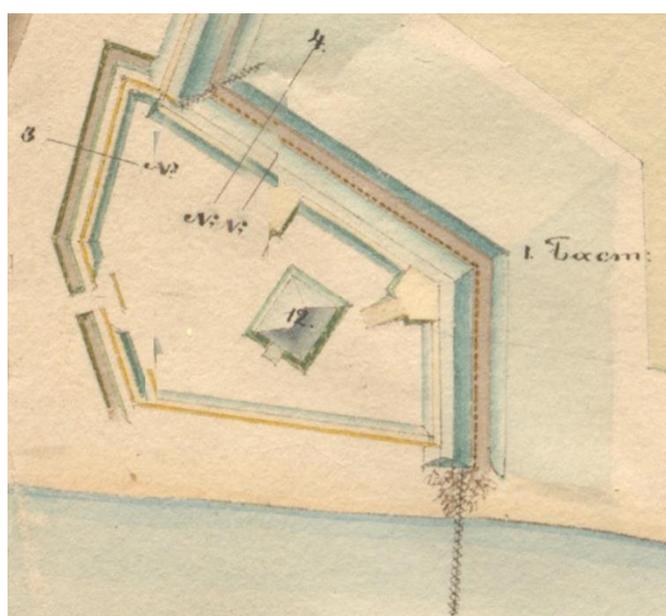
Планы бастионов №№ 4 и 5

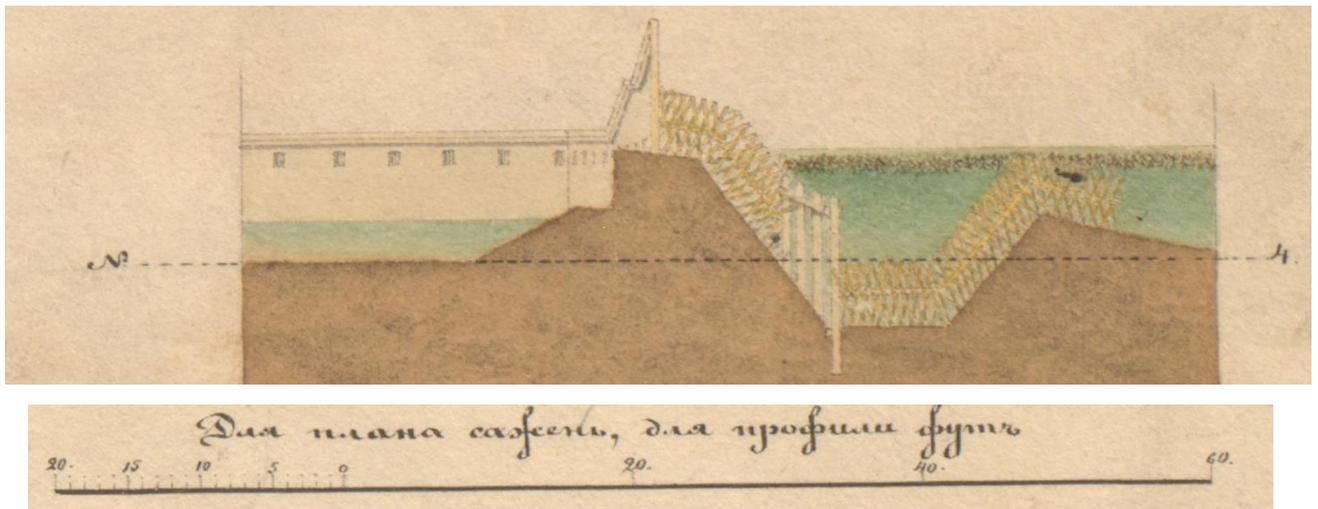
Профиль внешних фасов бастионов №№ 2, 3, 4, 5

Профиль горжи (тыльной стороны) бастионов №№ 1-5

План бастиона № 1

Профиль внешних фасов бастиона № 1

Как видно, толщина парапета согласно расчетам¹²⁴ в минимальной, но достаточной, мере обеспечивала защиту от ружейного огня горцев, благо серьезной артиллерии они не имели¹²⁵, а небольшой гласис, переходящий в окружающий ландшафт, повышал контрэскарп и служил для отвода дождевых и паводковых вод, заливающих ров. Примыкающие к берегу фасы бастионов № 1 (с южной стороны) и № 5 (с северной) продолжались заграждениями из рогаток, уходящими в море на расстояние около 13 метров.

Расположенные вокруг укрепления отдельные блокгаузы, как и бастионы, имели номера, но с какой стороны начиналась их нумерация неизвестно. Скорее всего, она велась аналогично бастионам – с юга, против часовой стрелки. Построены блокгаузы были по типовому проекту и, согласно описанию инженер-подполковника Постельса, выглядели следующим образом:

«Вид блокгауза. Бревенчатая четырехугольная постройка, заключающая жилое помещение на 25 человек, с платформой для одного орудия над потолком, и обнесенная со всех четырех сторон галереею с бойницами, коей стены облицованы дерном рядами.

Жилое помещение, построенное из цельных обтесанных брусьев на бревенчатых стульях, имеет 4 фута с каждой стороны и 10 футов высоты, и оснащается двумя окнами. Пол из чистых досок настлан по балкам на один аршин выше горизонта местности с подсыпкою земли и забивкою промежутков между стульями камнями на глине. Нары на 25 человек расположены вдоль стен, а русская печь в одном из углов, с железною трубой, проведенной через сруб.

Платформа имеет восьмиугольный вид и обнесена на 3¹/₂ фута высотой бревенчатым срубом, на котором утверждены железными наугольниками

¹²⁴ Теляковский А. Указ. соч. С.11-12

¹²⁵ Подробнее см.: Остахов А.А. Артиллерия черкесов в Кавказской войне (1765–1864) // Археология и этнология Северного Кавказа. 2017, № 7. С. 146-157

стойки, поддерживающие крышу. Пространство между стойками забрано поверху толстыми досками и брусьями, к коим привешены на петлях ставни высотой 2 фута, шириною $2\frac{1}{2}$ фута, отворяемые во время действия посредством веревок, прикрепленных снаружи....

Галерея состоит из брусчатого сруба с продольными бойницами, поставленного вокруг строения на горизонте местности в расстоянии 6 футов от стен.

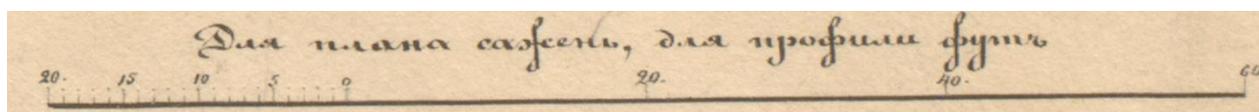
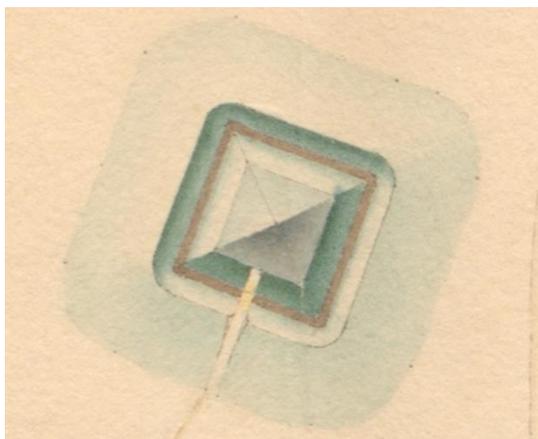
Крыша покрыта железными листами, над платформою на восемь скатов, над четырьмя выступами углов жилого помещения – на два, а над галереей – на один скат. Она окружена водосточными жалобами трубами и окрашена масляной краской....

Дверь расположена посередине одного из фасов строения. Из жилого помещения на платформу ведут две лестницы, приставленные к люкам, кои оббиты войлоками.

Ров имеет до 2 футов средней широты. Глубина его не везде одинакова, а в зависимости от грунта; но со включением гласиса, она имеет во всех фортах от 10 до 12 футов, а иногда и более. Крутости плакированы, где местные обстоятельства того позволяли. Эскарп отделан под углом 45 градусов и круче, а контрэскарп имеет заложение в $\frac{2}{3}$ высоты. Облицовка стен галереи сделана или из дерна, положенного рядами, или из плакированной земли, и срезана по продолжению отлогости контрэскарпа, оканчиваясь под бойницами.

Мост разборчатый на двух переводинах, коих поверхность нарублена гребнем. В ночное время настилочные доски хранятся в галерее.

Водоотводная труба, имеющее начало свое под подошвой рва, сложена по большей части из местного камня на глине с пластинным верхом, а в других местах, по недостатку камня, она сплавивалась из досок»¹²⁶.

План одного из блокгаузов

¹²⁶ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 2322. Л. 39-40

Хотя каждый блокгауз был рассчитан на 25 человек, судя по ведомости о «ежедневном расходе нижним воинским чинам, выходящим на службу в укреплении Геленджик» от 16 июля 1842 г., по факту гарнизон каждого такого блокгауза составлял 11 человек днем и 13 – ночью¹²⁷.

В дальнейшем предполагалось также окружить блокгаузы и соединить их между собой и с морем засекой.

Интересно, что произошедшие изменения оценили по достоинству далеко не все: «Крепость Геленджик исправлена и изуродована (*sic!* – А.Г.) палисадом, поставленным на кроне бруствера...»¹²⁸, записал в своем дневнике М.Ф. Федоров, вновь увидевший Геленджик через четыре года после первого его посещения в 1837 г.

В целом же, как рапортовал инженер-подполковник Постельс Генерал-инспектору по Инженерной части в январе 1841 г. по итогам своей поездки на Черноморскую береговую линию, «все высочайше утвержденные на сей (1840 – А.Г.) год предположения приведены ныне с точностью в исполнение и укрепления эти представляют во всех частях прочный и надежный оборонительный вид»¹²⁹.

Поскольку командировка инженер-подполковника Постельса носила довольно узкий, специализированный характер, император, обеспокоенный после драматических событий весны 1840 г. ситуацией на Черноморской береговой линии и к тому же получивший от флигель-адъютантов Крузенштерна и Боратынского информацию о якобы имевшихся там существенных недостатках, в декабре того же, 1840 г., направил на Кавказ флигель-адъютанта полковника Астафьева с особым предписанием выяснить истинное положение дел с состоянием и довольствием гарнизонов прибрежных укреплений, состоянием их оборонительных верков, артиллерии, жилых и хозяйственных зданий, обеспечением врачебными пособиями, исполнением обязанностей гарнизонов по охранению укреплений и берега, а также организацией меновой торговли с горцами¹³⁰.

В подробном рапорте на имя Военного министра графа Чернышева от 1 марта 1841 г. по итогам своей поездки полковник Астафьев в части Геленджикского укрепления докладывал, что «оборонительные верки, орудия с принадлежностями и боевые снаряды содержатся в должной исправности, но от дождей и сильных береговых ветров дерновая окладка брустверов и эскарпов

¹²⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д. 98. Л.236

¹²⁸ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. Т. III. С.75

¹²⁹ РГВИА. Ф. 312. Оп. 1. Д. 1536. Л. 42-43 (Исключение составил лишь форт Навагинский, где из-за неблагоприятных погодных условий и плохого грунта не удалось довершить устройство блокгаузов и исправить некоторые обрушения вала)

¹³⁰ Архив Раевских. Т. III. С. 578-586

исходящих углов бастионов частью обвалилась; для исправления некоторых упущений я дал Военному начальнику инструкцию, заключающую в себе:

- 1) Сомкнуть палисадами горжи бастионов 1-го, 3-го, 4-го и 5-го;
- 2) Обвалившиеся дерновые крутости оплакировать черную землю, наблюдая, чтобы угол склонения эскарпа был бы отнюдь не более 15°; частью и этому недостатку приписываю я обвалы;
- 3) Во всех подъемных частях мостов прорезать по 3 бойницы для обстреливания входа, что прежде не было сделано;
- 4) Палисад, покривившийся в некоторых местах от отвесного направления, укрепить, вбив с наружной и внутренней стороны глубиною в землю до 8 фута, и соединить их горизонтальным лежнем, который должен находиться на 1 фут в земле; как сваи, так и лежни скрепить железными хомутами»¹³¹.

Эти предложения были в дальнейшем дополнены инструкциями по устранению произошедших в течение зимы повреждений и улучшению оборонительных средств, составленными инженер-поручиком Натом, который был направлен инженер-подполковником Постельсом для оказания помощи военным начальникам в изыскании средств, хотя бы временных, к немедленному исправлению неисправностей оборонительных построек¹³².

Помимо сделанных распоряжений для улучшения укреплений Черноморской береговой линии, еще одним важным результатом командировки инженер-подполковника Постельса стали разработанные им в 1842-1844 гг. согласно высочайшей воле, последовавшей вследствие представления генерал-лейтенанта Раевского, проекты построения крепостей в Геленджике, Новороссийске и Сухум-кале. Как видно из составленного им очередного плана крепости в Геленджике, ее строительство предполагалось на месте уже существовавшего укрепления¹³³.

Представляя свой проект в Инженерный департамент Военного министерства, инженер-подполковник Постельс отметил: «Местность, означенная на генеральном плане, позволяет дать укреплению правильный вид, а потому полагается образовать оное из трех фронтов, примыкающих одним крылом к редюиту или цитадели и замкнутых в горже. В середине каждого полигона расположены казармы, исполняющие назначение капониров, и также замкнутые с внутренней стороны на случай отдельной обороны. Внутренность укрепления разграничена на кварталы для потребностей гарнизона.

¹³¹ ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д. 204 (Опубликовано: Архив Раевских. Т. IV. СПб, 1912. С. 97-101)

¹³² Архив Раевских. Т. IV. С. 125-127

¹³³ РГВИА. Ф. 349. Оп.12. Д. 653

В предполагаемых казармах может поместиться 550 человек и в каждой из 4-х отдельных башен, показанных на плане, 25 человек. Относительно сих башен следует иметь в виду то же ограничение, как и при устройстве их около укрепления Новороссийска, т.е. пункты для них должны быть избраны сколь возможно более выгодные и открытые для обороны.

Для фланковой обороны укрепления и для обстреливания окружающей местности полагается орудий 22 и крепостных ружей 24.

Впрочем, касательно предполагаемого укрепления Геленджика нельзя не обратить внимания на то, что пункт сей, находясь вблизи Новороссийска, укрепления довольно значительного и имеющего бухту более обширную, чем Геленджикская, быть может по местным соображениям не потребует такого усиления как Новороссийск, в таком случае достаточно будет построить при существующем укреплении только одну цитадель или редюит, с пересыпкою некоторых частей земляного вала и усилением его профили, или же вместо земляного вала укрепить местность отдельными постройками»¹³⁵.

Наряду с очевидными фортификационными достоинствами проекта, долженствующего превратить Геленджикское укрепление в полноценную крепость, не меньшего внимания, безусловно, заслуживает и такая его неординарная для крепости деталь, как предусмотренный при лазарете небольшой водоем (бассейн или фонтан) с двумя зелеными сквериками.

По расчетам автора проекта, стоимость его реализации, включая «возведение оборонительных зданий Геленджикского укрепления, обнесения их оградой с барбетами и на образование рва с гласисом», должна была составить 291490 рублей¹³⁶.

Увы, но и эта, вроде бы реальная, перспектива кардинальной перестройки Геленджика оказалась эфемерной. Хотя поступивший в Инженерный департамент проект крепости и не был там принципиально отклонен, а лишь получил ряд замечаний («уменьшить объем укрепления, не включая в него частных строений, а одне только потребности гарнизона; редюит расположить на берегу моря, соглашая возможные удобства расположения онаго со сбережением издержек»), 23 ноября 1844 г. Военный министр граф Чернышов проинформировал Генерал-инспектора по Инженерной части, что по его докладу об укреплении Новороссийска, Геленджика и Сухум-кале император собственноручно написал: «следует все покуда принять к сведению»¹³⁷, что фактически поставило крест на возможности практического воплощения разработанных инженер-подполковником Постельсом проектов.

¹³⁵ РГВИА. Ф. 312. Оп.1. Д. 1730. Л. 9-10об

¹³⁶ Ф. 312. Оп.1. Д. 1730. Л. 12об

¹³⁷ Ф. 312. Оп.1. Д. 1730. Л. 19

После исправления оборонительных верков в 1840 г. стала очевидна избыточность имевшегося в Геленджикском укреплении артиллерийского вооружения, практическая ценность части которого к тому же была относительна. Орудия, как вспоминает Г.И. Филипсон, были «разных калибров и арсеналов, чугунные, служившие с 1813 года; а лафеты деревянные были до того гнилы, что рассыпались нередко после нескольких выстрелов»¹³⁸. Особенно неудобными являлись 24-фунтовые морские пушки, весившие 149 пудов¹³⁹. Поэтому, в конце концов, было признано целесообразным уменьшить число установленным в нем орудий: на начало 1853 г. артиллерийский парк насчитывал всего пять 12-фунтовых и семь 6-фунтовых пушек, девять $\frac{1}{2}$ -пудовых и четыре $\frac{1}{4}$ -пудовых единорогов, две 2-пудовые мортиры¹⁴⁰.

С этого времени (1840 г.) каких-либо масштабных фортификационных работ в Геленджике, видимо, уже не производилось – вместо этого основные усилия и финансовые средства направлялись на строительство в нем капитальных служебных сооружений (казарм, складов, домов для офицерского состава и т.п.), дабы улучшить условия службы тамошнего гарнизона. Само же состояние оборонительных верков и артиллерийской части Геленджикского укрепления согласно обзорным отчетам о состоянии Черноморской береговой линии, например, генерала от инфантерии Нейдгардта от 8 июля 1843 г.¹⁴¹ и генерал-майора Будберга¹⁴² от 18 августа 1844 г., а также Военно-статистическому обозрению Российской империи (1853 г.)¹⁴³ в целом почиталось в удовлетворительном положении.

Конечно, помимо этих отчетов, было бы желательно оценить состояние укрепления Геленджик, например, по его планам, составленным в 1844 г., 1846 г., 1849 г., 1850 г., 1851 г., числившихся в Собрании карт и планов Военно-исторического отдела Штаба Кавказского военного округа¹⁴⁴ и, возможно, в настоящее время хранящихся в фонде 1087 «The Military Historical Division of the Headquarters of the Caucasus Military District» Центрального исторического архива, являющегося составной частью Национального архива Грузии.

Из выявленных же в РГВИА пяти планов Геленджикского укрепления за вторую половину 40-х – первую половину 50-х гг. XIX в. в удовлетворительном физическом состоянии сохранился лишь один. Физическое состояние еще трех

¹³⁸ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 325

¹³⁹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М, 1972. С. 571

¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 220. Л. 13

¹⁴¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.IX. С. 897-900

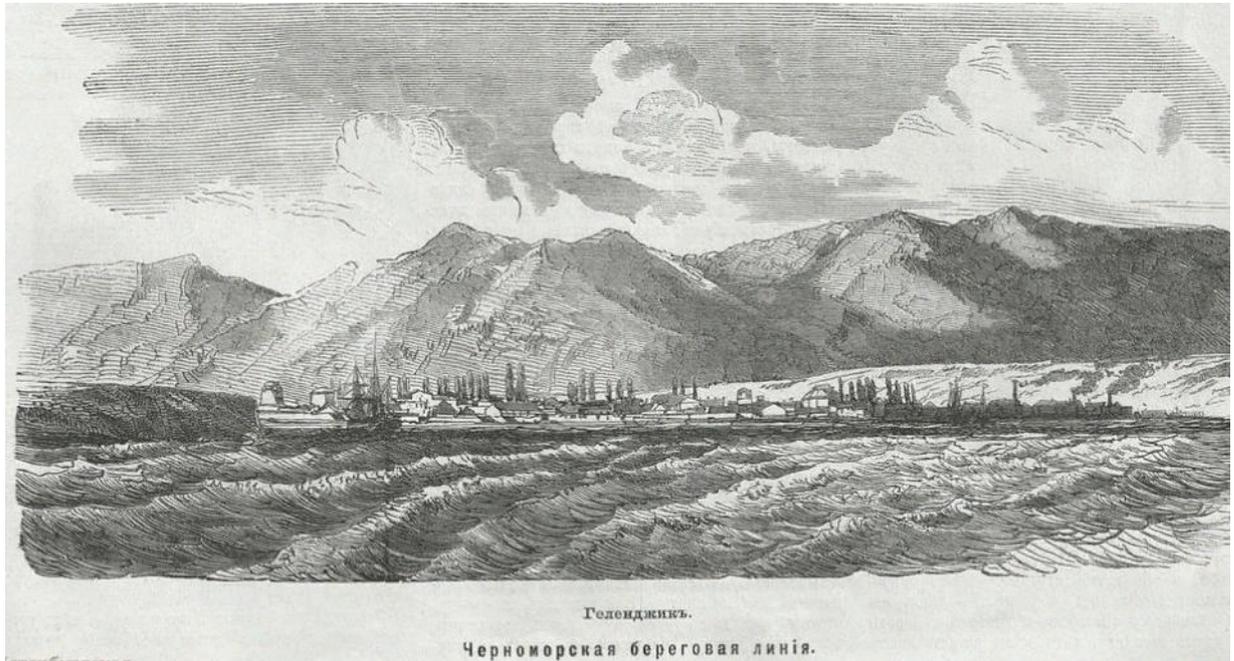
¹⁴² РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 2757. Л. 12об

¹⁴³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI, часть 10 «Восточный берег Черного моря». СПб, 1853. С. 41-43

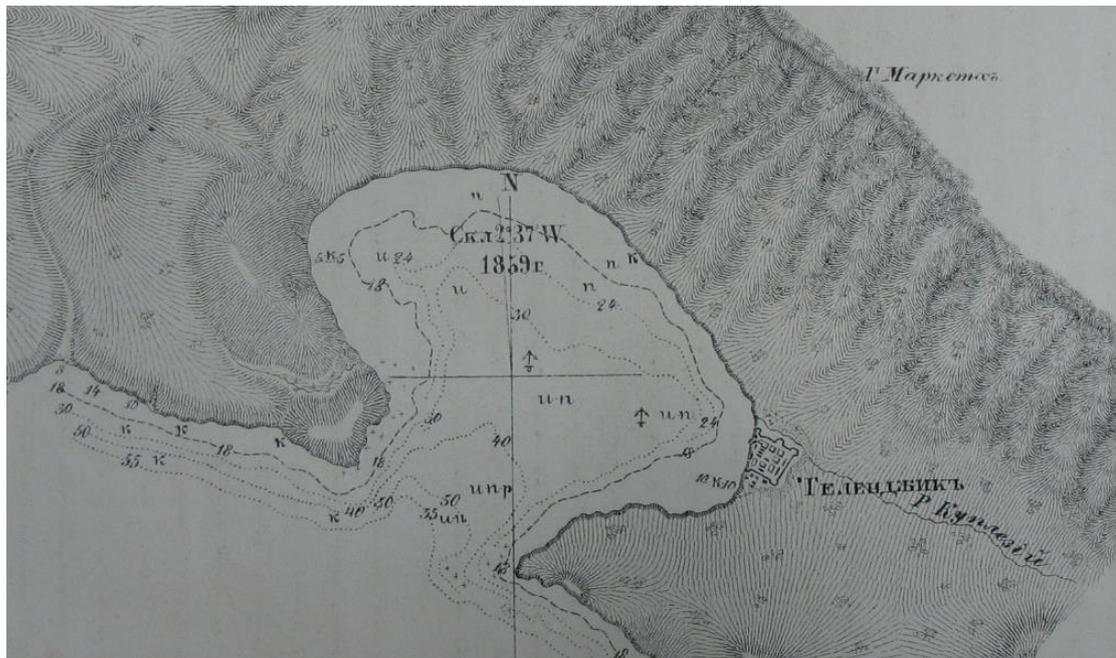
¹⁴⁴ Воробьев Н.И. Указатель сочинений о Черноморском побережье Кавказа (Анапа - турецкая граница). Вып. I. Петроград, 1915. С 219

планов¹⁴⁵ не позволяет их каким-либо образом использовать, а местонахождение еще одного – не установлено.

Представление о Геленджике на начало 50-х годов XIX в. можно получить из вида укрепления, опубликованного в качестве приложения к статье «Черноморская береговая линия» в популярном в то время журнале «Всемирная иллюстрация»¹⁴⁶:

и из плана Геленджикской бухты, включенного в изданную в Николаеве в 1867 г. «Лоцию Черного моря»¹⁴⁷:

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 15261. Оп.1. Д. 1811, 1814, 1815

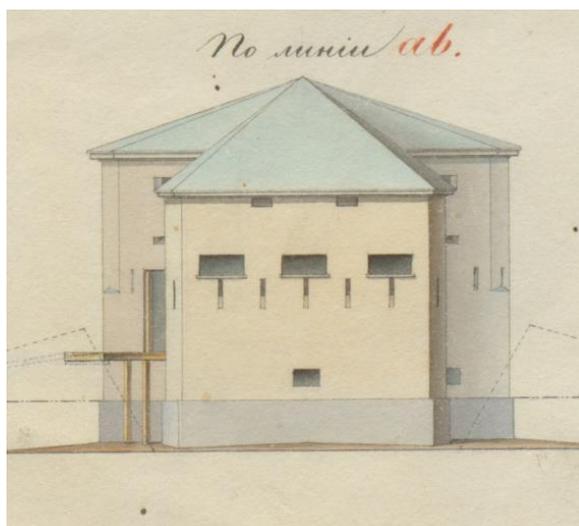
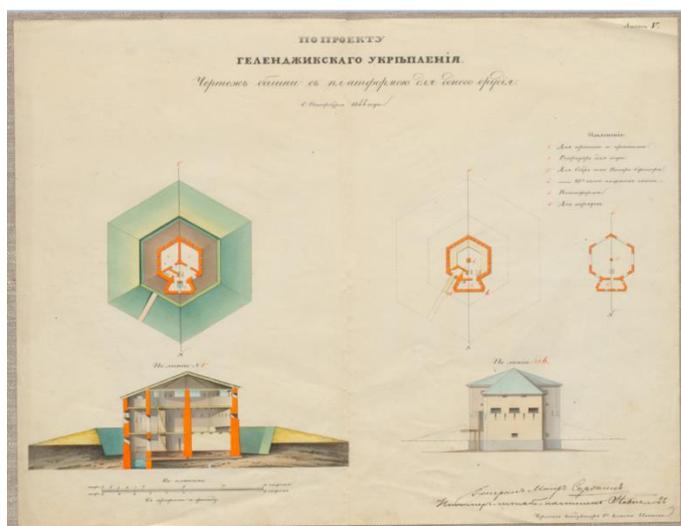
¹⁴⁶ Нисченков А. Черноморская береговая линия // Всемирная иллюстрация, № 35, т. II, 23 августа 1869 г.

¹⁴⁷ Лоция Черного моря. Издание 2-е, исправленное и дополненное помощником начальника гидрографической части Николаевского порта лейтенантом Павловским. Николаев, 1867. Л. 156а

Последним капитальным фортификационным сооружением в Геленджике стала оборонительная башня, возведенная в 1853 г. вместо наиболее обветшавшего к этому времени блокгауза № 4, но на 50 саженей далее от укрепления. О необходимости ее постройки писал еще инженер-подполковник Постельс: «... отдельная цепь малых возвышенностей, которая ограничивает место расположения укрепления на юге и востоке, представляет повсюду удобные подъемы и выгодные для наступающего неприятеля позиции. Для отвращения столь важного неудобства и для наблюдения за действиями горцев в долине реки Мезип, находящейся на противоположной стороне этой цепи, недостает еще при укреплении одной башни на 25 человек, которая сверх того дала бы возможность к размножению хозяйственных заведений»¹⁴⁸.

Конструктивно повторяя популярные в фортификации первой половины XIX в. так называемые «башни мартелло», она была построена «из керченского камня под железной крышей с устройством в верхнем этаже 6-ти амбразур со ставнями для одного подвижного орудия на полевом лафете и в нижнем этаже 20-ти бойничных окон со стеклами и двойными дверьми, оббитыми железом, и для помещения 15 человек гарнизона сложена печь с топкою каменным углем»¹⁴⁹. Полная стоимость ее постройки составила 1772 рубля 86³/₄ копейки серебром¹⁵⁰.

К сожалению, ни чертежей, ни рисунков башни в деле о ее строительстве нет. Можно, впрочем, предположить, что в инженерном отношении она была во многом аналогична башне, предполагаемой к постройке по уже опоминавшемуся проекту 1844 г.¹⁵¹, но меньшего масштаба.

Летом 1853 г. с началом Крымской (Восточной) войны по приказанию вице-адмирала Серебрякова в целях усиления защиты со стороны моря в ряде

¹⁴⁸ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 2322. Л. 61

¹⁴⁹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1597. Л. 36

¹⁵⁰ Подсчитано по сметам работ (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1597. Л.46об-47, 51об-52)

¹⁵¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 657

укреплений Черноморской береговой линии, включая Геленджик, были построены дополнительные земляные батареи¹⁵². Для их оснащения из Севастополя передавалось 38 пушек (31 12-фунтовая и 7 18-фунтовых)¹⁵³. В результате этого по состоянию на ноябрь 1853 г. артиллерийский парк Геленджикского укрепления составил¹⁵⁴:

пушки: 18-фунтовые – 2, 12-фунтовые – 11 (все чугунные), 6-фунтовые – 8 (7 чугунных и 1 медная);

единороги: $\frac{1}{2}$ -пудовые – 10 (9 чугунных и 1 медный), $\frac{1}{4}$ -пудовые – 5, 10-фунтовые горные – 2, 3-фунтовые горные – 3;

мортиры: 2-пудовые – 2.

Выяснение места возведения в Геленджике такой батареи и числа установленных на ней орудий требует дополнительного поиска по документам Канцелярии начальника Черноморской береговой линии.

Дальнейшая судьба Геленджикского укрепления общеизвестна: во избежание захвата англо-французским флотом 30 марта 1854 г. его оборонительные верки и другие сооружения были взорваны¹⁵⁵, благо осуществить это было нетрудно при наличии в его пороховом погребе накануне оставления гарнизоном порядка 769 пудов пороха¹⁵⁶, что согласно инженерному справочнику frva.ru эквивалентно 6,5 т тротила.

Подытоживая рассказ о создании и эволюции фортификационных сооружений Геленджика, можно констатировать, что их история условно делится на два этапа: от основания в июле 1831 г. до конца 1840 г., в течение которого укрепление фактически оставалось не более чем укрепленным лагерем, и с 1841 г. по апрель 1854 г., когда оно в соответствии с пожеланиями императора Николая I было приведено «в состояние удовлетворительное, и во всех видах и отношениях соответствующее потребностям» гарнизона¹⁵⁷.

Весь период своего существования Геленджикское укрепление, хотя и было способно выдержать нападение горцев даже в превосходных силах, но, по большому счету, имело временный характер, а ее отнесение в период с 1832 г. по 1839 г. к штатным крепостям 2-го разряда было чисто формальным. При этом все попытки устроить в Геленджикской бухте полноценную крепость по различным причинам: объективным (отсутствие подходящего с точки зрения фортификации места, большие финансовые издержки на предполагаемое

¹⁵² РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 220. Л. 10-10об

¹⁵³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 220. Л. 12

¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 220. Л. 41об

¹⁵⁵ Подробнее см. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2637. Л. 163об., 168. Опубликовано: «Черноморская береговая линия. 1853-1855 гг. (Подборка документов о боевых действиях в Северной части Черноморской береговой линии в период Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., составленная А. Бабичем» (<https://proza.ru/2016/07/04/1174>)

¹⁵⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 220. Л. 42об

¹⁵⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.IX. С. 465

строительство) и субъективным (негативное отношение к реализации такого проекта со стороны местного, кавказского, командования, отдававшего предпочтение Суджукской (Новороссийской) бухте, неудачный выбор инженеров-проектировщиков) - оказались в конечном итоге безрезультатными.

В целом же, было бы одинаково неправильно считать Геленджикское укрепление либо долговременным оборонительным пунктом и, соответственно, предъявлять к нему требования Правил для вооружения крепостей и укреплений, высочайше утвержденных 29 ноября 1844 г.¹⁵⁸, либо называть его вслед за турецким майором Осман-беем «маленьким, ничтожным»¹⁵⁹. Оно предназначалось для решения совершенно конкретного, довольно ограниченного, круга задач и, в качестве временного, практически полностью отвечало требованиям «Руководства по расположению и построению временных укреплений на Кавказе», а именно:

- «а) не подвергаться влиянию окружающей местности;
- б) сопротивляться действию ружейного огня;
- в) быть обеспеченными от нечаянных нападений и эскалады;
- г) по величине своей, согласоваться с назначенным для обороны их гарнизоном; а на случай - когда бы гарнизон состоял в меньшем числе и потому не мог защищать равномерно всего укрепления – должны иметь *редюиты* которые бы при отступлении служили гарнизону убежищем для упорной обороны до истощения всех средств;
- д) были бы снабжены в достаточном количестве военными запасами и жизненными потребностями;
- е) постройкой своею, сообразною с местными средствами, соответствовали своему назначению и не стоили значительных издержек.

Сверх того, в ближайшей окрестности, при таких пунктах должны находиться обеспеченные места для хозяйственных потребностей гарнизона, как-то: огородов, пастбищ и сенокосов»¹⁶⁰.

К тому же вся многовековая история войн свидетельствует о том, что неприступность крепости определяется не одной только мощью ее оборонительных верков, но в неменьшей степени также стойкостью войск, составляющих ее гарнизон, и распорядительностью их воинских начальников. Пусть в «русском форте» в Геленджикской бухте, как пишет Дж. А. Лонгворт, «стена была из земли, и дома и магазины из дерева»¹⁶¹, зато защищали его, по крайней мере на первых порах, «стальные» воины, заслужившие в июне 1829 г.

¹⁵⁸ ПСЗРИ. Т. XIX, 1844, № 18480

¹⁵⁹ Майор Осман-бей. Воспоминания 1855 г. // Кавказский сборник. Т. II. 1877. С. 213

¹⁶⁰ Сорокин А.Ф. Руководство по расположению и построению временных укреплений на Кавказе. СПб, 1844. С. 6

¹⁶¹ Longworth J.A. A year among the Circassians. Vol. 1, 1840. P. 300

(<https://archive.org/details/ayearamongcirca02longgoog/page/n323/mode/2up>)

в войне с турками одну из наиболее почетных наград российской императорской армии - Георгиевские знамена.

Глава 2. Гарнизонные части и старшие воинские начальники

Коликое число постов, такожде город [или крепость] великостю будет, потому и великой гварнизон содержать надлежит.

Устав воинский. 1716 г. Глава 59, §1.

Получив предписание генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского от 19 мая 1831 г. с изъявлением Высочайшей воли об установлении контроля над Геленджикской бухтой, командуя войсками на Кавказской линии, Черномории и Астрахани генерал от кавалерии Емануель на следующий же день направил начальнику 20-й пехотной дивизии генерал-майору Берхману приказание о выделении необходимого для этого войск и направлении их в пункт амбаркации на выделенные Черноморским флотом корабли¹⁶².

Выдвижение войск к Анапской крепости, где была намечена погрузка на суда, осуществлялось в целях обеспечения скрытности под видом объявленного генералом от кавалерии Емануелем по всем состоящим под его командованием войскам приказом от 20 мая 1831 г. № 19¹⁶³ инспекторского смотра, продублированного приказом по 20-й пехотной дивизии от 4 июня 1831 г.¹⁶⁴ Не имея равно никаких сведений ни о местности в районе предполагаемой высадки, ни о численности горцев, могущих воспрепятствовать выполнению поставленной перед ним задачи, генерал-майор Берхман назначил в десант составлявшие 2-ю бригаду его дивизии Нашебургский и Козловский пехотные полки¹⁶⁵, Легкую № 2 роту 20-й артиллерийской бригады, а также команду резервной батареей № 5 роты 21-й артиллерийской бригады с 2 горными единорогами и 2 кегорновыми мортирками.

В своей работе Ф.А. Щербина¹⁶⁶ называет общую численность экспедиционного отряда из шестнадцати пехотных и одной артиллерийской роты, получившего, разумеется, название Геленджикского, в 4138 человек, в том числе 13 штаб-офицеров, 103 обер-офицеров, 413 унтер-офицеров, 142 музыканта, 3253 рядовых, 147 нестроевых и 67 денщиков. Однако эти цифры, взятые им, очевидно, из рапорта генерал-майора Берхмана, относятся ко

¹⁶² Ф.Д. де Монпере пишет о 15 вымпелах (см. Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монперэ «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 95), но это общее число кораблей, участвовавших в экспедиции. Непосредственно войска были посажены на 10 из них.

¹⁶³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 6. Л. 51об-54об

¹⁶⁴ РГВИА. Ф. 15050. Оп. 1. Д. 1. Л. 80

¹⁶⁵ Без 3-их (резервных) батальонов, которые вместе с такими же батальонами других полков 20-й пехотной дивизии были стянуты к центру Кавказской линии (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 39. Л. 22, Д. 84. Л. 454-455)

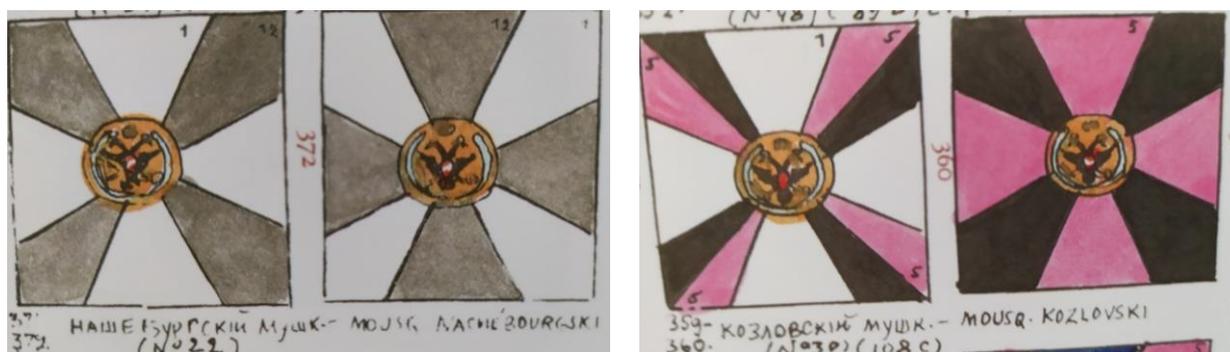
¹⁶⁶ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 10

всей численности 2-й бригады 20 пехотной дивизии, а не к войскам, назначенным в экспедицию. В действительности же, согласно подробной «Ведомости о размещении на суда сухопутных войск 2^й бригады 20^й пехотной дивизии, следующей для занятия Геленджика»¹⁶⁷ от 4 сентября 1831 г., десантный отряд состоял из:

	генерал-майор	офицеры			музыканты	рядовые	нестроевые	назначенные денщиками и слугами	итого
		штаб	обер	унтер					
Всего:	1	10	64	244	104	1988	63	36	2509

Помимо них, на одном из судов экспедиции находились: Козловского пехотного полка 1 священник, при генерал-майоре 1 черкес и при полках маркитантов 3.

Выбор вышеназванных частей, очевидно, был не случаен. Во-первых, они имели к этому времени давнюю и славную историю, восходящую у первого к первой четверти XVIII в., у второго – к середине того же века¹⁶⁸, и репутацию стойких и надежных частей. В уже упоминавшийся в предыдущей главе книге В.В. Звезгинцова¹⁶⁹, помещены изображения батальонных знамен¹⁷⁰ этих полков по состоянию на 1797 г., когда они еще были мушкетерскими:

Оба полка принимали участие в Отечественной войне 1812 г., причем Нашебургскому пехотному полку «за подвиги в войне с Францией 1812, 1813 и 1814 годов» были пожалованы серебряные трубы с надписью «Нашебургского пехотного, 1814 года Августа 30 дня, в воздаяние отличных подвигов против Французских войск».

Согласно А.Л. Гизетти¹⁷¹, оба полка прибыли на усиление Отдельного Кавказского корпуса в составе 20-й пехотной дивизии во второй половине 1826 г. в период войны с Персией (1826-1828 гг.) и особенно отличились в

¹⁶⁷ РГАВМФ. Ф.243. Оп. 1. Д. 2615. Л. 304-304об

¹⁶⁸ См. Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.2. С. 110, 115; Хроника российской императорской армии. СПб, 1852. Ч. VI. С. 24, 165

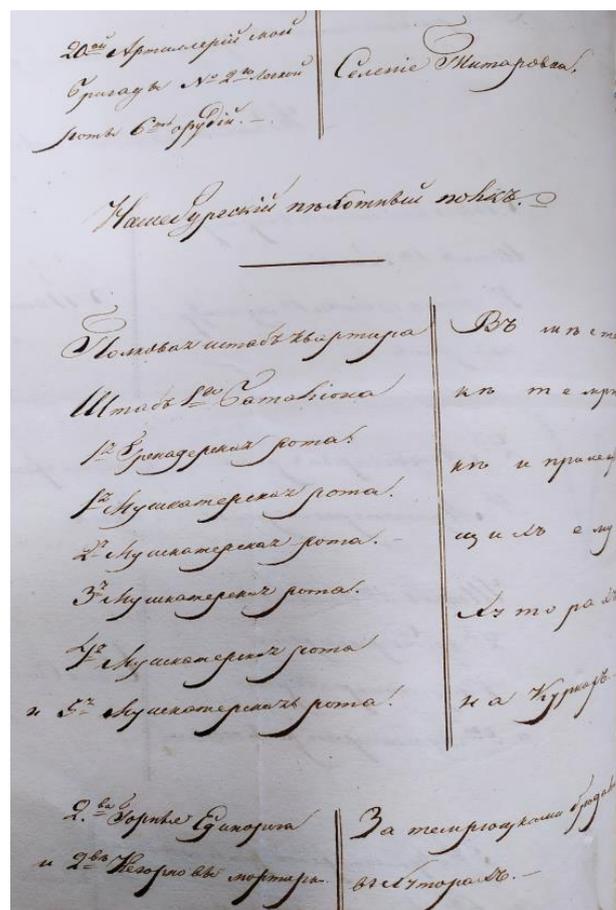
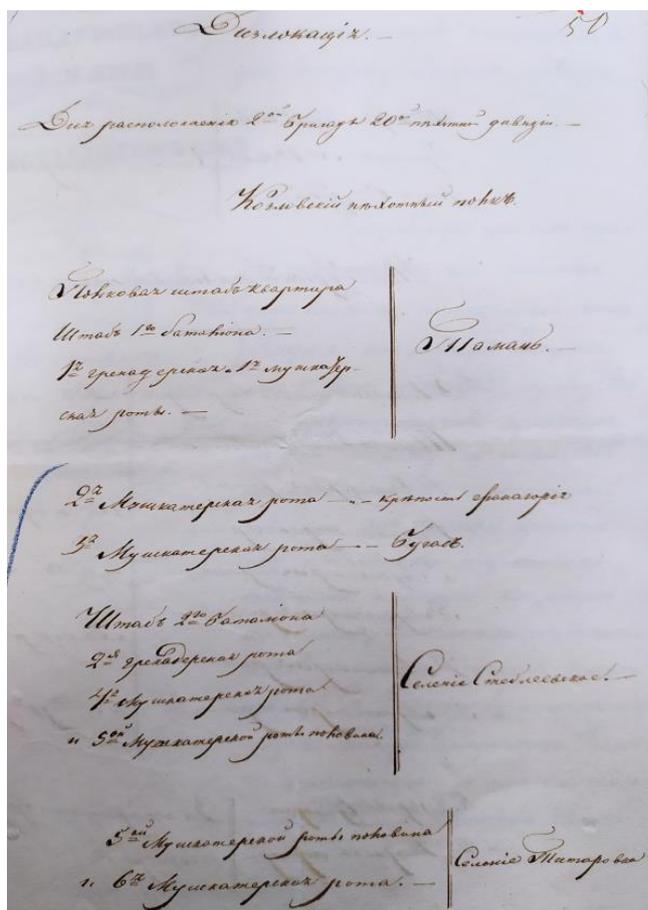
¹⁶⁹ Звезгинцов В.В. Знамена и штандарты Русской армии (XVI в.-1914 г.) и морские флаги / Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». М., 2008. Лист 59. Разумеется, до начала 30-х годов XIX в. они несколько раз менялись

¹⁷⁰ Как известно, полковые знамена было установлено жаловать только с 1883 г.

¹⁷¹ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч. 1. С. 67

русско-турецкой войне 1828-1829 гг. при отражении штурма крепости Баязета от многократно превосходящего по численности противника¹⁷². За этот героический подвиг их батальонам были пожалованы коллективные знаки отличия - Георгиевские знамена с надписью «За оборону креп. Баязета 20 и 21го июня 1829 года»¹⁷³. Отряжая именно эти полки для участия в десантной операции, командование вполне резонно рассчитывало на то, что предполагаемый к занятию важный стратегический пункт будет затем надежно защищен.

Во-вторых, подразделения этих полков располагались недалеко от побережья, что ускоряло исполнение Высочайшей воли¹⁷⁴:

О том, в каком обмундировании личный состав названных пехотных полков отправился в поход, можно судить по рисункам из фундаментального труда А.В. Висковатова¹⁷⁵, имея ввиду лишь то, что с августа 1829 г. в пехотных полках Отдельного Кавказского корпуса и состоявшей при нем 20-й пехотной дивизии кивера были заменены черной овчинной шапкой со всем

¹⁷² Подробнее см.: Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. IV. Вып. III. СПб, 1889. С. 483-500

¹⁷³ Гизетти А.Л. Сборник о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск. Тифлис, 1901. Часть II. С.28

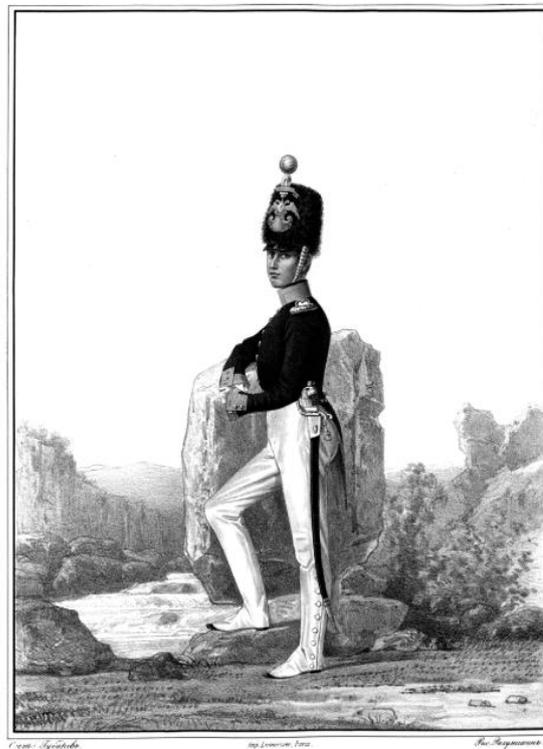
¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. 140. Л. 27-27об

¹⁷⁵ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Часть девятнадцатая. СПб, 1861. С. 359-360, рисунки 84, 87

положенным киверу прибором (гербом, чешуей, репейкой, помпоном)¹⁷⁶ и кожаным козырьком, в каковой изображен обер-офицер на правом рисунке. Щитам киверных гербов чинам Козловского пехотного полка был присвоен № 79, Нашебургского пехотного – № 80.

РЯДОВОЙ
Пехотного полка.
1828-1830.

ОБЕРЬ-ОФИЦЕРЪ
Пехотного полка Кавказского Корпуса?
1830-1834.

Впрочем, поскольку «кавказские войска имели очень своеобразное и отчасти смутное понятие о форме»¹⁷⁷, можно с высокой степенью достоверности предположить, что в качестве головных уборов весь личный состав пехотных частей, назначенных в экспедицию, имел фуражные шапки в белом (солнцезащитном) чехле, ведь, согласно М.В. Нечитайлову, «для похода «неуклюжий кавказский барашковый кивер» оказался тоже (как и обыкновенный кивер – А.Г.) неудобным. Полки быстро перешли на фуражки, оставляя шапки в штаб-квартире»¹⁷⁸.

Произведя высадку в Геленджикской бухте и обустроив на ее берегу укрепленный лагерь, Нашебургский и Козловский пехотные полки продолжали до весны 1834 г. составлять Геленджикский отряд. Его командующим являлся

¹⁷⁶ Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801-1855: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1996. С. 161

¹⁷⁷ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 187

¹⁷⁸ Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. На правах рукописи. Ставропольский государственный университет. 2005. С. 178 (https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002752657/)

полковник Боровский¹⁷⁹, а в его временное отсутствие в отпуске - полковник Свеховский¹⁸⁰.

С августа 1831 г. для обслуживания орудий, переданных с перевозивших десант кораблей, к Геленджикскому отряду было прикомандировано некоторое количество военных моряков, замененных в декабре 1832 г. 1 офицером и 38 нижними чинами Анапского артиллерийского гарнизона¹⁸¹.

В апреле 1832 г. император, питая большие надежды на скорое устройство в Геленджикской бухте полноценной крепости, назначил в нее коменданта – полковника Чайковского, которому согласно одному из параграфов высочайше утвержденного 5 июня 1812 г. «Положения для крепостей, на базисе военных действий расположенных» надлежало «... помнить, что он поставлен охранителем одного из оплотов Империя, и что сдача оног днем ранее или позже учиненная, может не только для целой армии, но и для всего государства важнейшие иметь последствия»¹⁸².

Прибывший к месту службы на вновь учрежденный пост коменданта Геленджикской крепости 2 июля 1832 г.¹⁸³, полковник Чайковский на основании 28-го параграфа названного Положения, ссылаясь на близость неприятеля, объявил ее на осадном положении и выдал находившимся там войскам соответствующую диспозицию. Однако эта его инициатива вызвала на деле серьезный конфликт с командующим Геленджикским отрядом полковником Боровским, на которого согласно предписанию начальника Черноморской линии генерал-лейтенанта Малиновского, заменившего на этом посту генерал-майора Берхмана, были возложены обязанности по обороне Геленджика¹⁸⁴. Вопрос о старшинстве в конечном итоге был разрешен лишь в марте 1833 г., когда в ответ на рапорт полковника Чайковского от 26 октября 1832 г. на имя командующего войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанта Вельяминова ему было разъяснено, что «Геленджик не принадлежит к числу крепостей, расположенных на базисе военных действий, ибо никто не угрожает ему осадой. До сих пор крепость еще не существует и

¹⁷⁹ Боровский Александр Федорович, командир Нашебургского пехотного полка с 22 июня 1826 г. (http://rusgeneral.ru/shik/alfshcom_b.html)

¹⁸⁰ Свеховский Иван Антонович, командир Козловского пехотного полка с 14 июня 1830 г. (http://rusgeneral.ru/shik/alfshcom_s.html)

¹⁸¹ РГВИА Ф.13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 39,43

¹⁸² ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXXII. № 25.130. Частично повторены статьями 1143-1226 2-й книги части 1 Свода военных постановлений. В ноябре 1847 г. императором в их замен была утверждена Общая инструкция для комендантов (ПСЗРИ. Т. XXII. № 21671)

¹⁸³ Чайковский Петр Петрович, генерал-майор. Участник русско-турецкой войны 1806-1812 гг., войн с французами 1806-1807 гг., 1812-1814 гг., заграничного похода 1815 г., русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1814), св. Анны 2 ст. (1827), св. Георгия 4 ст. (1830), серебряными медалями «В память Отечественной войны 1812 г.», «За взятие Парижа», «За Турецкую войну 1828-1829 гг.» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 147. Д. 168, Ф. 14719. Оп. 5. Д. 100)

¹⁸⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп.3. Д. 36. Л. 36-37

едва положены начала к построению оной. Войска, в Геленджике находящиеся, составляют не гарнизон крепости, но целый отряд, который должен и работы производить, и отражать неприятеля в случае нападений и, в свою очередь, делать набеги на неприятеля, когда представится к тому удобство. ... Когда крепость будет устроена и Вы останетесь в ней с одним гарнизоном оной, тогда ... будет принадлежать Вам вполне распорядительная в оном власть, которая, однако же, и в сем случае не могла бы распространяться на войска особенного отряда, который по обстоятельства мог бы действовать в окрестностях крепости»¹⁸⁵.

186

Впрочем, уже в апреле 1833 г. после отъезда из Геленджика командира Нашебургского пехотного полка полковника Боровского, назначенного командующим 2-й бригадой 14 пехотной дивизии, командующий Черноморской линией генерал-майор Малиновский предписал коменданту тамошней крепости полковнику Чайковскому, как старшему штаб-офицеру, вступить в командование Геленджикским отрядом¹⁸⁷.

В феврале 1833 г. для производства работ в Геленджике, Ставрополе и при Кавказских минеральных водах были сформированы три арестантских роты. Предназначенная для размещения в Геленджике арестантская рота получила № 43¹⁸⁸, а с ноября того же года, как следует из расписания арестантских рот по крепостям, приложенного к вышеназванному Положению от 11 ноября 1833 г., она была переименована в «№ 40».

¹⁸⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп.3. Д. 36. Л. 38-39об

¹⁸⁶ Фотография, любезно предоставленная коллегами из РГВИА, относится к 60-х гг. XIX в.

¹⁸⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп.5. Д. 16. Л. 93

¹⁸⁸ ПСЗРИ. Т. VIII. № 5972

Согласно Положению об арестантских ротах Инженерного ведомства, высочайше утвержденному 11 ноября 1833 г.¹⁸⁹, в них должны были поступать разного рода преступники, назначаемые по Высочайшим конфирмациям в крепостную работу, нижние чины, назначаемые по приговорам, для исправления в поведении, в крепостную работу, а также требуемые высшим инженерным начальством в какие-либо крепости, в случае надобности, по сношению с Министром внутренних дел, как бродяги, так и преступники Гражданского ведомства, по назначениям губернских присутственных мест. По штату, утвержденному 31 декабря 1826 г., в каждой такой роте полагалось иметь: офицеров – 4, фельдфебелей – 1, унтер-офицеров – 16, барабанщиков, писарей, цирюльников – по 1, арестантов – от 100 до 140.

Сразу же по занятию Геленджикской бухты десантный отряд стал заметно таить, но не от черкесских пуль или сабель, а от цинги, водянок и поносов, вызванных заражением личного состава злокачественными лихорадками. По мнению известного военного медика XIX в. Н.И. Торопова, главной причиной этого являлось, с одной стороны, расположение укреплений по берегу Черного моря «на низменностях до крайности зеленых и болотистых...»¹⁹⁰, с другой, в том, что «хирина не отпускалось в волю, да и медики в то время еще не привыкли обращаться с ним и душили своих несчастных пациентов средствами разводящими и более всего каломелем, который считался кавказской панацеей»¹⁹¹. К названным факторам следует также прибавить значительное изнурение личного состава Геленджикского отряда вследствие производства крепостных работ по обустройству оборонительных верков и вырубке леса вокруг укрепления. «... бравые нашебурцы и козловцы, которые заслужили Георгиевские знамена в кампаниях против Персии и в азиатской Турции, со стоном вяло падали как мухи, вместо того, чтобы со славою умереть под пулями»¹⁹², – с горечью констатировал непосредственный очевидец этого бедствия Ф. Дюбуа де Монпере.

Представление о безвозвратных потерях Нашебургского и Козловского пехотных полков дают частично сохранившиеся метрические книги, согласно которым в первом из них в 1832 и 1833 гг. умерло, соответственно, 154 и 85 человек, а во втором в 1831 и 1833 гг. – 51 и 56¹⁹³. Экстраполируя эти данные на годы, по которым полковых метрических книг не выявлено, можно предположить, что за неполные три года в них выбыло за смертью, по-

¹⁸⁹ ПСЗРИ. Т. VIII. № 6584

¹⁹⁰ Торопов Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающейся лихорадки. СПб, 1864. С.167

¹⁹¹ Там же. С.166

¹⁹² Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 95

¹⁹³ РГВИА. Ф. 16290. Оп. 2. Д. 129. Л. 454, Д. 80. Л. 532, Д. 88. Л. 248, Д. 87. Л. 72

видимому, около 500 человек или 20% от первоначальной численности. Такую смертность личного состава следует признать чрезмерной, ведь соотношение одного умершего к первоначальной общей численности Геленджикского отряда, например в 1833 г., составило примерно 1 к 15, что согласно «Историческому обозрению военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год» практически в два раза превышало средний показатель по армии в царствование Николая I¹⁹⁴. Таким образом, часто цитируемое в исторической литературе утверждение генерал-лейтенанта Раевского о том, что «целая бригада в два года вымерла в Геленджике»¹⁹⁵, хотя и следует признать преувеличенным, но, вместе с тем, и отражающим реалии тамошней службы, ведь число заболевших было действительно весьма велико: по состоянию на 1-е марта 1834 г. в Геленджике оставалось всего 1252 человека¹⁹⁶.

В рамках реформирования пехоты Отдельного Кавказского корпуса 21 марта 1834 г. из 1-го батальона Нашебургского пехотного полка формируется Черноморский линейный батальон № 4-го, а из 2-го батальона того же полка – Черноморский линейный батальон № 3-го. Оба они получили одинаковый четыреххотный состав и штатную численность, составляющую 1070 человек каждый.

Как и другим Черноморским линейным батальонам, в соответствии с высочайшим повелением, им полагались белые погоны с красным номером батальона и красной литерой «Ч». 8 апреля того же года обоим линейным батальонам пожалованы Георгиевские знамена¹⁹⁷ и серебряные трубы соответствующих батальонов Нашебургского пехотного полка. С марта 1836 г. знаменные древки во всех линейных батальонах красились в белый цвет¹⁹⁸.

¹⁹⁴ Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 98. СПб, 1896. С. 374

¹⁹⁵ Архив Раевских. Т. III. С. 605

¹⁹⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 76

¹⁹⁷ Хроника российской императорской армии. СПб, 1852. Ч. VI. С. 165-169

¹⁹⁸ ПСЗРИ. Т. XI. № 8983

На основании высочайшего указа от 25 июня 1838 г. при знаменах обоих батальонов имелись орденские Александровские ленты и скобы¹⁹⁹. Можно предположить, что надпись на ленте была аналогична (за исключением, конечно, наименования и номера батальона) надписи на такой же ленте 3-го батальона Нашебургского пехотного полка, описание которой приведено в работе генерал-майора Л.В. Симонова: «На одной из двух полос этой ленты изображено: «1726 года, Ленкоранский пехотный полк, вензель Императрицы Екатерины I, корона над этим вензелем, 20 и 21 июня 1829 года за оборону крепости Баязета», а на другой полосе ленты – «Кавказский линейный № 7 батальон и государственный герб с короной над ним»²⁰⁰.

Согласно В.В. Звегинцову²⁰¹, под навершием знамени из той же ленты образовывался бант, на котором был вышит год пожалования. Бант прикреплялся к самой ленте при помощи мундирной пуговицы. На медной позолоченной скобе шириной 1,5 вершка наносились те же надписи, что и на ленте.

27 октября 1834 г. 1-й и 2-й батальоны Козловского пехотного полка, присоединившись²⁰² к возвращающемуся к Ольгинскому тет-де-пону экспедиционному отряду генерал-лейтенанта Вельяминова, впервые достигнувшему Геленджикского укрепления по суше, выбыли на формирование, соответственно, Кавказского линейного № 2-го батальона и 5-го батальона Тенгинского пехотного полка²⁰³.

Вслед за Козловским пехотным полком, но только через полгода (в ноябре 1834 г.), пришла очередь убытия и для Легкой № 2 роты 20-й артиллерийской бригады, переданной в 5-ю артиллерийскую бригаду. При этом принадлежавшие ей орудия, лошади и обоз были оставлены на укомплектование гарнизонной артиллерии Отдельного Кавказского корпуса²⁰⁴.

Очевидно, в то же самое время и даже, возможно, на том же военном транспорте или пароходе, что и личный состав упомянутой артиллерийской роты, Геленджик покинул и его первый комендант полковник Чайковский, оставшийся старшим воинским начальником в тамошнем укреплении и после упразднения Геленджикского отряда.

20 октября 1834 г. полковник Чайковский был назначен старшим членом Строительной комиссии при Кавказских минеральных водах²⁰⁵. Его место занял

¹⁹⁹ Хроника российской императорской армии. СПб, 1852. Ч. VI. С. 165-169

²⁰⁰ Генерал-майор Симонов Л.В. Один из потомков Нашебургского полка. Исторический очерк 1826-1875 г. Брест-Литовск, 1904. С. 5

²⁰¹ Звегинцов В.В. Указ. соч. С. 56

²⁰² Бестужев (Марлинский) А.А. Письмо из отряда, действующего за Кубанью // Русский архив, 1877, № 9. С. 109

²⁰³ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч. 2. С. 110

²⁰⁴ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 80-81

²⁰⁵ Прибыл на эту должность 16 февраля 1835 г.

полковник Воецкий, по высочайшему приказу назначенный комендантом крепости Геленджик 22 октября 1834 г. и прибывший на службу 29 декабря того же года²⁰⁶, видимо, после окончательного расформирования Нашебургского пехотного полка, которым он командовал после перевода из лейб-гвардии Волынского полка.

Об его офицерских качествах красноречиво говорит характеристика из формулярного списка, подписанная генерал-лейтенантом Малиновским: «Слабым в отправлении обязанностей службы замечен не был и между подчиненными никаких беспорядков и неисправностей не допускал. В неприличном поведении оглашаем и изобличаем не был»²⁰⁷.

Однако, долго исполнять эту должность ему оказалось не суждено – уже 11 марта 1836 г. он был уволен по болезни.

Назначенный вместо него тем же высочайшим приказом от 11 марта 1836 г. следующий Геленджикский комендант – инженер-полковник Мокиевский²⁰⁹ – прослужил в укреплении столь же недолго. Прибыв к месту службы 22 июня 1836 г., он уже 22 ноября 1837 г. был уволен, и тоже по болезни, правда, с присвоением звания генерал-майора. Можно только

²⁰⁶ Воецкий Петр Николаевич, полковник. Участвовал в боях против польских мятежников в 1831-1832 гг. и горцев в 1833-1836 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1831), св. Анны 2 ст. с императорской короной (1832), польским знаком отличия за военное достоинство (Virtuti Militari) 4-й ст., серебряной медалью «За взятие Варшавы 25 и 26 августа 1831 года» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 27. Д. 345)

²⁰⁷ РГВИА. Ф. 395. Оп. 27. Д. 345. Л. 14

²⁰⁸ Портрет из Кировоградского художественного музея (Украина) любезно предоставил главный художник Геленджикского историко-краеведческого музея, член Союза художников России А. Завалий. Опубликовано: Кибовский А.В. 500 неизвестных. М.: Фонд «Русские Витязи», 2019. С. 165 (№ 85)

²⁰⁹ Мокиевский Андрей Иванович, генерал-майор. Участник плаваний на Корфу, Бриндизи, Неаполь с ноября 1799 г., в марте-апреле 1801 г. на эскадре капитана 2-го ранга Войновича. Награжден орденами св. Георгия 4 ст. (1824), св. Владимира 4 ст. (1835) и знаком отличия «XXXV лет беспорочной службы» (1835) (РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 1248, Ф. 14719. Оп. 3. Д. 99)

сожалеть, что его служба в Геленджике была столь непродолжительной, ибо у него имелся солидный опыт строительства фортификационных сооружений, приобретенный им за долгие годы службы, в том числе и в должности коменданта ряда прибрежных крепостей.

После создания в 1837 г. Черноморской береговой линии комендант Геленджикского укрепления вошел в подчиненность начальника ее 1-го отделения. При этом, однако, он продолжал оставаться там старшим воинским начальником, поскольку назначенный начальником 1-го отделения генерал-майор Раевский, постоянным местом пребывания которого было определено Геленджикское укрепление²¹⁰, как известно, под предлогом «отсутствия помещений на Восточном берегу» обустроил свою штаб-квартиру в гораздо более комфортабельных условиях Керчи. При переустройстве в апреле 1839 г. Черноморской береговой линии, разделенной на два отделения, местопребыванием начальника ее 1-го отделения назначался Новороссийск²¹¹, что оставляло за комендантом Геленджикского укрепления все права по полному распоряжению в оном.

Очередным и, как потом оказалось последним, комендантом Геленджикского укрепления стал полковник Витковский²¹², назначенный тем же высочайшим приказом от 22 ноября 1837 г., каким был уволен генерал-майор Мокиевский. Его служба в этой должности продолжалась до упразднения согласно высочайшему повелению от 5 ноября 1839 г. в крепости Геленджике комендантского управления²¹³. Однако, несмотря на то, что уже 28 ноября того же года состоялось его назначение состоящим при Отдельном Кавказском корпусе, он еще довольно продолжительное время находился в Геленджике, видимо, для завершения, как это обычно водится, административно-хозяйственных и финансовых дел. Только начиная с марта 1840 г. всю документацию, относящуюся к укреплению, начал подписывать «воинский начальник» майор Дзвонкевич, с 10 мая 1839 г. командовавший дислоцирующимся в нем Черноморским линейным батальоном № 4-го.

Оба сформированных в марте 1834 г. линейных батальона составляли гарнизон Геленджикского укрепления до середины 1837 г., получая по мере увеличения числа Черноморских линейных батальонов новые номера:

²¹⁰ ПСЗРИ. Т. XII. № 10577

²¹¹ ПСЗРИ. Т. XIV. № 12208

²¹² Витковский Франц Матвеевич, генерал-майор. Участник войн против французов в Пруссии в 1806-1807 гг., против турок в Молдавии в 1809-1811 гг., в Отечественной войне 1812 г. и походе 1813-1814 гг. Награжден орденами св. Анны 4 ст. (1809), св. Владимира 4 ст. (1827), св. Георгия 4 ст. (1832), св. Станислава 2 ст. (1839), знаком отличия «XXX лет беспорочной службы» (1838), серебряными медалями «В память Отечественной войны 1812 г.», «За взятие Парижа» (РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2 Д. 134. Л. 643-650; Акты КАК. Т. 10. С. XVI); характеристику см. Воспоминания Григория Ивановича Филиппона // Русский архив, 1884. Вып. 1-2. С. 353-354

²¹³ ПСЗРИ. Т. XIV. № 12849

Старое наименование	Новое наименование	21.03.1834	17.01.1839	18.02.1840	08.08.1840	03.02.1842
2-й батальон Нашебургского пехотного полка	Черноморский линейный батальон	№ 3-го	№ 4-го	№ 5-го	№ 4-го	№ 5-го
1-й батальон Нашебургского пехотного полка	Черноморский линейный батальон	№ 4-го	№ 5-го	№ 6-го	№ 5-го	№ 6-го

Со второй половины 1837 г., после устройства в результате сухопутной экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова и последовавших затем морских десантных операций новых прибрежных укреплений, батальоны оказались поротно «раздерганы» для образования в них гарнизонов. При этом дислокация подразделений в них постоянно менялась в зависимости, вероятно, от оперативной обстановки. На конец 1839 г. роты Черноморского линейного № 4-го (бывш. № 3-го) батальона занимали Геленджикское, Новотроицкое и Михайловское укрепления, роты линейного № 5-го (бывш. № 4-го) батальона – Тенгинское укрепление и форт Вельяминовский.

По этим же прибрежным укреплениям для обслуживания установленных в них орудий была рассредоточена и прибывшая в августе 1837 г. из упраздненной Фанагорийской крепости рота № 1 11-й гарнизонной артиллерийской бригады Кавказского артиллерийского округа²¹⁴. Это было как нельзя кстати, потому что к февралю 1837 г. из поступивших в декабре 1832 г. в Геленджикское укрепление военнослужащих Анапского артиллерийского гарнизона в строю оставалось лишь 22 нижних чина²¹⁵.

В качестве некой компенсации за убывшие в новые укрепления роты из обоих Черноморских линейных батальонов гарнизон Геленджика с 1838 г. был временно усилен переброшенной туда 11-ой мушкетерской ротой Навагинского пехотного полка²¹⁶, замененной по настоятельной просьбе его командира в конце 1839 г. 5-ой мушкетерской ротой Тенгинского пехотного полка²¹⁷.

Эти меры, однако, не смогли предотвратить сокращение численности гарнизона Геленджикского укрепления, начавшее заметно прогрессировать в самом конце 30-х годов XIX в. Так, если в январе 1839 г. в нем насчитывалось 625 здоровых людей²¹⁸, то в январе 1840 г. - уже только 523 (не считая арестантов)²¹⁹, а по состоянию на 11 марта 1840 г. всего лишь 480²²⁰, в то время как, по мнению начальника 1-го отделения Черноморской береговой линии

²¹⁴ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 83

²¹⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп.3. Д. 60. Л. 3

²¹⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д.1. Л. 61-62

²¹⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 336. Л. 6-6об

²¹⁸ ГАКК. Ф. 260. О. 1. Д. 62. Л. 17 (опубликовано: Архив Раевских. Т. III. С. 62)

²¹⁹ ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д. 58. Л. 3

²²⁰ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 58. Л. 3-3об

контр-адмирал Серебрякова, в нем необходимо было иметь не менее 1600 человек²²¹.

Понятно, что основными причинами выбытия личного состава были высокие смертность, составлявшая, судя по данным сохранившихся метрических книг²²² церкви Знамения Пресвятой Богородицы Геленджикского укрепления за 1837 г. и 1839 г., около 5% от общей численности гарнизона, и заболеваемость, вследствие чего около 13% офицеров и нижних чинов единовременно находилось на излечении в различных госпиталях за пределами Черноморской береговой линии. К ним следует присовокупить еще тех немногих счастливчиков из числа нижних чинов, прослуживших более 6 лет в Черноморских линейных батальонах, которые согласно именному указу от 12 июля 1836 г. переводились в другие части Отдельного Кавказского корпуса, «расположенные там, где климат более благоприятствует здоровью людей»²²³, а также, некоторое число дезертиров из дислоцировавшихся в Геленджике частей²²⁴.

Произошедший весной 1840 г. захват горцами четырех укреплений на южной стороне Кавказских гор заметно ускорил решение проблемы обеспеченности личным составом Геленджикского, а равно и других укреплений Черноморской береговой линии. Как только позволили погодные условия, а именно в начале апреля 1840 г., не на шутку напуганное верховное командование перебросило судами Черноморского флота на поддержку ослабленных гарнизонов прибрежных укреплений значительные силы – 5 полков и 1 батарею из 5-го пехотного корпуса, 1270 старослужащих нижних чинов 13-й и 15-й пехотных дивизий того же корпуса²²⁵, 150 сапер, 123 артиллериста и 1 гарнизонную артиллерийскую роту из Севастополя, 200 нижних чинов из резервных батарей 5-го пехотного корпуса. Кроме того, на месте были сформированы еще один Черноморский линейный батальон (№ 3-го) и 2 роты из личного состава Харьковского и Полтавского гарнизонных батальонов вместо рот, погибших в форте Лазарев²²⁶. При этом, правда, как отмечал чуть позже генерал-лейтенант Раевский²²⁷, нижние чины 5-го пехотного корпуса, «зараженные цынгой и одержимые лихорадками,

²²¹ Архив Раевских. Т. III. С. 423

²²² За 1834-1836 гг., 1838 г. и 1840 г. метрических книг не выявлено.

²²³ ПСЗРИ. Т. XI. № 9380

²²⁴ В 1839 г., например, таковых было 8 человек (см. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 203. Л. 70). К сожалению, тема дезертирства из частей Отдельного Кавказского корпуса в период Кавказской войны до настоящего времени практически не изучена. Авторы, затрагивающие этот сюжет, как правило, опираются на мемуарные источники, дающие самые противоречивые сведения о численности военнослужащих, находящихся в бегах.

²²⁵ Подробнее о них см. ПСЗРИ. Т. XV. № 13174

²²⁶ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. С. 257-258

²²⁷ Архив Раевских. Т. IV. С. 69

наполнили госпитали больными», а прибывшие из Херсонского исправительного батальона «начали бегать целыми десятками».

Часть прибывшего подкрепления досталась, разумеется, и Геленджику, так что уже в мае 1840 г. в нем дислоцировались: «Черноморских линейных батальонов № 4-го и № 5-го первые линейные роты, Тенгизского пехотного полка 5-я мушкетерская рота, 3-й батальон Виленского егерского полка, команды людей 5-го пехотного корпуса из назначенных на укомплектование и Херсонского исправительного батальона, еще не зачисленных в линейные батальоны, всего под ружьем: унтер-офицеров – 137 ч., рядовых – 1267 ч.»²²⁸.

Впрочем, прислуги при артиллерии по-прежнему было «недостаточно: на 24 орудия, за исключением 8 больных, [приходилось] с 9 фейерверкерами 70 артиллеристов»²²⁹. Для исправления такой ситуации, бывшей типовой во всем Отдельном Кавказском корпусе, начиная с марта 1839 г. имевшийся некомплект артиллерийской прислуги надлежало заполнять из специально отобранных нижних чинов линейных батальонов, которых император повелел обучать обязанностям номеров, полагая на батарейное 19, а на легкое орудие 15 «молодых, крепкого сложения и расторопных» людей», дабы, в случае надобности, они могли успешно действовать из орудий²³⁰.

После возвращения согласно предписанию Военного министра до конца августа 1840 г. всех войск 5-го пехотного корпуса, в том числе и 3-го батальона Виленского егерского полка, к постоянному месту дислокации в Крым, а затем убытия в форт Лазарев роты Тенгинского пехотного полка²³¹, в период летней навигации 1841 г. в Геленджик перебрасывается Резервный Черноморский линейный батальон № 13-го со штатной численностью 1071 человек, сформированный в ноябре 1840 г. в Феодосии из нижних чинов, набранных из гарнизонных батальонов: Могилевского, Минского, Гродненского, Житомирского, Киевского, Черниговского, Полтавского и Харьковского²³². В отличие от Черноморского линейного батальона № 5-го, имевшего пожалованное знамя от полка-предшественника (Нашебургского пехотного), Резервный Черноморский линейный батальон № 13-го собственного знамени не получил²³³.

Эта замена, безусловно, была неравноценна, поскольку, как писал в рапорте от 4 апреля 1841 г. назначенный вместо генерал-лейтенанта Раевского начальником Черноморской береговой линии генерал-майор Анреп о личном

²²⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 259. Л. 6об-7

²²⁹ ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д. 204 (опубликовано: Архив Раевских. Т. IV. СПб, 1912. С. 97-101)

²³⁰ ПСЗРИ. Т. XIV. № 12124

²³¹ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900. С. 257

²³² Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 87

²³³ Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск российской армии. 1843 / сост. Клочков Д.А.- М.: Фонд «Русские витязи», 2020. С. 361

составе вновь сформированных № 13-го и № 14-го батальонов: «Эти люди неопытные в военном деле, под начальством офицеров, столь чуждых здешнему образу войны, не скоро могут прийти в такое положение, чтобы соответствовать своему назначению»²³⁴.

К тому же вновь прибывший батальон, с 3 февраля 1842 г. переименованный в Черноморский линейный батальон № 14-го, а с 31 августа того же года – в № 15-го²³⁵, нельзя считать в полном смысле вошедшим в состав гарнизона Геленджикского укрепления, поскольку он, как и другие резервные батальоны, являлся подвижным и не составляющим необходимой принадлежности того гарнизона где дислоцировался, давая «возможность сосредоточивать довольно значительные силы в каждом пункте Береговой линии ...»²³⁶.

30 декабря 1841 г. император повелел во всех Черноморских линейных батальонах присвоить первым ротам наименование гренадерских, а прочим трем - первых, вторых и третьих линейных²³⁷.

Со времени очередного разделения Черноморской береговой линии в сентябре 1840 г. и до ликвидации Геленджикского укрепления старшим воинским начальником в нем становится начальник ее 2-го отделения, которому было предписано пребывать в Геленджике. В соответствии с существующей практикой, в последствии официально оформленной статьей 103²³⁸ Общей инструкции для комендантов, ему переходили все предоставленные права коменданта крепости и вся возложенная на него ответственность по исполнению его обязанностей. 11 сентября 1840 г.²³⁹ высочайшим приказом на эту должность был назначен генерал-майор Опперман 1-й²⁴⁰, сын известного фортификатора, генерал-инженера графа К.И. Оппермана, одного из наставников будущего императора Николая в военной и фортификационной науках.

После упразднения в апреле 1841 г. арестантской роты № 40²⁴¹, в Геленджике располагались штаб и три роты Черноморского линейного

²³⁴ Цит. по: Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900. С. 255-256

²³⁵ Хроника российской императорской армии. СПб, 1852. Ч. VI. С. 182

²³⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 10. Восточный берег Черного моря. СПб, 1853. С.37

²³⁷ ПСЗРИ. Т. XVI. № 15167, Т. XVII. № 15458

²³⁸ ПСЗРИ. Т. XXII. № 21671

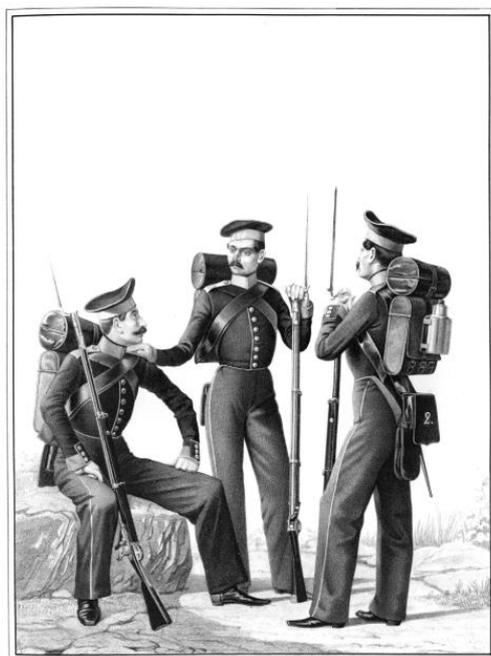
²³⁹ ПСЗРИ. Т. XV. № 13785

²⁴⁰ Опперман 1-й Александр Карлович, генерал-майор. Участник войн против персов и турок в 1827-1829 гг., горцев в 1830 г., польских мятежников в 1831 г., горцев в 1835 г., 1837 г. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1827), персидским Орденом Льва и Солнца 2 ст. (1828), св. Анны 2 ст. (1829, императорская корона к ордену пожалована в 1831 г.), св. Георгия 4-й ст. (1839), св. Станислава 1 ст. (1841), Золотой шпагой «За храбрость» (1828). 22 февраля 1847 г. по Высочайшему повелению назначен командиром 2-й бригады 9-й пехотной дивизии (РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 134. ЛЛ. 209-224; Акты КАК. Т. 9. С. XXV)

²⁴¹ Висковатов А.В. Указ. соч. Часть девятнадцатая. СПб, 1861. С. 234

батальона № 5-го (еще одна рота занимала Новотроицкое укрепление), в полном составе Резервный Черноморский линейный батальон № 15-го и частично рота № 1 11-й гарнизонной артиллерийской бригады. Помимо этих частей, там же в качестве прикомандированных находились: команда военно-рабочей № 18 роты, основная часть которой дислоцировалась в Анапе²⁴², и одна из сформированных для крейсерства у восточных берегов Черного моря команд Азовского казачьего войска в составе: 1 хорунжего, 1 урядника и 18 казаков. О последних Н.В. Симановский в своем дневнике за 24 августа 1837 г. оставил следующую запись: «Оружие их состоит из короткого ружья со штыком через плечо, сабли и пистолета при левом боку, а одежда: синие шаровары и малиновая куртка с синими рукавами, шапка, как у донских казаков, с малиновым верхом»²⁴³.

С марта 1836 г. император повелел во всех линейных батальонах иметь фуражные шапки по одному образцу – темнозеленые, с красным околышем и одной выпушкой вверху из красного же сукна; а для различия рот – высечку литер на околыше делать из желтого сукна, по цвету высечки на мундирных погонах²⁴⁴.

Имп. Леопольд-Вильгельм
РЯДОВЫЕ

*Линейный батальон Отдельного Кавказского Корпуса
1842-1848.*

Имп. Леопольд-Вильгельм
ШТАБЪ-ОФИЦЕРЫ

*Линейный батальон Отдельного Кавказского Корпуса
1842-1848.*

С ноября 1842 г. в линейных батальонах (Грузинских, Черноморских, Кавказских) Отдельного Кавказского корпуса²⁴⁵ официально были отменены

²⁴² ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 98. Л. 237-239

²⁴³ Симановский Н.В. Дневник. 2 апреля - 3 октября 1837 г., Кавказ // «Звезда», 1999, № 9. (<http://militera.lib.ru/db/simanovsky/index.html>)

²⁴⁴ ПСЗРИ. Т. XI. № 8983

²⁴⁵ Висковатов А.В. Указ. соч. Часть двадцать третья. СПб, 1861. С. 38, рисунки 524,525

обременительные барашковые шапки и до установления новой формы позволено всем чинам носить только фуражные шапки тёмно-зелёного цвета с околышем и выпушкой из красного сукна и с буквой «Р» и номером роты на околыше из желтого сукна, образец которых был установлен в марте 1836 г.²⁴⁶

Номера батальонов с точкой, изготовленные из желтой меди размером 1 (1^{1/2}) / 8 вершков, надлежало размещать посередине крышки сумы нижних чинов²⁴⁷:

Предпринятые меры по усилению гарнизонов прибрежных укреплений, безусловно, стабилизировали ситуацию, но не решали проблему их укомплектования кадрами системно²⁴⁸.

Особенно тяжело обстояло дело с обер- и штаб-офицерами, многие из которых определялись на службу в Отдельный Кавказский корпус из отставки на основании предъявляемых ими аттестатов о прежнем их служении и свидетельств о хорошем поведении во время отставки от гражданских губернаторов и губернских предводителей дворянства, что привело к значительному проценту офицеров, прежде отставленных от службы «по дурным их качествам». Данное в июне 1836 г. императором право командиру Отдельного Кавказского корпуса самостоятельно высылать таковых во внутренние губернии²⁴⁹ не сильно улучшило положение.

Сохраняющийся некомплект офицерского состава, восполнить который было гораздо сложнее чем нехватку нижних чинов, заставил царское правительство прибегнуть к экстраординарным мерам. Именным указом, объявленным приказом Военного министра от 20 декабря 1839 г., назначаемым или переводимым в укрепления Черноморской береговой линии офицерам были предоставлены беспрецедентные преимущества, а именно выдача прогонных денег на всякое расстояние до места назначения, выдача единовременного пособия в размере годового оклада жалованья или двухгодового в случае переезда туда с семейством²⁵⁰.

В своих мемуарах Г.И. Филипсон назвал эту меру «ошибочной, вредной»²⁵¹, поскольку многие офицеры, согласившиеся на службу в

²⁴⁶ Висковатов А.В. Указ. соч. Часть двадцать третья. СПб, 1861. С. 36

²⁴⁷ Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск российской армии. 1843 / сост. Клочков Д.А.- М.: Фонд «Русские витязи», 2020. С. 124, 249

²⁴⁸ Подробнее см.: Каратаев В.Б., Островская А.А., Кокуйцева Т.В., Семенов А.С. Кадровый состав Русской армии на Кавказе в 1830–1840-е гг. // Былые годы, 2016. Т. 41. Вып. 3. С. 655

²⁴⁹ ПСЗРИ. Т. XI. № 9379

²⁵⁰ ПСЗРИ. Т. XIV. № 13010

²⁵¹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 349

прибрежных фортах в расчете на получение «значительного денежного вспоможения», оказались к ней непригодными. На это указывал и командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин: «Благонадежные и достойные офицеры редко остаются в Черноморских батальонах. Теперь желающих много, но мало таких, которые могут быть там полезны. Большею частию туда убегают люди ненадежного поведения, неимеющие приюта в других местах, привлекаемые приманкою выдачи денег на подъем»²⁵².

Это вскоре поняло и Военное министерство, инициировавшее в апреле 1841 г. именной указ, объявленный командиру Отдельного Кавказского корпуса, гласивший: «Государь император, вследствие доходящих сведений, что с представлением особых преимуществ офицерам, желающим служить в Черноморских линейных батальонах, в батальоны сие поступает много офицеров из отставки таких, которые по поведению своему и нерадивому служению не только не полезны, но даже там весьма вредны, Высочайше повелеть изволил: в Черноморские батальоны офицеров из отставки впредь не определять, а самые вакансии пополнять переводом надежных офицеров из других войск Кавказского корпуса со всеми теми преимуществами, которые установлены на сей случай Высочайшим повелением, объявленным в приказе от 20 декабря 1839 года»²⁵³.

Несмотря на неоднозначные последствия, все же следует признать, что предпринятые шаги в целом заметно улучшили ситуацию с офицерскими кадрами и даже позволили с января 1841 г. «в Черноморских линейных батальонах вместо положенных по штату 14 обер-офицеров иметь таковых 18 обер-офицеров в батальоне, в том числе: капитана – 1, штабс-капитанов – 3, поручиков – 4, подпоручиков – 6 (из них адъютант – 1 и квартирмейстер – 1), прапорщиков – 4»²⁵⁴.

С августа 1840 г. на предусмотренные приказом Военного министра от 20 декабря 1839 г. льготы могли рассчитывать также назначаемые в укрепления Черноморской береговой линии цейхвахтеры и унтер-цейхвахтеры артиллерийского ведомства²⁵⁵, с июля 1842 г. - медицинские чиновники военного ведомства²⁵⁶, с мая 1843 г. - офицеры, переводимые из резервной дивизии Отдельного Кавказского корпуса, поступившие в нее для производства в офицеры из подпрапорщиков, юнкеров и унтер-офицеров Черноморских линейных батальонов²⁵⁷, с февраля 1844 г. - медицинские чиновники морского

²⁵² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 259. Л. 37

²⁵³ ПСЗРИ. Т. XVI. № 14489

²⁵⁴ ПСЗРИ. Т. XVI. № 14216

²⁵⁵ ПСЗРИ. Т. XV. № 13749

²⁵⁶ ПСЗРИ. Т. XVII. № 15820

²⁵⁷ ПСЗРИ. Т. XVIII. № 16813

ведомства²⁵⁸, с марта 1844 г. - все прочие чиновники с той лишь разницей, что назначаемые в укрепления: Новотроицкое, Вельяминовское, Лазаревское, Головинское, Навагинское и Св. Духа до открытия с этими пунктами сухопутного сообщения должны были получать их в полном объеме, а назначаемые в прочие укрепления – в ополовиненном²⁵⁹. Помимо этого, в мае 1842 г. было высочайше разрешено офицерам войск Черноморской береговой линии при отправлении их в лазареты и госпитали, находящиеся вне округа военных действий, или в местах, где войска получают довольствие по внутреннему положению, сохранять жалованье в случае продолжительной болезни по усиленному окладу в течение шести месяцев, «в том внимании, что болезни, коим они подвергаются, происходя от свойственных климату причин, бывают часто весьма упорны и продолжительны»²⁶⁰. Наконец, в сентябре 1846 г. было установлено, что всем чинам военного ведомства, следующим на службу в войска, расположенные на Черноморской береговой линии, по переводе из других частей и по определении при отставке, а также возвращающимся из отпусков, время прибытия их на действительную службу считать со дня их прибытия в Керчь, удовлетворяя их жалованье по усиленным окладам²⁶¹.

Эти преимущества вышеназванным категориям офицеров и чиновников продолжали действовать, по всей видимости, до конца существования укреплений Черноморской береговой линии, за исключением случаев перехода туда офицеров не по надобностям службы, а по собственному желанию, о чем было объявлено главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом именным указом от 28 ноября 1851 г.²⁶²

Что же касается нижних чинов, то в 30-х годах XIX в. пополнение ими Черноморских линейных батальонов велось, судя по документам, за счет:

рекрут из числа набранных по очередным наборам в европейских губерниях России и Царстве Польском;

чинов и военнопленных Польской армии, расформированной после мятежа 1830-1831 гг.²⁶³;

рекрут Царства Польского, поступающих в зачет наборов за укрывательство, бродяжничество или после тюремного заключения, по приговорам судебных мест²⁶⁴,

²⁵⁸ ПСЗРИ. Т. XX. Отделение 2. № 17588а

²⁵⁹ ПСЗРИ. Т. XIX. № 17758

²⁶⁰ ПСЗРИ. Т. XVII. № 15648

²⁶¹ ПСЗРИ. Т. XXI. № 20479

²⁶² ПСЗРИ. Т. XXVI. № 25782

²⁶³ Более подробно о них см.: Матвеев О.В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30-50-е годы XIX века // Славяноведение, 2009, № 6. С. 64-75

²⁶⁴ ПСЗРИ. Т. XV. № 13667

контингента, поступающего из учрежденного²⁶⁵ в апреле 1837 г. при резервной дивизии 5-го пехотного корпуса в г. Херсоне исправительного батальона²⁶⁶.

Судя по тому, что прибывшие весной 1840 г. в качестве усиления 1270 старослужащих нижних чинов 13-й и 15-й пехотных дивизий были направлены взамен рекрутов, можно с высокой степенью достоверности предположить, что примерно столько людей поступало по наборам на пополнение войск Черноморской береговой линии.

Как показало время, существовавший порядок комплектования оказался неудовлетворительным, и численность поступающего пополнения - недостаточной. Во-первых, он не обеспечивал достаточного притока рядового и унтер-офицерского состава взамен умерших и эвакуированных в госпитали по болезни, вследствие чего, по воспоминаниям Г.И. Филипсона, «... роты доходили до половины своего состава и даже менее»²⁶⁷. Во-вторых, это привело к тому, что контр-адмирал Серебряков был вынужден констатировать: Черноморские линейные батальоны «за исключением малого числа старых солдат, оставшихся еще от расформированных (в 1834 г. – А.Г.) полков, состоят почти из одних бродяг, штрафованных и порочных...»²⁶⁸.

В целях исправления такой неблагоприятной ситуации в августе 1840 г. «для скорейшего и удобнейшего комплектования Черноморских линейных батальонов» при Таврическом внутреннем гарнизонном батальоне был учрежден особый (Таврический) резерв численностью 1600 человек, содержащихся в Симферополе и Феодосии²⁶⁹. Таким образом, с этого времени рекруты, назначаемые к службе в Черноморские линейные батальоны, для предварительного обучения и адаптации к непривычному им климату поступали сначала либо в Таврический резерв, либо в сформированный тогда же в Анапе резервный Черноморский линейный батальон (№ 11-го).

Именным указом от 1 марта 1844 г., объявленным командиру Отдельного Кавказского корпуса, устанавливался порядок ежегодного отправления рекрут: в Таврический резерв – морем в три срока (мае, июле и октябре), в резервный Черноморский линейный батальон в Анапу – сухим путем через Черноморию в июне²⁷⁰. Еще одним указом, объявленным в приказе Военного министра от 29 января 1846 г., уточнялось, что рекруты, назначаемые на комплектование Черноморских линейных батальонов в Таврический резерв, впредь должны отправляться с места набора поровну в Таврический и Херсонский гарнизонные

²⁶⁵ ПСЗРИ. Т. XII. № 10155

²⁶⁶ См. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2, 96

²⁶⁷ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 327

²⁶⁸ Архив Раевских. Т. 3. С. 417

²⁶⁹ ПСЗРИ. Т. XV. № 13713

²⁷⁰ ПСЗРИ. Т. XIX. № 17684

батальоны. При этом отправленные рекрут уже непосредственно в укрепления Черноморской береговой линии, вне зависимости от того, где они обучались, следовало проводить через Таврический резерв²⁷¹.

Существовавшая же ранее практика комплектования Черноморских линейных батальонов из исправительных батальонов постепенно уходила в прошлое. Так, в частности, в марте 1840 г. был упразднен Херсонский исправительный батальон²⁷², а в декабре 1845 г. и в июне 1846 г., соответственно, сформированные в его замен исправительные отделения Таврического²⁷³ и Херсонского²⁷⁴ гарнизонных батальонов.

В апреле 1852 г. Николай I повелел довести численность назначаемых при ежегодном наборе в резервы Черноморских линейных батальонов рекрут до 3200 человек, из которых 1600 должны были по-прежнему направляться в Таврический и Херсонские гарнизонные батальоны, 900 – в Черноморский резервный батальон, а прибавляемые 700 человек – размещаться в Екатеринославской губернии или, при отсутствии такой возможности, частично в Керчи²⁷⁵. Если исходить из этих цифр, в 1841-1854 гг. на укомплектование частей, занимающих укрепления Черноморской береговой линии, должно было поступить 33,9 тысяч (11 X 2500 + 2 X 3200) человек. В действительности же, как следует из справочника М.Б. Оленева²⁷⁶, численность рекрут, ежегодно направляемых в Черноморские линейные батальоны, была, похоже, значительно меньше. Так, например, с 1846 г. по 1854 г.²⁷⁷ их общее число составило лишь 7955 человека, причем в 1847 г., 1851 г., 1852 г. никакого пополнения вообще не поступало:

губерния	Резерв при Таврическом ВГБ	Резерв при Херсонском и Таврическом ВГБ	11-я и 13-я гарнизонные арт. бригады	Черноморские линейные батальоны	Черноморский резервный линейный батальон
Воронежская	1220 (1846 г.) 550 (1848 г.)				
Саратовская		646 (1848 г.)			
Тамбовская		500 (1848 г.) 702 (1849 г.)			
Пензенская		994 (1849 г.)			

²⁷¹ ПСЗРИ. Т. XXI. № 19667

²⁷² ПСЗРИ. Т. XV. № 13267

²⁷³ ПСЗРИ. Т. XX. № 19526

²⁷⁴ ПСЗРИ. Т. XXI. № 20175

²⁷⁵ ПСЗРИ. Т. XXVII. № 26167

²⁷⁶ Составлено по: Оленев М.Б. Комплектование армии нижними чинами при императоре Николае I. М.: Старая Басманная, 2016. С. 56, 112, 118, 120, 126, 133, 157, 159, 169, 170, 176

²⁷⁷ За более ранний период сведения в работе М.Б. Оленева отсутствуют.

Витебская			60 (1849 г.)		
Волынская		1296 (1850 г.)			
Екатеринославская		400 (1850 г.)			
Самарская				338 (1853 г.)	
Подольская					849 (1854 г.)
Орловская					400 (1854 г.)

Во многом это можно объяснить тем, что рекруты, как и старослужащие, зачастую заболевали еще на стадии обучения. В рапорте от 13 октября 1845 г. начальник Черноморской береговой линии генерал-адъютант Будберг сетовал главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом графу Воронцову: «В особом резерве рекрут, приготавливаемых Таврическим внутренним гарнизонным батальоном в Симферополе и Феодосии, бывают другой уже год сряду глазные болезни, особенно в Феодосии Из числа состоящих теперь налицо при этом батальоне рекрут набора 1844 года 1926 и набора 1845 года 1696, а всего 3622^х человек, не может быть отправлено 999 человек совершенно здоровых и обученных, а потому можно судить о состоянии этого резерва»²⁷⁸.

Тем не менее, вне зависимости от количества рекрут, поступающих в тот или иной год, их определенная часть, безусловно, поступала и в оба дислоцировавшихся в Геленджикском укреплении линейных батальона, ибо, несмотря на происходящие с начала 40-х годов XIX в. позитивные перемены в условиях их расквартирования, продовольственного снабжения и медицинского обслуживания, число безвозвратно выбывших продолжало оставаться на довольно высоком уровне. Так, согласно данным метрических книг Геленджикского укрепления, число умерших в нем военнослужащих за 13 последних лет его существования составило: 1841 г. – 114, 1842 г. – 169, 1843 г. – 145, 1844 г. – 133, 1845 г. – 131, 1846 г. – 218, 1847 г. – 135, 1848 г. – 121, 1849 г. – 82, 1850 г. – 87, 1851 г. – 150, 1852 г. – 79, 1853 г. – 139²⁷⁹, а всего – 1703 человека. К тому же, замена требовалась не только умершим, но и временно выбывавшим по болезни, число которых, очевидно, было как и прежде весьма велико, ведь по данным исторического очерка развития и деятельности военно-медицинского ведомства в царствование императора Николая I соотношение между умершими и заболевшими в армии в этот период составляло в среднем 1 к 15²⁸⁰. Тем не менее, численность поступающего

²⁷⁸ РГВИА. Ф.14719. Оп. 3. Д. 328. Л. 151

²⁷⁹ РГВИА. Ф. 16290. Оп. 1. Д. 90, 108, 116, 158, 169, 186, 203, 217, 218, Оп. 2. Д. 80, 87, 88, 129, 131, 150, 162; РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 1122, 1143, 1247, 1261

²⁸⁰ Столетие Военного министерства. 1802-1902. СПб, 1908. Т. VIII. Ч. II. С. 227

пополнения, видимо, в целом компенсировало безвозвратные и санитарные потери в личном составе гарнизона Геленджика.

В 1845 г. в целях поддержания оборонительных верков Геленджикского укрепления в удовлетворительном состоянии из нижних чинов Черноморских линейных батальонов и военно-рабочих подразделений была сформирована военно-рабочая рота № 19²⁸¹, что позволило вернуть находящуюся с 1841 г. в Геленджике команду из военно-рабочей № 18 роты к постоянному месту службы в Анапе.

Согласно именному указу от 29 июня 1846 г. в крепости Геленджике с 1 января 1847 г. создается управление воинского начальника, обязанности которого возложены на командира квартирующего там Черноморского линейного батальона № 5-го, в составе плац-адъютанта и двух писарей²⁸².

24 февраля 1847 г. высочайшим приказом начальником 2-го отделения Черноморской береговой линии был назначен известный кавказский командир генерал-майор Альбрандт (Альбранд)²⁸³.

Г.И. Филипсон пишет о нем следующее: «Это был человек лет под 40, хорошо образованный, любимый всеми товарищами, очень храбрый и решительный, но, может быть, слишком восторженный. В сражении под Ахульго он потерял руку. Ему отрезали выше локтя, но так дурно, что операцию пришлось возобновить. Он выдержал эту муку с необыкновенной

²⁸¹ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.2. С. 295-296. В ГАКК хранятся ее фонд (№ 328), включающий 84 ед. хранения за 1845-1856 гг.

²⁸² ПСЗРИ. Т. XXI. № 20179

²⁸³ Альбрандт Лев Львович, генерал-майор. Участвовал в войне против турок в 1828-1829 гг. в Валахии, против горцев в 1832, 1834, 1836, 1837, 1839, 1841, 1845, 1846 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1835), св. Станислава 2 ст. (1845), знаком отличия «XX лет беспорочной службы» (1845), орденами св. Анны 2 ст. (1845), св. Владимира 3 ст. (1845), св. Станислава 1 ст. (1848), персидским Орденом Льва и Солнца 2 ст. (1839), серебряной медалью «За Турецкую войну 1828-1829 гг.». (РГВИА. Ф. 395. Оп.156. Д. 347. ЛЛ. 26-39; Акты КАК. Т. 10. С. XII)

твердостью, но впоследствии часто страдал»²⁸⁴. Характеризуя его в этой должности, фактически начавшейся с 7 мая 1847 г., генерал-адъютант Будберг особо отмечал, что генерал-майор Альбрандт «не щадя в продолжение службы ни жизни, ни здоровья, ни телесных сил, в управлении 2-м отделением береговой линии, с отличающею его деятельностью, во всякое время года, зимою и осенью, в бурные и ненастные дни, часто в болезненном состоянии, везде появлялся в своем отделении для личных распоряжений и сношений с горцами, переплывая для сего на Азовских баркасах, при тяжелых ранах; он выдержал лихорадку и холеру и совершенно расстроил свое здоровье. Испытав величайшие труды и жертвуя остатком сил, он не жалел своего достояния»²⁸⁵.

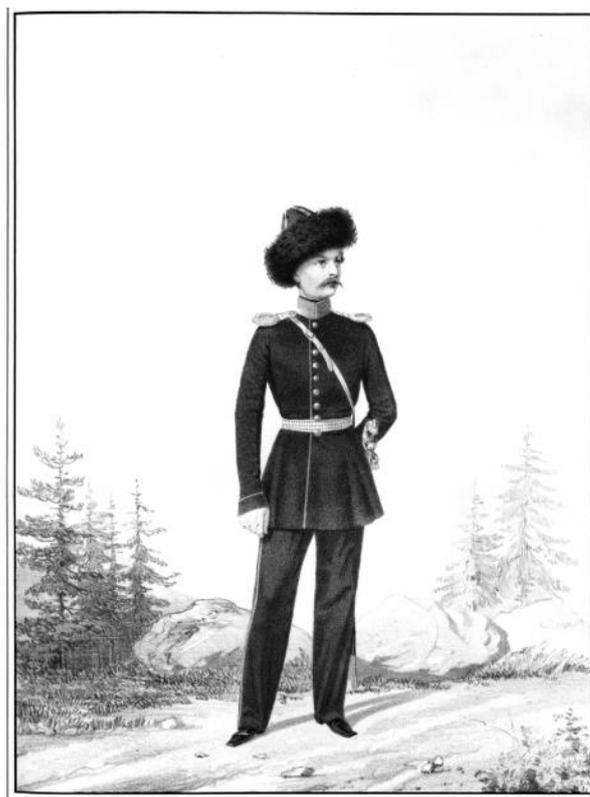
Заметным событием в период его непродолжительного пребывания в Геленджике стало присвоение в августе 1848 г., линейным батальонам Отдельного Кавказского корпуса нового обмундирования и снаряжения, в большей степени соответствующих характеру ведущихся на Кавказе боевых действий²⁸⁶:

Imp. Leveche Paris

РЯД ОВЫЕ

*Грузинских и Черкесских Линейных батальонов,
1848-1855.*

Imp. Leveche Paris

ОВЕРЬ-ОФИЦЕРЪ

*Кавказских Линейных батальонов,
1848-1855.*

²⁸⁴ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1884. Вып. 1-2. С. 353

²⁸⁵ Цит. по: «Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе». СПб, 1858. Вып. №№ 15-16, 17-18. Там же подробная статья с его жизнеописанием

²⁸⁶ ПСЗРИ. Т. XXIII. №№ 22345, 22758, Т. XXIV. № 23641; Висковатов А.В. Указ. соч. Часть двадцать третья. СПб, 1861. С. 40, рисунки 529, 530

30 апреля 1849 г. по состоянию здоровья генерал-майор Альбрандт был переведен на почетную должность коменданта Шлиссельбургской крепости, а на его место начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии назначен генерал-майор Вагнер 2-й²⁸⁷.

288

Согласно «Ведомости о численном состоянии Черноморских линейных батальонов по сведениям за август месяц 1852 года» укомплектованность обоих дислоцировавшихся в Геленджике линейных батальонов на тот момент была почти полная²⁸⁹:

Черноморский линейный батальон	состоит по списку			недостает до комплекта		
	штаб и обер- офицеров	нижних чинов		штаб и обер- офицеров	нижних чинов	
		строевых	нестроевых		строевых	нестроевых
№ 5-го	18	1032	37	2	12	1
№ 15-го	15	1036	36	5	16	1

В марте 1854 г. под руководством генерал-майора Вагнера войска геленджикского гарнизона («весь Черноморский линейный № 5 батальон – 729, весь Черноморский линейный № 15 батальон – 823, военно-учебная команда

²⁸⁷ Вагнер 2-й Яков Богданович, генерал-лейтенант (1855 г.). Участвовал в сражениях против французов в 1815 г., польских мятежников в 1831 г., горцев в 1849-1853 гг., турок, англичан, французов в 1854-1856 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1830), св. Анны 2-й ст. (1831, императорская корона к ордену пожалована в 1844 г.), польским знаком отличия за военное достоинство (Virtuti Militari) 4-й ст. (1832), орденами св. Станислава 2-й степени (1833), св. Георгия 4-й ст. (1846), знаком отличия «XX лет беспорочной службы», орденами св. Владимира 3-й ст. (1846), св. Станислава 1-й степени (1851), св. Анны 1-й ст. (1852, императорская корона к ордену пожалована в 1854 г.), св. Владимира 2-й ст. (1859) (РГВИА, Ф. 395. Оп. 169. Д. 444; Акты КАК. Т. 10. С. XVI)

²⁸⁸ ГПИБ. Портреты лиц, участвовавших в событиях войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. - Б. м., Б. г. (shpl.ru)

²⁸⁹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 199. Л. 13-13об

Черноморских линейных батальонов – 130, военно-рабочая № 19 рота – 148, команда № 4 Азовского казачьего войска – 28, артиллерии подвижной: 2 полевых и два горных орудия. Всего: 1858 человек)²⁹⁰) навсегда покинули его дымящиеся развалины, чтобы продолжить свою ратную службу уже в качестве полевых войск.

Во время Крымской (Восточной) войны генерал-майор Вагнер сначала возглавлял резерв Закубанского отряда, затем командовал Феодосийским, Геничевским и Гурийским отрядами. Оба Черноморских линейных батальона по окончании боевых действий в апреле 1856 г. обращены на формирование соответственно: № 5-го – Крымского пехотного полка, № 15-го – Севастопольского пехотного полка²⁹¹. Рота № 1 11-й гарнизонной артиллерийской бригады в 1858 г. переименована в Кавказскую гарнизонную артиллерийскую № 10 роту (с 1859 г. – Кавказская крепостная артиллерийская № 10 рота)²⁹².

В завершении рассказа о воинских частях, в разное время составлявших живую силу Геленджикского укрепления, будет уместным сделать некоторые выводы в отношении их количественных и качественных характеристик.

Так сложилось исторически, что огневая линия его оборонительных верков де-факто полностью повторяла фронт первоначально возведенных шанцев укрепленного лагеря Геленджикского отряда, насчитывающего четыре батальона пехоты и одну артиллерийскую роту. Вследствие этого она имела протяженность 553 сажени и по расчетам командира Отдельного Кавказского корпуса должна быть защищаема 3318 человеками или, в крайнем случае, 750, т.е. тремя полными ротами²⁹³.

Потребность в такой численности обороняющихся определялась им на основании действующих в то время руководств по фортификации, предусматривающих от 1 шага (2 1/3 погонных фута) в сомкнутом строю до 1 1/2 шагов (4 погонных фута) в разомкнутом строю на каждого пехотинца, стоящего вдоль бруствера, и от 14 до 18 футов на артиллерийское орудие с артиллеристами. Как это должно было происходить теоретически можно увидеть на рисунках из первой части учебного руководства инженер-полковника Теляковского²⁹⁴:

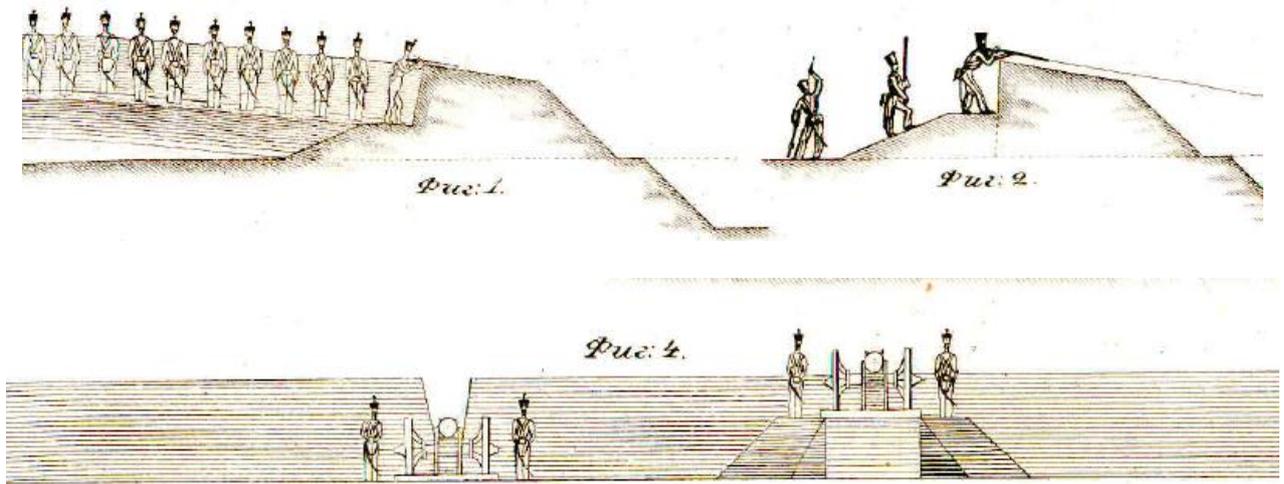
²⁹⁰ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1832. Л. 344-344-об., РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 220. Л. 40об. Опубликовано: «Черноморская береговая линия. 1853-1855 гг. (Подборка документов о боевых действиях в Северной части Черноморской береговой линии в период Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., составленная А. Бабичем» (<https://proza.ru/2016/07/04/1174>)

²⁹¹ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 115

²⁹² Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.2. С. 233

²⁹³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 8259

²⁹⁴ Теляковский А. Фортификация. Ч.1. Полевая фортификация. СПб, 1848. С. 37, чертеж 8

а на практике – на знаменитом панорамном полотне Ф. Рубо, посвященном обороне Севастополя в период Крымской (Восточной) войны:

Яндекс. Картинки

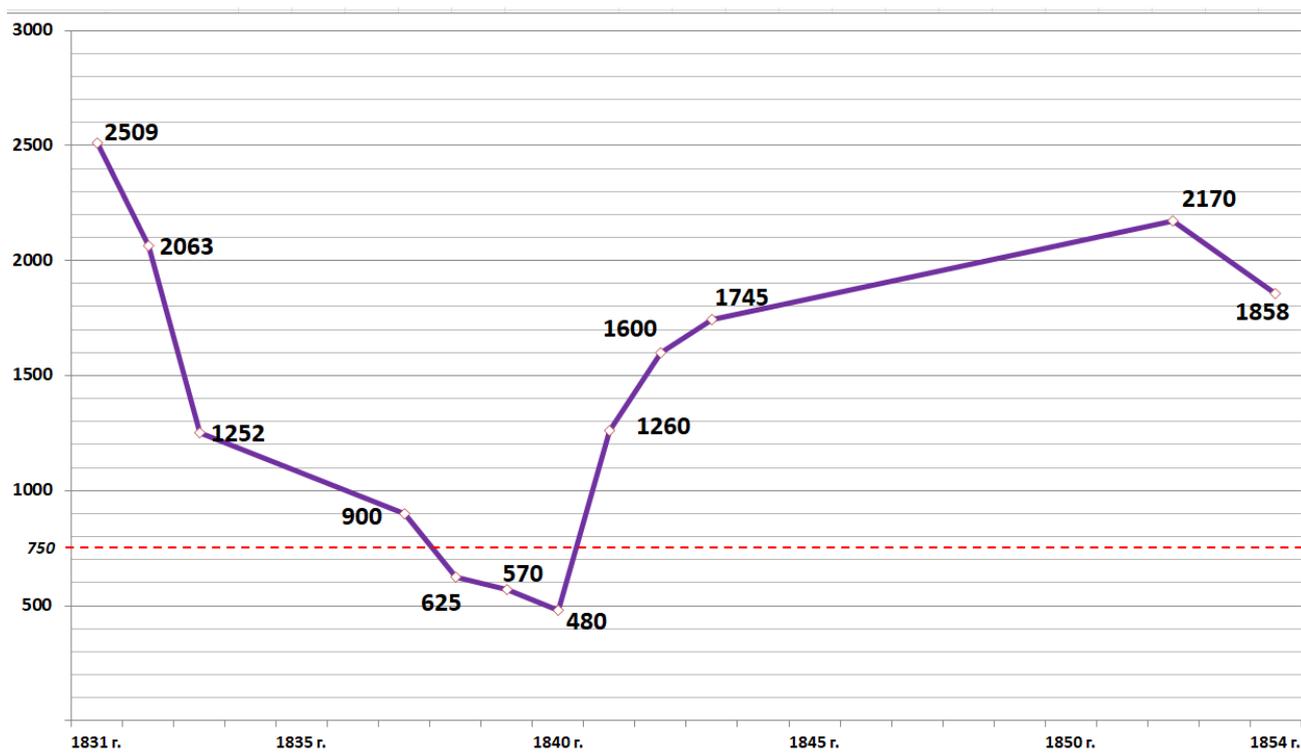
Другим вариантом расчета служили формулы: $6 \times A / 13$ при построении в одну шеренгу, $3 \times A / 4$ при двух шереножном строе и $4 \times A / 3$ при трех шереножном, где A - длина прикрываемой линии в футах²⁹⁵.

Вполне отдавая себе отчет в том, что «укомплектование войск в таком краю, где от болезней и смертности быстро редуют ряды, где непрерывные постройки требуют множества рук и где посреди совершенного спокойствия должно быть каждый день готовым к войне, составляет весьма важный

²⁹⁵ Войтяховский Ефим. Полная наука военного укрепления, или фортификация, содержащая в себе начальные основания, с приобщением расположений укрепления знатнейших европейских инженеров, в пользу употребления юношества и упражняющихся. СПб, 1814. С. 46-47; Баженов, подполковник. Полевая фортификация для употребления в школах Инженерного корпуса по образцу французского автора Ги де Вернона. СПб, 1815. С. 95-96; Тванев, подполковник. Общее введение в фортификацию. Для руководства в изложении походных записок. СПб, 1845. С. 33; Теляковский Аркадий. Фортификация. Часть первая. Полевая фортификация. Учебное руководство для военно-учебных заведений. СПб, 1848. С. 37

предмет»²⁹⁶, армейское командование в условиях постоянной нехватки кадров старалось обеспечить достаточным количеством войск по крайней мере ключевые точки Черноморской береговой линии – Анапу, Новороссийск, Геленджик и Сухум-кале.

Как следует из приведенной ниже диаграммы, составленной по выявленным в документах за разные годы сведениям о численности войск, дислоцировавшихся в Геленджике²⁹⁷, в нормативном количестве их практически никогда не было, но и меньше минимально допустимого значения опускалось лишь в конце 1837 г. – начале 1840 г., когда один из дислоцировавшихся там Черноморских линейных батальонов (№ 4-го) в полном составе, а другой (№ 5-го) частично убыли для несения гарнизонной службы во вновь основанные укрепления Черноморской береговой линии. Таким образом, только в этот достаточно короткий промежуток времени существовала реальная опасность захвата Геленджика горцами в случае, если бы они на это решились, чего, как известно, так и не произошло даже в период их наибольшей активности в феврале-мае 1840 г.

Образование в августе 1840 г. специального резерва для Черноморских линейных батальонов в целом решило проблему нехватки в них нижних чинов. Некомплект же унтер-офицерского состава восполнялся за счет выпускников сформированной в Геленджике, видимо, во второй половине 40-х годов XIX в.

²⁹⁶ РГВИА. Ф.14719. Оп. 3. Д. 328. Л. 151

²⁹⁷ Диаграмма, безусловно, достаточно условная, т.к. для точного установления динамики изменения численности расположенных в Геленджике войск необходимо проведение целенаправленного исследования

учебной команды Черноморских линейных батальонов, а офицерского, помимо обычных назначений из военно-учебных заведений²⁹⁸, также путем производства в офицеры подпрапорщиков, юнкеров и унтер-офицеров Черноморских линейных батальонов после прохождения ими определенного срока службы в резервной дивизии Отдельного Кавказского корпуса. Правда, ради справедливости, следует признать, что имеющихся войск было достаточно лишь на случай нападения горского ополчения, но никак не против отражения десанта регулярных войск, поддержанного корабельным огнем, вероятность высадки которого союзным англо-французским флотом, собственно говоря, и послужила одной из основных причин оставления Геленджикского укрепления в Крымскую (Восточную) войну.

Что же касается качества личного состава квартировавших в Геленджикском укреплении войск, то, безусловно, боеспособность находившихся там с 1831 г. по 1834 г. Нашебургского и Козловского пехотных полков была весьма высока. Поэтому можно только сожалеть об их расформировании в рамках происходившей в 1833-1834 гг. армейской реформы. Увы, «старыми полками у нас тогда еще дорожили так же мало, как и в царствование Екатерины»²⁹⁹.

Еще какое-то время, примерно до 1837 г., когда в сформированных в Геленджике Черноморских линейных батальонах еще преобладали ветераны Нашебургского пехотного полка, кадровая ситуация была терпима, но постепенно, вследствие естественной убыли старослужащих солдат либо за смертью, либо в отставку по выслуге лет или болезни, они замещались слабо подготовленными рекрутами, политически неблагонадежными (участниками польского мятежа и восстания декабристов), членами религиозных сект (прежде всего, старообрядцами) и различным асоциальным элементом (бродягами и преступниками, отдаваемыми в солдаты), что, безусловно, снижало боевую ценность этих линейных батальонов.

Вместе с тем, нельзя согласиться с утверждением некоторых авторов работ, посвященных кадровому составу Отдельного Кавказского корпуса в период Кавказской войны, о том, что в Черноморских линейных батальонах он был наименее качественным по сравнению с другими входившими в корпус частями, а процент преступников или «буйных» в них был выше, чем у других³⁰⁰. Если обратиться к сенатскому указу от 17 апреля 1837 г. об отправлении бродяг и преступников, которые поступают в рекруты, в особо

²⁹⁸ ПСЗРИ. Т. XVI. № 14520

²⁹⁹ Керсновский А.А. История русской армии. Издательство «Голос». Москва, 1993. Т. 2. С. 43

³⁰⁰ Каратаев В.Б., Островская А.А., Кокуйцева Т.В., Семенов А.С. Кадровый состав Русской армии на Кавказе в 1830–1840-е гг. // Былые годы, 2016. Т. 41. Вып. 3. С. 652; Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Психологический портрет комбатанта на территории Черноморской береговой линии: нижние чины // European researcher. 2010, № 1. С. 27-30

учреждаемые исправительные батальоны и батальоны гарнизонные и линейные, то не трудно убедиться, что этот контингент распределялся по войскам, расположенным в самых разных частях Российской империи, но Черноморские линейные батальоны, в отличие от Кавказских, Грузинских, Оренбургских и Сибирских линейных батальонов, среди них не значатся³⁰¹. То есть, если они и попадали на Черноморскую береговую линию, то не напрямую, а только через Херсонский исправительный батальон, возможно даже, уже после отбытия там наказания или получения положительной характеристики, да и практика такого пополнения дислоцировавшихся в прибрежных укреплениях частей прекратилась к середине 40-х годов XIX в.

Разумеется, нельзя отрицать того, что боевой потенциал линейных батальонов Отдельного Кавказского корпуса был ниже, чем у входивших в его состав прославленных полков 19-й, 20-й и 21-й пехотных дивизий, но это можно объяснить не столько различиями в личном составе (он во всех частях корпуса был приблизительно одинаков), сколько большей опытностью, лучшей выучкой, более высоким моральным духом, сплоченностью и наличием славных боевых традиций у последних³⁰². Тем не менее, Черноморские линейные батальоны были далеко не из худших, подтверждением чему служит произошедшее, соответственно, в 1851 г. и 1852 г. пожалование знамен двум из них: № 4-го - «за усердную и верную службу, доказанную постоянным отличием и храбростью против Горцев», № 14-го - «за усердную и верную службу, ознаменованную подвигами мужества и храбрости в неоднократных делах против Горцев»³⁰³.

Это заслуживает тем большего уважения, что чины Черноморских линейных батальонов после тяжких ратных трудов, по словам генерал-лейтенанта Раевского, не имели «другого отдохновения как то, которое их ожидает в тесных крепостях, где они заключены, где они преданы вечному одиночеству, невыразимой скуке и повальным болезням»³⁰⁴.

³⁰¹ ПСЗРИ. Т. XII. № 10155; Т. XII. Отделение второе. С. 27

³⁰² См., например, Савельев А.Е. «Кавказские» и «русские» полки в начале XIX в. на Кавказе // Вопросы истории. 2010. № 2. С.150-154

³⁰³ Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск российской армии. 1843 / сост. Клочков Д.А.- М.: Фонд «Русские витязи», 2020. С. 360-361

³⁰⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д.220. Л. 51-51об

Глава 3. Квартирование войск и обеспечение провиантом

Рефрешир называется тогда, когда по многим имевшим трудам, или все войско, или несколько полков, на квартиры для отдыха, или пропитания, под кровлю поставлены бываюот на время. А особливо ежели великий недостаток в провианте и фураже есть, или неприятное мокрое и холодное есенное время того требовать будет.

Устав воинский. 1716 г. Глава 46, § 1.

Высадившиеся на берегу Геленджикской бухты войска параллельно с сооружением шанцев и организацией их обороны должны были озаботиться также обеспечением своих главнейших жизненных потребностей – кровом, водой и пищей.

Первоначально десантный отряд расположился на берегу ручья в «тени старых деревьев, которые восхищали еще Тэбу де Мариньи в 1818 году»³⁰⁵, в «лагере» - комплектах стандартных полотняных палаток, имевшихся в Нашебургском и Козловском пехотных полках еще со времен их участия в войнах с Персией и Турцией. Согласно статье 844 части IV книги III Свода военных постановлений по одной палатке полагалась каждому штаб-офицеру, каждым двум обер-офицерам, каждым пятнадцати нижним чинам, а также денщикам полкового командира, денщикам двух штаб-офицеров, денщикам четырех обер-офицеров. Таким образом, полк двух-батальонного состава³⁰⁶ имел 26 офицерских палаток (1 – для полкового командира, 2 – батальонных командиров, 1 – полкового адъютанта, 1 – батальонных адъютантов, 1 – квартирмейстеров и казначеев, 1 – лекарей, 1 – чиновников, обучающих музыке, и аудиторов, 1 – священников, 1 – командиров нестроевых рот, 16 – строевых обер-офицеров) и 151 палатку для нижних чинов (128 – для строевых, 3 – унтер-штабов³⁰⁷, 1 – канцелярии и писарей, 5 – нестроевой роты, 14 – офицерской прислуги)³⁰⁸. Всего, следовательно, учитывая наличие в Геленджикском отряде еще и артиллерии, на берегу бухты было разбито около 400 палаток, общий вид которых, вероятно, напоминал картину из известной с начала XIX в. солдатской песни:

³⁰⁵ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 97

³⁰⁶ Хотя оба полка были трех-батальонного состава, но в Геленджикскую экспедицию они убыли, как было отмечено во 2-й главе, без своих третьих батальонов

³⁰⁷ Так в тексте

³⁰⁸ Свод военных постановлений. Ч. IV. Кн. III. Ст.846. Прил. XXXV. Табель, какое количество определяется иметь в войсках палаток, пикетов и ружейных пирамидных древков

«Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать!
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Там бел-город полотняный,
Морем улицы шумят,
Позолотою румяной
Медны маковки горят...».

Северный фас лагеря и половину восточного занимали палатки Нашебургского пехотного полка, вторую половину восточного фаса и южный – Козловского. Очевидно, среди рядов стандартных армейских палаток выделялись особо большими габаритами шатры полковых церквей, об одном из которых, прилаженном к древнему дубу, упоминает Ф. Дюбуа де Монпере³⁰⁹.

Поскольку ручей, на берегу которого расположился лагерь, мог удовлетворить только самые минимальные потребности в пресной воде столь большого числа войск, в пределах и вблизи лагеря было вырыто несколько колодцев. Хватило их, однако, ненадолго. Уже в апреле 1833 г. геленджикский комендант полковник Чайковский докладывал командующему Черноморской линией генерал-лейтенанту Малиновскому о том, что воды в колодцах «стал сказываться значительный ущерб и недостаток для всех потребностей от того, что от продолжавшейся чрез все зимнее время засухи и частых сильных ветров земля иссохла и источники в колодцах стали иссякать»³¹⁰. В связи с этим он распорядился вырыть еще два колодца внутри укрепления, а также резервуар с внешней стороны близ его левого фаса. Это водохранилище предназначалось не только для гарнизона, но и на «случай, если бы какая из эскадр, находящихся ныне в море, была завлечена сюда (в Геленджик – А.Г.) бурей или противными ветрами и не дошла бы до крайности от недостатка воды».

Осмотрев в мае 1833 г. Геленджикский укрепленный лагерь, генерал-лейтенант Малиновский констатировал: «Вода хороша как в укреплении, так и в ближайших колодцах [и] для гарнизона достаточно, но мало для наливки морских судов»³¹¹. Видимо с учетом этого, число водных резервуаров к 1841 г., как явствует из плана инженер-подполковника Постельса, было увеличено до трех, что в совокупности с колодцами оказалось вполне достаточным для удовлетворения нужд в пресной воде и гарнизона укрепления, и экипажей заходивших в Геленджик судов.

В отличие от водных ресурсов, имевшихся в достатке непосредственно на месте, строительные материалы и провизию необходимо было доставлять из расположенных в Приазовье и Крыму казенных магазинов морскими судами, поскольку со стороны суши все пути подвоза были заблокированы горами. Но наладить сразу надежные логистические связи между ними и Геленджиком

³⁰⁹ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 97. Все же, скорее, это был не просто тент, а шатер

³¹⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 74об-75

³¹¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 103

оказалось непросто. Причинами тому был не противник, ведь до Крымской (Восточной) войны на Черном море полностью доминировал российский военно-морской флот, а традиционная межведомственная разобщенность³¹² и неблагоприятные условия черноморской навигации в осенне-зимний период.

По замыслу командования, доставку в Геленджик леса, сосновых досок, гвоздей и кирпича для возведения капитальных строений (дома начальника отряда, 8 штаб-офицерских домиков, 16 солдатских казарм и лазарета) предполагалось осуществить морским путем до конца летней навигации 1831 г.³¹³ Но, как оказалось, на военные транспорты строевой лес не помещается, вольнонаемных судов для доставки строительных материалов в Анапе не имеется, а камыш, которым следовало покрыть крыши будущих строений, в Геленджике и его окрестностях в необходимом количестве не произрастает³¹⁴. Вследствие этого, как пишет Ф. Дюбуа де Монпере, «войскам пришлось самим строить зимние жилища. Без быков и лошадей пришлось людям на своей спине таскать из окрестных лесов бревна ...»³¹⁵.

7 ноября 1831 г. командующий войсками на Кавказской линии, Черномории и Астрахани генерал-лейтенант Вельяминов предупредил генерал-майора Берхмана: «Войска должны зимовать в укрепленном лагере, в коем имеются балаганы. Дрова, необходимые для печения хлеба, варения пищи и обогрева людей, можно иметь из произрастающих в изобилии в окрестности Геленджикской крепости лесов»³¹⁶. Под «балаганами», в которых должен был зимовать Геленджикский отряд, в первой половине XIX в. понимались лагерные постройки – бараки и землянки – строящиеся, если позиция занималась на довольно долгое время. Их типовые описания и чертежи помещены инженер-полковником А. Теляковским в 1-й части составленного им учебного руководства по полевой фортификации³¹⁷: «Бараки строятся из досок или плетня, с соломенной, досчатой или камышевой крышею; в стенах проделываются окна и двери. Ширина барака не превосходит 2¹/₂ сажень; длина же зависит от числа людей, какое желают поместить в барак»; «землянки вырываются в полроста человека, накрываются соломенной, камышевой или из хвороста крышею, которая засыпается землею; две противулежащая треугольные стенки делаются под крышу из плетня, в одной из них проделывается дверь, к которой ведет с горизонта земли спуск или ступени».

³¹² См., например, Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 18-19

³¹³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 68

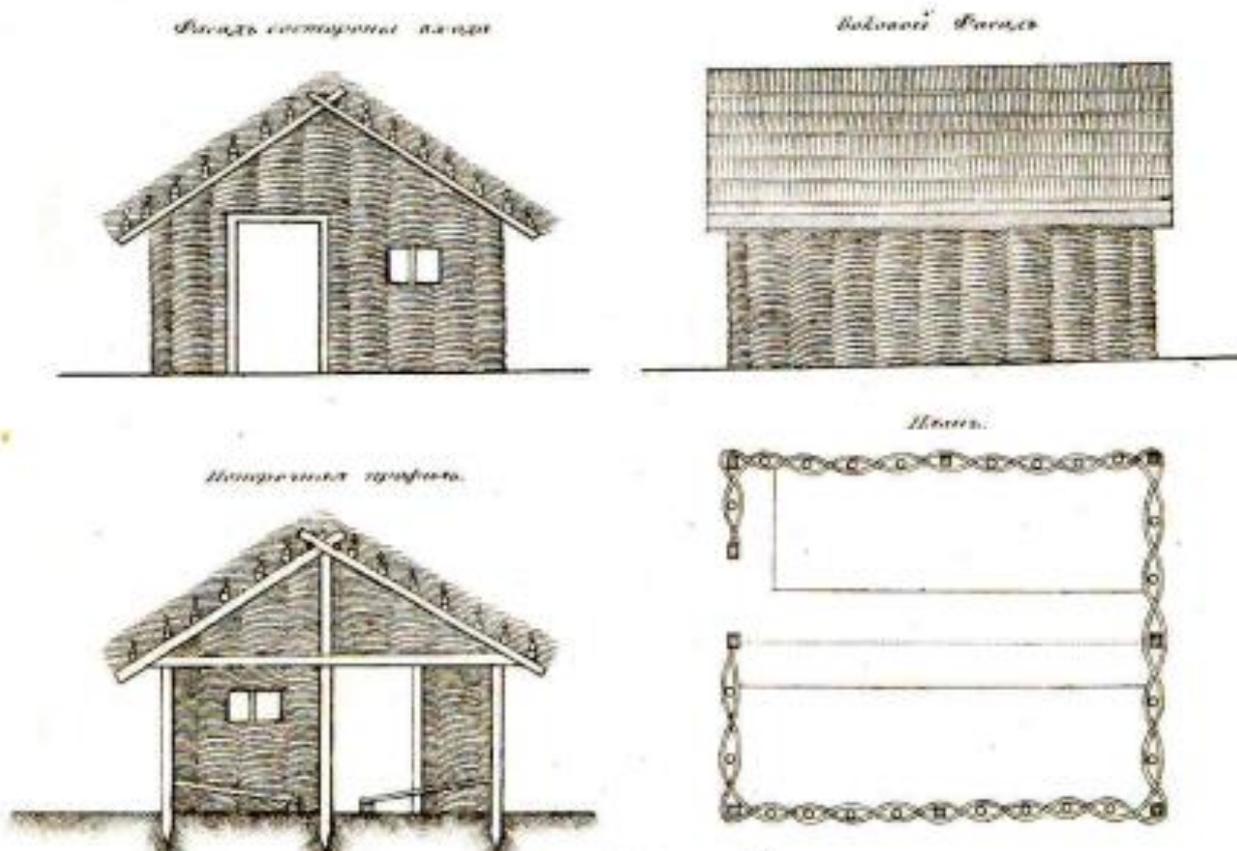
³¹⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 52-52об

³¹⁵ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 95

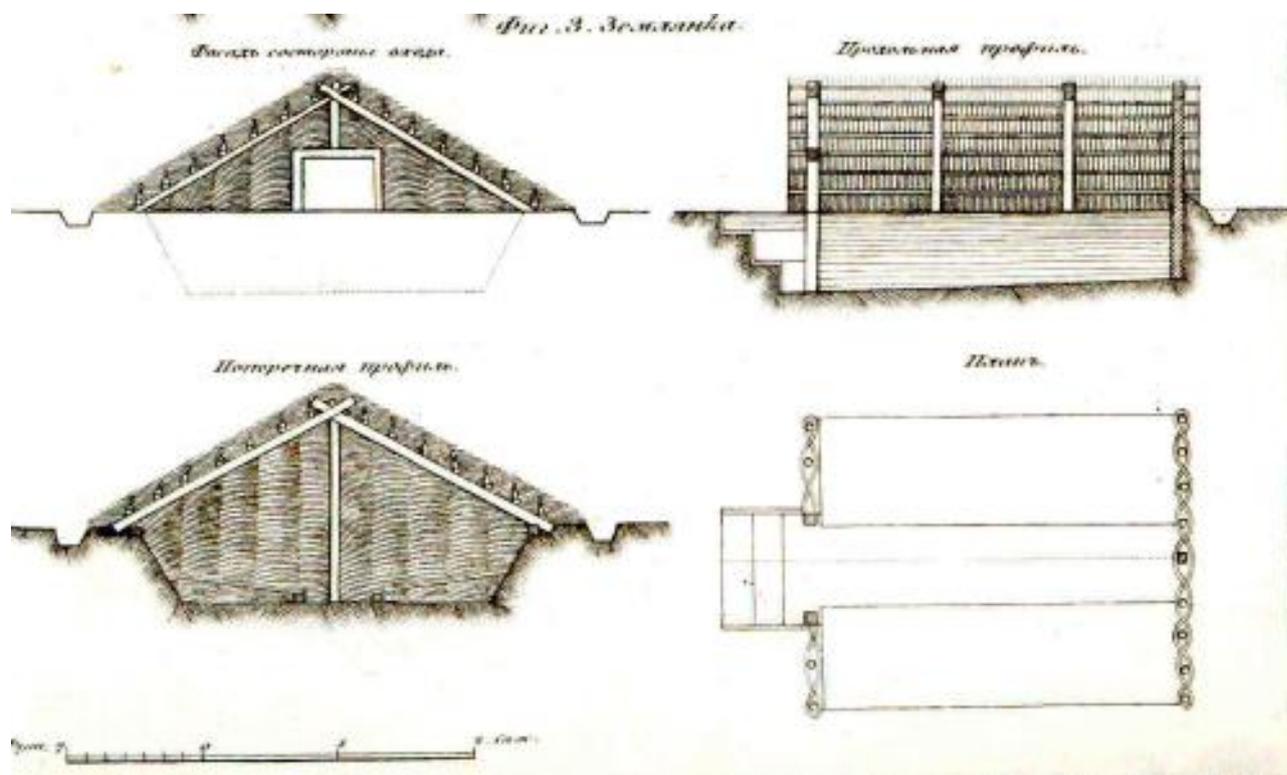
³¹⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 27

³¹⁷ Теляковский А. Фортификация. Ч.1. Полевая фортификация. СПб, 1848. С. 129, чертеж 41

Фиг. 2. Вараки.

Фиг. 3. Землянка.

Ф. Дюбуа де Монпере описывает строительство этих сооружений в Геленджике следующим образом: «Каждый устраивался как мог, на земле и под

землей. Стены, возведенные из плетня, были обмазаны глиной; земляные крыши были устланы сверху густыми ветвями, а выкопанные в земле подвалы должны были служить первыми убежищами от суровостей природы. Печи сделали на скорую руку и как смогли. Солдаты замешивали и обжигали кирпичи; солдаты выкладывали печи; солдаты рубили бревна в лесу. Таскали и устанавливали их; они были архитекторами, каменщиками, плотниками, слесарями; из нескольких кусков стекла, взятого на корабле, они сделали себе окна ...»³¹⁸.

Уже к 24 ноября 1831 г., согласно рапорту генерал-майора Берхмана, «работы в Геленджике, относящие к укреплению лагеря, равно штаб-, обер-офицерские и солдатские казармы и прочие жилища»³¹⁹ были завершены. Понятно, что все они были сделаны на скорую руку, поэтому неудивительно, что, по словам А.Ф. Щербины, в начале своего существования Геленджик представлял по внешнему виду довольно невзрачное поселение, где солдаты жили в землянках, а жилища офицеров были немногим лучше³²⁰. Условия размещения в таких постройках, «душных в жар, грязных в дождь, сырых и темных во всякое время»³²¹ были, безусловно, далеки от нормальных.

Сохраняющаяся в течение почти всего XIX в. неизменность технологии возведения подобных строений позволяет на примере периода Крымской (Восточной) войны, близкого к рассматриваемому, представить их внутреннее устройство: «Землянка капитана Б. была врыта в землю и огорожена плетнем до половины ее высоты (в рост человека) и состояла из двух отделений: одно при входе, теплый «присенок», в то же время кухня и спальня для денщика капитанского; за ней – другое, около сажени в ширину и сажени полторы в длину – комната самого капитана. Верхняя половина стен состояла из трех-четырех венцов букового леса ... порядочно обтесанного с внутренней стороны ... с прокладкою даже мелким горным сеном за неимением мха. Потолок был сложен из того же бука, смазан глиною и покрыт землею на два ската. Маленькое окошко в одно стекло ... достаточно освещало эту комнатку, а нагревалось она тою же самою печкою из глины и булыжника, в которой готовилось кушанье»³²². Сооружения для нижних чинов были аналогичными по конструкции, но, конечно, гораздо проще: «Солдатские землянки были построены в ряд, каждая на пятнадцать или двадцать человек; углублены они в

³¹⁸ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 97

³¹⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 108

³²⁰ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 20

³²¹ Бестужев-Марлинский А.А. - Полевым К.А. и Н.А. 13 апреля 1836 г. (<http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/letters.htm>)

³²² Леновской П. Очерк из быта войск в военное время // Быт русской армии XVIII – начала XX века. Автор-составитель С.В. Карпущенко. М.: Воениздат, 1999. С. 204

землю были несколько более капитанской, поверх земли в них не было бревенчатого сруба, и вместо потолка они просто-напросто покрыты двускатными крышами из колосьев и хвороста, смазанными сверху глиной и засыпанными землей. Дверь из плетня на хворостяных петлях заменяла в то же время и окно для всей землянки. Вдоль обеих продольных стен устроены были нары из мелкого дровяного леса, а в противоположном от двери конце землянки врезана в откос земли скорodelьная маленькая печь из глины и камней, которая, разумеется, скорее могла служить бы камином, нежели в самом деле печью»³²³.

Единственным исключением из такого рода временных построек стал возведенный на каменном фундаменте дом для коменданта укрепления полковника Чайковского, о котором он стал хлопотать сразу же по назначению на эту должность в июне 1832 г., мотивируя свою просьбу наличием тяжелого ранения, а также обремененностью семьей³²⁴ (вместе с ним в Геленджик приехали его жена и сестра³²⁵). Любопытно, что инженер-подполковник Кох, находившийся не в лучших отношениях с комендантом, но вынужденный по его приказанию возвести это строение, получил от генерал-лейтенанта Малиновского выговор за то, что «осмелился без разрешения приступить к постройке комендантского дома, тогда как план Геленджикской крепости не утвержден еще, издерживая для того значительную сумму и казенные материалы»³²⁶.

Не обошлось, как обычно, и без прямых злоупотреблений. Изрядная часть партии кирпичей, закупленных для устройства печек в бараках и землянках, так и не дошла до Геленджика и их судьба осталась, несмотря на произведенный розыск, неизвестной.

Впрочем, по мнению начальства, дела с обеспечением личного состава жильем обстояли вовсе даже неплохо. Согласно докладу генерал-лейтенанта Малиновского по результатам личного посещения Геленджика в ноябре 1832 г., он нашел казармы, в которых размещается гарнизон, и полковые лазареты «исправными, надежными для житья и выгодными для здоровья солдат»³²⁷. Помимо этих сооружений, на экспликации к плану Геленджикского укрепления, составленной в апреле 1833 г.³²⁸, обозначен также целый ряд других возведенных к этому времени служебных построек – канцелярий,

³²³ Леновской П. Очерк из быта войск в военное время // Быт русской армии XVIII – начала XX века. Автор-составитель С.В. Карпушенко. М.: Воениздат, 1999. С. 204

³²⁴ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 17

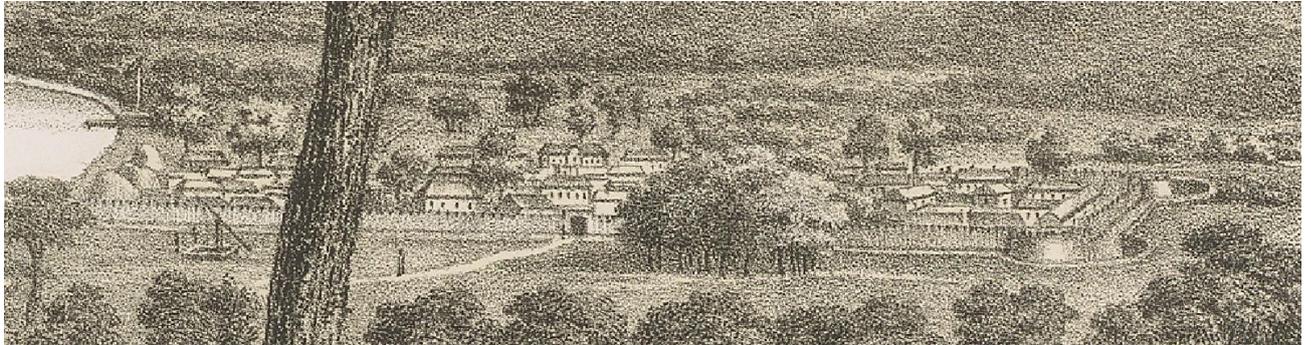
³²⁵ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 170

³²⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 344

³²⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 343

³²⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 102 (представлен в 1-й главе)

цейхгаузов, мастерских, кузнец, маркитанских складов, кухонь, пекарней, конюшен и сараев. Бывший примерно тогда же в Геленджике Ф. Дюбуа де Монпере запечатлел его вид на одном из своих рисунков, помещенных в атласе, приложенном к сочинению о путешествии на Кавказ.

По всей видимости, эти постройки были построены хозяйственным способом, т.е. собственными силами Геленджикского отряда за счет сэкономленных ассигнований и материалов, выделенных на строительство оборонительных верков, ибо для возведения более-менее капитальных сооружений требовалось разрешение «высшего начальства», получить которое было довольно проблематично. Наглядным примером тому, какие препоны приходилось преодолевать чтобы реализовать тот или иной строительный проект служит печальная судьба идеи Морского ведомства соорудить в Геленджике домик для жительства содержателя, магазин для хранения припасов и материалов, магазин для хранения провизии и «маленькую» мастерскую.

Получив от Главного командира Черноморского флота и портов адмирала Грейга в мае 1832 г. задание на строительство этих необходимых «для удовлетворения надобности крейсирующих у Абхазских берегов судов» сооружений, Черноморская исполнительная экспедиция поручила архитектору англичанину Акройду составить соответствующие планы. И хотя он выполнил свою работу довольно быстро, но отправлены они были к начальнику Главного морского штаба генерал-адъютанту князю Меншикову лишь через год, в августе 1833 г.

Не дождавшись в течение двух лет из Петербурга ни положительного, ни отрицательного ответов, в сентябре 1835 г. обер-интендант Черноморского флота и портов генерал-майор Васильев обратился к недавно назначенному на должность Главного командира Черноморского флота и портов адмиралу Лазареву с просьбой «о возобновлении ходатайства на испрошение разрешения о возведении в Геленджике упомянутых строений», на что последний приказал «сделать соображение по Интендантству: нельзя ли выстроить ежели не все сие предполагаемые строения, то хотя бы часть оных из общих сумм, ибо ассигнование особой на то суммы ожидать нельзя, да и представить я не

нахожу возможным по случае беспрестанных повторений о невыхождении из нормальной сметы уже ассигнованной»³²⁹.

В результате проведенных во исполнение этого указания разбирательств выяснилось, что дополнительных ассигнований не требуется, поскольку при составлении финансовой росписи на 1836 г. на строительство в Геленджике было предусмотрено «примерно 10 тыс. рублей». С учетом этого у архитектора Акройда был запрошен еще один экземпляр планов и поручено Главной строевой комиссии Черноморского флота «скорейше составить сметные исчисления..., без которых одне планы не могут быть представлены на утверждение высшему начальству, притом еще неизвестно будет ли достаточно ассигнованной суммы»³³⁰.

«Скорейше» составить сметы, вследствие нерасторопности исполнителей из Строительного отделения Главного управления Черноморского флота и портов по интендантству и допущенных ими первоначально недостатков, удалось, однако, лишь весной 1837 г. При этом общая стоимость предполагаемого строительства в Геленджике оказалась равной «по вольным ценам 30288 руб. 78¹/₄ коп., по казенным 12307 руб. 5¹/₂ коп.»³³¹, что заметно превосходило зарезервированные интендантством на эти цели ассигнования в сумме 10,0 тыс. рублей. Поэтому в целях возможного сокращения казенных расходов было признано необходимым установить: «не представится ли возможности приобрести покупкою ежели не все, то хотя некоторые из положенных по смете материалов на месте в Геленджике и по каким ценам, и какие за тем должно доставить туда из здешних портов и произвести самую постройку тех зданий частью нижними чинами, на судах состоящих, и частью вольнонаемных, буде таковых там отыскать можно и по каким, хотя примерно, ценам в месяц или за человека»³³².

Наконец, 28 мая 1837 г. вся необходимая документация, включающая выписку из журнала общего присутствия Интендантства, планы и сметы, была представлена Главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу Лазареву, но пролежав без движения до марта 1842 г., была списана в архив по его собственноручной резолюции: «После Высочайшего разрешения о сооружении Адмиралтейства в Ново-российске настоящее дело не требует никакого дальнейшего разрешения»³³³...

Будет излишним говорить, что аналогичные бюрократические проволочки имели место и в Военном министерстве. Из косвенных данных можно сделать вывод, что некие проекты зданий, предполагаемых к постройке

³²⁹ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2778. Л. 39-39 об

³³⁰ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2778. Л. 39об-40

³³¹ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2778. Л. 67об

³³² РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2778. Л. 67об-68

³³³ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2778. Л. 74

в Геленджикском укреплении для нужд гарнизона, также были разработаны в 1835-1837 гг., но к их строительству так и не было приступлено.

Случившийся в сентябре 1837 г., в день прибытия в Геленджик императора, грандиозный пожар по счастливому стечению обстоятельств практически не причинил ущерба возведенным там жилым и хозяйственным постройкам, которые, впрочем, и без того к этому моменту пришли практически в полный упадок. «Все вообще помещения для жительства офицеров и нижних чинов по большей части построены из плетня и сырцового кирпича в столь ветхом виде, что гарнизон в скором времени вовсе не будет иметь помещения», - констатировал в части Геленджикского укрепления командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин в обзоре укреплений Черноморской береговой линии³³⁴. К тому же их традиционно не хватало, в связи с чем в феврале 1839 г. временно исполняющий должность коменданта Геленджикского укрепления полковник Пасхальский рапортовал о необходимости дополнительно «выстроить на одну роту казарму или где помещается ныне лазарет поместить роту, а отдельно построить лазарет, кухню и лабораторию. Вообще для всех рот (план. – 2 роты) цейхгаузы и кухни, также пороховые погреба, сараи для провизии, жилье для гг. офицеров, гауптвахту, три кордегардии и комендантскую канцелярию»³³⁵.

С учетом имеющейся потребности в размещении частей гарнизона и вспомогательных служб, летом-осенью 1840 г. одновременно с перестройкой оборонительных верков в Геленджикском укреплении были возведено также несколько новых жилых зданий и хозяйственных построек. На плане Геленджика, составленном инженер-подполковником Постельсом в феврале 1841 г.³³⁶, отмечено уже довольно большое число различных сооружений, а именно:

- церковь из досок под деревянной крышей;
- дом коменданта из полубрусьев под деревянной крышей;
- дома офицеров, частично турлучные, частично из сырцового кирпича;
- офицерский флигель из полубрусьев под железной крышей, офицерский флигель из полубрусьев под деревянной крышей;
- канцелярия из сырцового кирпича под деревянной крышей;
- казармы на 75, 100, 150 и 200 человек из сырцового кирпича под деревянной крышей; казарма на 100 человек из сырцового кирпича под земляной крышей; казарма на 100 человек, занятая лазаретом, из полубрусьев под железной крышей; строящаяся казарма на 100 человек из полубрусьев под железной крышей;

³³⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 239. Л. 106

³³⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 69. Л. 8об

³³⁶ РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 650

жилища женатых нижних чинов, частично турлучные, частично из сырцового кирпича;

комиссариатский дом из сырцового кирпича под земляной крышей;

пороховой погреб из полубрусьев под железной крышей;

сарай для провизии из полубрусьев под деревянной крышей;

сарай для морского ведомства из полубрусьев под деревянной крышей;

кухня из полубрусьев под деревянной крышей;

баня из сырцового кирпича под земляной крышей;

дома «вольных промышленников, некоторые из досок, а другие из полубрусьев под деревянными крышами».

Большинство казенных зданий были, вероятно, построены по планам, утвержденным в свое время командиром Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютантом бароном Розеном, и в целом не представляли «никаких важных неудобств»³³⁷. К сожалению, чертежей или схем перечисленных построек выявить не удалось, но можно предположить, что казарменные помещения соответствовали требованиям, установленным статьями 342 - 371 книги 1 части III и статьями 574 - 606 книги 4 части IV Свода военных постановлений, а также утвержденной императором в ноябре 1850 г. Инструкции комендантам крепостей по надзору за содержанием крепостей, в них воинских зданий и по отоплению зданий особыми комиссиями³³⁸. Хотя последняя формально не распространялась на укрепления, но можно с высокой степенью вероятности предположить, что на изложенные в ней правила так или иначе должны были ориентироваться и в них.

Полковник Астафьев в отчете о посещении Геленджика так характеризовал условия расквартирования гарнизона: «Люди весьма просторно размещены в казармах следующим образом: 3-я и 4-я линейные (*роты Черноморского линейного батальона № 5-го – А.Г.*) и артиллеристы - в казармах, устроенных хозяйственными способами из сырцового кирпича, 2-я линейная - в деревянных, из полубрусьев. Все казармы отлично сухи, кроме артиллерийской, в которой заметна небольшая влажность, - оттого, что еще не настлан пол. Но деревянная казарма, занятая 2-ю линейной ротой, гораздо лучше по вольному воздуху; если приведется в исполнение Высочайшая воля об оштукатурке снаружи и внутри казарм, тогда ветер не будет проникать в построенные из полубрусьев, и лучших казарм невозможно будет и желать. Здание, где хранятся продовольственные припасы, - деревянное и в хорошем состоянии Здание, в котором хранятся боевые снаряды, построено

³³⁷ Архив Раевских. Т. III. С. 617

³³⁸ ПСЗРИ. Т. XXV. № 24655

хозяйственным способом из плетня, обложенного как внутри, так и снаружи глиною, покрыто землею, но от сильных ветров приходит в разрушение»³³⁹.

В общем, несмотря на весьма ветхое состояние некоторых турлучных сооружений (гауптвахты, цейхгаузов и сараев для разных припасов, кухни, артиллерийских конюшен, погреба для запасов, караульни, мастерской, погреба для артиллерийских снарядов), даже критически ко всему и всем настроенный Г.И. Филипсон должен был признать, что «Геленджик принимал тоже приличный вид, хотя много еще оставалось в нем грязных лачужек прежнего времени»³⁴⁰.

Примечательно, что для ускорения и облегчения строительных работ как в Геленджике, так и в других укреплениях Черноморской береговой линии, сооружения из соснового полубруса возводились по той же самой технологии, которая применялась еще в XVI в., а именно, все они закупались в Ростове, Таганроге или Херсоне, затем разбирались и в разобранном виде перевозились на судах в Геленджик и другие форты, где и собирались вновь. «Это стоило дорого, но зато сохраняло здоровье войск и избавляло от смерти многие сотни, если не тысячи, нижних чинов»³⁴¹.

Прибытие летом 1841 г. на постоянное место дислокации в Геленджик Черноморского линейного батальона № 14 (затем, 15-го) потребовало увеличения имевшегося в нем казарменного фонда, вмещавшего до этого немногим более 800 нижних чинов³⁴². Возможно, в целях экономии дополнительные казарменные помещения строились из расчета проживания 2/3 общей штатной численности гарнизона укрепления, поскольку согласно § 2 ст. 45 и § 1 ст. 59 Устава воинского 1716 г. из трех солдат «постель» полагалась только двоим, «понеже из оных трех, всегда один на третьей день дома не бывает для караулов и полковой работы»³⁴³.

Увеличение численности гарнизона, теперь состоящего из почти двух полных линейных батальонов и вспомогательных частей, обусловило также потребность в замене существующей в Геленджике церкви на более вместительное место для духовного окормления личного состава. В 1842 г. начальник Черноморской береговой линии генерал-адъютант Анреп направил представление о возведении в укреплениях Геленджикском, Навагинском и Св. Духа церковных зданий, в ответе на которое командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии Нейдгардту было дозволено устроить в 1843 г. церковь в одном только из этих трех пунктов, с отпуском на

³³⁹ Архив Раевских. Т. IV. С. 99-100

³⁴⁰ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1884. Вып. 1-2. С. 204

³⁴¹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 282

³⁴² Еще некоторое количество женатых нижних чинов проживало в отдельных домиках со своими семьями.

³⁴³ <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/Ystav1716.htm>

этот предмет 4695 руб. серебром. Причем, если бы местом строительства был выбран не Геленджик, а одно из двух других укреплений, надлежало уведомить Военное министерство о необходимости внесения в сметы будущего, 1844, года соответствующей суммы на постройку церкви в Геленджике³⁴⁴. Очевидно, в это время она и была возведена, потому что согласно архивным документам кроме лазарета и дома для начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии никаких других построек в 1845 г. в укреплении не производилось.

Во второй половине 40-х гг. XIX в. строительство новых или реконструкция ранее возведенных зданий продолжалось. Так, в октябре 1847 г. начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Будберг докладывал главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом: «В Геленджике после перевода больных в новое каменное здание, построенное для лазарета, прежние деревянные лазареты перестраиваются: один для помещения офицеров, другой на одну роту для нижних чинов. Работы эти приходят уже к окончанию. Для помещения азовских казаков строится турлучная казарма, которая подведена уже под крышу. Турлучная конюшня для артиллерийских лошадей кроется камышовой крышей»³⁴⁵. Тем не менее, темпы обновления жилых и хозяйственных построек, видимо, не поспевали за их износом, что приводило к случаям разрушения особо ветхих сооружений, об одном из которых, произошедших в декабре 1849 г., упоминает А.Ф. Щербина³⁴⁶.

Широко распространившаяся к началу 1850-х гг. практика выписывания из внутренних губерний для совместного проживания с мужьями, проходящими службу в Отдельном Кавказском корпусе, жен и детей вызвала настоятельную необходимость выселения ставших многочисленными в Геленджике семейных нижних чинов в отдельную слободку. Устроить ее предполагалось на месте одного из первых разбитых рядом с укреплением огородов с внешней стороны его южного фаса под прикрытием блокгауза и устроенной до берега моря засеки. На увеличенном фрагменте плана 1850 г. площадка под планируемую застройку выделена желтым цветом и отмечена литерами «А». Вопрос о том, удалось ли реализовать этот проект в действительности до ликвидации Геленджикского укрепления, также как и вопрос об архитектурном облике построенной в 1843-1844 гг. церкви, требует дополнительного изучения по фонду Канцелярии начальника Черноморской береговой линии.

³⁴⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. С. 901-902

³⁴⁵ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 3022. Л. 35об

³⁴⁶ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 94

Существовавшие в первое время трудности с подвозом грузов в Геленджик равным образом негативно сказывались и на провиантском снабжении высадившихся там войск.

К 30-м годам XIX в. в основе армейской системы продовольственного довольствия нижних чинов³⁴⁷ лежало получение ими так называемых дач в натуре, состоящих из муки (как правило, ржаной) и круп, или одной муки³⁴⁸. Для регулярных войск «обыкновенная полная дача провианта» на одного человека составляла:

	Въ день.	Въ мѣсяцъ.	Въ годъ.
Муки льрою.	$\frac{16}{30}$ гарн.	2 четвер.	3 четвер.
Вьсомь съ кулемь.	$2\frac{1}{2}$ фунт.	1 п. 35 ф.	22 п. 20 ф.
безь куля.	2 ф. 40 з.	1— $32\frac{1}{2}$ —	21—30—
Печеньиь хлболь.	3 фунт.	2—10—	
Сухаря.и, когда отпускаются суточными дачами, съ 31 числомъ.	$1\frac{5}{8}$ фунт.	1— $14\frac{1}{2}$ —	
а когда мѣсячными.	1 ф. 80 з.	1—15—	
Крупъ льрою.	$\frac{1\frac{1}{2}}{30}$ гарн.	$1\frac{1}{2}$ гарн.	2 четв. 2г.
вьсомь безь куля.	$\frac{1}{4}$ фунт.	$7\frac{1}{2}$ фунт.	2 п. 10 ф.

³⁴⁷ Подробнее об организации питания нижних чинов см.: Отделение четвертое Приложения V к кн. 1 части III Свода военных постановлений, а также: Клугин С. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века. Автор-составитель С.В. Карпушенко. М.: Воениздат, 1999. С. 175-201

³⁴⁸ Свод военных постановлений. Ч. IV. Кн. III. Раздел второй. О довольствии войск предметами Провиантского ведомства

Сверх этого некоторые войска в определенное время и в определенной сумме могли получать денежные средства на мясную и винную порции, и «на другие особые предметы продовольствия». Каждая мясная порция состояла из $\frac{1}{2}$ фунта говядины, которая при отсутствии свежего мяса заменялась $\frac{1}{2}$ фунта солонины или $\frac{1}{4}$ фунта ветчины, а «во время постов $\frac{1}{2}$ фунта рыбы в тех случаях, когда войска и во время постов оную получают»; винная же порция состояла из одной чарки вина из расчета 80 чарок на ведро.

Из рапорта генерал-майора Берхмана явствует, что он разрешил выдачу мясной и винной порции нижним чинам Нашебургского и Козловского пехотных полков и приданной им артиллерийской роты с момента их переправы через Бугазский лиман (пролив) при движении в район Тамани к месту посадки на выделенные для экспедиции суда³⁴⁹. При этом значительную часть имевшихся в полках собственных съестных припасов, в том числе солонину в бочках и водку, из-за недостатка транспортов пришлось оставить в местах постоянной дислокации в Черномории. По этой причине рацион питания войск после высадки в Геленджикской бухте оказался ограничен капустой (квашеной и головками), бураками, свиным салом, солью, перцем, луком, чесноком, солониной, горохом, постным маслом и незначительным количеством масла коровьего³⁵⁰. Правда, в дополнение к этому генерал-майор Берхман, «удостоверясь лично в бытность в Геленджике, что при вырубке леса и укреплении там лагеря для нижних чинов, выходящих на работы, трех фунтов хлеба на сутки было совершенно недостаточно ... принял смелость разрешить полкам 2^й бригады ... людям, выходящим в Геленджике на работы, давать в день по четыре фунта хлеба ...»³⁵¹.

В течение четырех месяцев до конца навигации 1831 г. в Геленджик удалось переправить двумя транспортами 5914 четвертей провианта³⁵². Однако, препровождая генерал-лейтенанту Вельяминову «Ведомость о числе продуктов, состоящих ныне в полках и артиллерии Геленджикского отряда для продовольствия воинских чинов» по состоянию на конец декабря 1831 г., генерал-майор Берхман отмечал, что «в случае если отряд пробудет в Геленджике долгое время, то оных будет недостаточно, а потому покорнейше прошу Ваше Превосходительство почтить меня Вашим предписанием, будет ли означенный отряд оставаться в Геленджике на лето, или последует оному какое другое назначение; ежели оный должен будет оставаться, то я нахожу нужным заблаговременно сделать распоряжение о приготовлении солонины, прочих съестных припасов, ибо при наступлении летнего времени нельзя уже будет

³⁴⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 47об

³⁵⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 84. Л. 717-717об

³⁵¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 24. Л. 56-56об

³⁵² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 164об

заготавливать по причине, что она от жаров может портиться, в противоположном же случае если ныне сделать заготовление съестных припасов и наконец последует этому отряду перемещение, то запас сей должен остаться излишним, коего забрать с собою будет невозможно»³⁵³.

Непонятно, какие основания были у генерал-майора Берхмана предполагать эвакуацию войск из Геленджикской бухты, ведь в предписании генерала от кавалерии Емануеля ясно указывалась задача занятия Геленджикской бухты и возведения там крепости. Ее снабжение всеми необходимыми запасами должно было осуществляться из Ростова и Таганрога по распоряжениям Симферопольского комиссионерства на вольнонаемных судах. Но из-за отсутствия, как уже отмечалось, в Анапе готовых к найму судов организовать регулярные поставки грузов тотчас не удалось. Вследствие этого командующий Геленджикским отрядом полковник Боровский в апреле 1832 г. доносил, что провианта осталось лишь до 10 мая. Чтобы как-то исправить ситуацию по распоряжению генерал-майора Берхмана из Анапского магазина в Геленджик была доставлена 1 тыс. четвертей провианта, но этого хватило лишь до 15 июля, после чего затем пришлось отправить дополнительно из Анапы еще 500 четвертей муки. Исходя из этого негативного опыта, генерал-майор Берхман просил генерал-лейтенанта Вельяминова «для перевозки в Геленджик провианта ... назначить военные транспортные суда Черноморского флота, так чтобы до равноденствия, то есть 10-го сентября, можно было обеспечить Геленджик провиантом до будущей навигации, в противном случае войска геленджикского отряда могут испытать гибельную крайность, тем более что в Анапском магазине осталось провианта только для местного продовольствия, следовательно подкрепить из оною недостаток в Геленджике будет невозможно»³⁵⁴. Дабы обеспечить доставку в Геленджик заготовленных в Анапе на 1832 г. 13 тыс. четвертей муки и круп, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант барон Розен 8 апреля 1832 г. обратился непосредственно к Главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу Грейгу с просьбой оставить для обслуживания Геленджикского отряда не менее двух транспортов и выделения, в особых случаях по заявке его командующего, дополнительного числа судов³⁵⁵.

В общем, в первое время существования Геленджикского укрепления его защитники зачастую были вынуждены жить впроголодь. Как вспоминал Г.И. Филипсон: «Без сухопутного сообщения гарнизон нередко нуждался в самом необходимом. ... Первым комендантом был полковник Чайковский, от которого я слышал много рассказов об этой тяжелой поре: на первый день

³⁵³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 84. Л. 716-716об

³⁵⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 21-21об, 24

³⁵⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 18. Л. 164-165

Пасхи офицеры всего гарнизона собирались к нему разговляться, и при этом закуска состояла из рюмки водки и нескольких селедок, составлявших неслыханную роскошь»³⁵⁶.

Решить острую проблему снабжения Геленджикского отряда удалось в рамках заключенного 1 августа 1832 г. между армейским и флотским командованием базового соглашения, которое было призвано в целом упорядочить взаимодействие между сухопутными и морскими силами на Черноморском побережье Кавказа. Оно, в частности, гласило:

«На основании его Императорского Величества воли Главный командир Черноморского флота и портов (*адмирал Грейг – А.Г.*) обще с прибывшим по повелению генерал-адъютанта барона Розена Управляющим Имеретиею генерал-майором Вакульским имели разсуждения о мере тех отношений, в которых отряжаемые Черноморским флотом к берегам Абхазским крейсера и транспортные суда могли с ожидаемою пользою содействовать сухопутному начальству, и, приняв в соображение местные обстоятельства, заключили:

1^е) Для крейсерства у Абхазских берегов иметь два отряда военных судов, из которых один бы занимал дистанцию от Анапы до Гагры и другой от Гагры до Редут-кале.

2^е) Каждый из отрядов сих должен состоять в зависимости одного ближайшего старшего местного в том краю сухопутного начальника и исполнять, по возможности, все предписания его, какия имеют быть посылаемы крейсерам через отрядного их командира и какия не влекут за собою нарушение инструкции им по Высочайшему повелению о крейсерстве данной, затем всем прочим местным и частным сухопутным начальникам воспретить располагать самим собою судами, кроме как чрезвычайных и экстренных случаев, да и тогда чтобы начальники те не иначе могли послать куда-либо судно, как если офицер, командующий оным, может сделать без отступления от данной ему инструкции или предписания его отрядного командира.

3^е) В составе каждого помянутого из отрядов признается необходимым определить по крайней мере по одному транспорту для употребления по усмотрению вышеозначенных гг. старших местных начальников.

4^е) Что касается до заведения у берегов Абхазии плоскодонной флотилии для крейсерства и преследования малых лодок до берега, то как сии последние являются всегда почти у таких мест, поблизости коих нельзя иметь нашим плоскодонным лодкам никакого пристанища, и как лодки сии, по мнению морского начальства, не в состоянии держаться в открытом море, а при сильных с оного ветрах могут быть брошены на берег и вместе с экипажем

³⁵⁶ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. Вып. 5-6. С. 252

сделаться жертвою хищного народа, то по сему и признаются для изъясненного употребления неудобными.

И 5^е) По объявлению г. Правителя Имеретии, Абхазский край, кроме произрастающих в оном лесов, не имеет никаких средств к построению сказанной флотилии»³⁵⁷.

27 августа 1832 г. командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Розен проинформировал генерал-лейтенанта Вельяминова об этом соглашении и просил «во всем, касающемся до означенных судов, приказать руководствоваться оным (*актом* – А.Г.) на восточном берегу Черного моря состоящим в заведывании войскам»³⁵⁸. В соответствии с ним для перевозки продовольственных запасов, необходимых для Геленджикского отряда, разрешалось использовать один транспорт, о чем генерал-майор Берхман был извещен 24 сентября 1832 г.³⁵⁹

В свою очередь, трудности природного характера во многом были преодолены путем увеличения числа используемых для поддержки связи и снабжения укреплений Черноморской береговой линии военных транспортов, привлечения к перевозкам грузов вольнонаемных судов, а также использования пароходов, в гораздо меньшей степени чем парусные корабли, зависящих от погодных условий, что позволяло заметно увеличить длительность навигации. Сначала, как пишет Г.И. Филипсон: «У нас (*на Черноморской береговой линии* – А.Г.) был один пароход; в 1839 же году куплено еще в Англии три парохода и пять военных транспортов»³⁶⁰. В 1843 г. за счет экономии казенных средств, выделяемых на провиантское снабжение кавказских войск, в Англии предполагалось закупить еще 4 транспортных судна. В именном указе от 21 октября 1842 г., объявленном командиру Отдельного Кавказского корпуса Военным министром, в связи с этим отмечалось: «Усилив таким образом перевозочные способы Черноморской береговой линии, Его Величество остается в полной уверенности, что мера сия не только послужит к полному и своевременному обеспечению береговых укреплений живым порционним скотом, но значительно облегчит доставку строительных материалов и тем сократит издержки по возведению необходимых сооружений на этой линии и фрактванию вольных судов, которое на будущее время вовсе отменить»³⁶¹. Постепенно этого удалось достичь – в начале 50-х годов XIX в. Черноморскую береговую линию обслуживали уже пять пароходов («Эльбрус» в 260 лошадиных сил, «Могучий», «Молодец» и «Боец» по 136 лошадиных сил

³⁵⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 29-30

³⁵⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 27

³⁵⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 32

³⁶⁰ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883 № 5-6. С. 312

³⁶¹ ПСЗРИ. Т. XVII. № 16113

каждый, «Колхида» в 120 лошадиных сил), одна паровая винтовая шхуна («Аргонавт» в 44 лошадиных силы) и восемь транспортов³⁶².

Вместе с тем, как показала практика, даже пароходы не смогли производить постоянное сообщение с укреплениями, имевшими открытые рейды, «в продолжение всего времени между осенним и весенним равноденствием. В это время ветры редко позволяют пароходам приближаться к берегу, а если они и приблизятся, то надобно еще, чтобы волнение дозволило спустить на море гребное судно, а буруны и прибой дозволили бы им пристать к берегу»³⁶³.

Решением этой проблемы стала организация каботажных перевозок между укреплениями посредством вооруженных азовских лодок, заведенных на Черноморской береговой линии в 1837 г. Хотя их главная задача заключалась в борьбе с турецкими контрабандными кочермами, как пишет современник, «пользуясь несколькими часами попутного ветра или тихую погоду, эти лодки на парусах или на веслах в продолжение всего времени от осеннего до весеннего равноденствия могли переезжать малое пространство между укреплениями»³⁶⁴, перевозя небольшие грузы и(или) воинские команды. По свидетельству флигель-адъютанта полковника Астафьева, одна из таких азовских лодок связывала Геленджик с Новороссийском и Новотроицким укреплением³⁶⁵.

В конечном итоге ежегодную перевозку казенного продовольствия из Феодосии удалось наладить с марта по 1 сентября, т.е. в период максимально благоприятствующий навигации, частью на военных транспортах, частью на зафрактованных вольнонаемных судах, а его хранение – в провиантских сараях³⁶⁶.

Постепенная нормализация ситуации с доставкой грузов в Геленджик оказалась весьма своевременной, ибо для удовлетворения потребностей расположенного там отряда в различных видах довольствия и без того довольно значительных, требовались дополнительные поставки живого скота и спиртного. Это было обязательным, потому что, помимо обычных дач продовольствия, «войскам, находящимся в Анапе, Джимитейском укреплении и вообще по берегу Черного моря, от Фанагории до границ с Турцией», полагалось получать мясную и винную порции. Согласно «Табелю об отпуске в мирное время войскам денег на мясные и винные порции, соль и на улучшение

³⁶² ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1832. Л. 331-341. Опубликовано: «Черноморская береговая линия. 1853-1855 гг. (Подборка документов о боевых действиях в Северной части Черноморской береговой линии в период Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., составленная А. Бабицем» (<https://proza.ru/2016/07/04/1174>)

³⁶³ Архив Раевских. Т. IV. С. 69-70

³⁶⁴ Архив Раевских. Т. IV. С. 69-70

³⁶⁵ Архив Раевских. Т. IV. С. 101

³⁶⁶ Архив Раевских. Т. III. С. 609-610

артелей, и о производстве морской провизии от провиантского управления»³⁶⁷
эти дачи производились в следующих размерах и условиях:

Чины	Мясная порция			Винная порция		
	сколько фунтов в неделю	сколько времени в год	по каким ценам отпускаются деньги вместо порции в натуре	сколько порций в неделю	сколько времени в году	сколько отпускается денег вместо порций в натуре
строевые	1 ¹ / ₂	кроме трех главных постов	по 1 руб. 60 коп. за пуд мяса	3	круглый год	по 8 руб. за ведро
нестроевые	1/2			1		

Общее представление об объемах ежегодно требуемых войскам Геленджикского отряда грузов можно составить из подготовленной полковником Чайковским «Ведомости какое число рогатого скота и какое число пудов разных припасов и продуктов также и материалов полагается к перевозу в Геленджик на будущий 1834 год»³⁶⁸:

	число скота	число пудов
Козловскому полку		
Годовых и амуничных вещей по сроку 1834 г.		850
Медикаментов на 1834 г.		30
Пороху и свинцу для обучения нижних чинов		28
Разных съестных припасов, продуктов и материалов		2281
Рогатого скота	265	
Овец	450	
Нашебургскому полку		
Годовых и амуничных вещей по сроку 1834 г.		900
Медикаментов на 1834 г.		30
Пороху и свинцу для обучения нижних чинов		27
Разных съестных припасов, продуктов и материалов		2050
Рогатого скота	200	
Овец	500	
Команде гарнизонной артиллерии		
Годовых и амуничных вещей по сроку 1834 г.		15
Разных съестных припасов		33
Рогатого скота	4	
Овец	10	
Арестантской № 43 роты		
Годовых и амуничных вещей по сроку 1834 г.		350
Разных съестных припасов		180
Рогатого скота	20	
Овец	100	

Вдобавок к этим казенным поставкам в Геленджик на этот год ожидался еще привоз маркитантами съестных и питейных припасов, продуктов и разных материалов 4500 пудов и 170 голов рогатого скота, а также доставка из

³⁶⁷ Приложение XVIII к Ч. IV Кн. III Свода военных постановлений

³⁶⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 114. Л. 7-7об

Севастополя: капусты 150 больших бочек, свеклы и других овощей общим весом около 6000 пудов³⁶⁹.

Как ни печально, но усиленное продовольствие войск, расположенных в Геленджике, зачастую нивелировалось нерегулярностью его доставки, приводившего к тому, что на солдатском столе было то густо, то пусто. А.А. Бестужев-Марлинский, оказавшийся в укреплении весной 1836 г., жаловался в одном из своих писем: «Дело в том, что здесь нечего есть, в самом точном значении слова. Бить быков, которых очень здесь мало, летом нельзя, портится мясо, а куры дороже чем в Москве невесты. Питаются поневоле солониной, да изредка рыбой; но как последняя в здешнем климате верный проводник лихорадок, есть ее опасно³⁷⁰».

К тому же вскоре выяснилось, что установленные порции из-за удаленности от мест, где можно было бы закупать дешевую провизию, и злоупотреблений со стороны поставщиков являются недостаточными. Посетив с получастным визитом летом 1836 г. Восточный берег Черного моря, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф Воронцов в рапорте императору Николаю I в связи с этим указывал, что «справедливо было бы поддержать их (*гарнизоны береговых укреплений – А.Г.*) физическим сравнением пищи с морскими их собратьями. Умножение расхода по сей части было бы весьма мало значительно, а в сравнении с пользой и по сердцу Вашего Императорского Величества ничтожно»³⁷¹.

Трудно сказать, доводы ли графа Воронцова, или иные резоны, изложенные в представлениях уже непосредственно кавказского начальства, подвигли императора согласиться с этой мерой, но, видимо, уже с середины 1838 г. «войскам, составляющим гарнизоны укреплений: при реке Соче, Св. Духа на мысе Константиновском, Гагры, Александровского, Геленджикского, Новотроицкого на реке Пшаде, Михайловского на реке Булане и Новоалександровского круглый год, а Николаевского и Абинского в течение 7 месяцев с 1 Октября по 1 Мая»³⁷² было дано разрешение на выдачу морской провизии.

Морская провизия на одного человека в месяц состояла из фиксированного набора продуктов, к которому прибавлялось «довольное количество разной зелени, когда только есть случай достать ее, и тогда же вместо соленого мяса дают свежее»³⁷³. Все вместе это составляло на каждого человека в месяц $2\frac{3}{4}$ пуда провизии без посуды, причем унтер-офицерам

³⁶⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 114. Л. 7-7об

³⁷⁰ <http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/letters/letter-82.htm>

³⁷¹ Воронцовский «перипл» Черного моря 1836 г. // Русский архив, 1894. Вып. № 6. С. 221

³⁷² Приложение XVIII к Ч. IV Кн. III Свода военных постановлений

³⁷³ Военный энциклопедический лексикон. СПб, 1856. Том X. С. 623

полагалась полуторная порция. Но ее выдача была строго регламентирована как по дням недели, так и по форме употребления:

	Воскрес.	Понедэл.	Вторг.	Среда.	Четверг.	Пятниц.	Субота.	Мѣсяць въ 28 дней.
Сухарей.	ф. зол. 1 58 ² / ₇	1 58 ² / ₇	1 58 ² / ₇	1 57 ² / ₇	158 ² / ₇	1 58 ² / ₇	158 ² / ₇	45 фунт.
Солоду яч- наго.	—	—	—	—	—	—	—	2 гарца.
Мяса со- ленаго.	1 ф.	60 зол.	60 зол.	—	60 з.	—	60 з.	14 фунт.
Крупь.	¹ / ₂ ф.	¹ / ₂ ф.	¹ / ₂ ф.	60 зол.	¹ / ₂ ф.	60 зол.	¹ / ₂ ф.	15 фунт.
Гороху.	—	—	—	1 ф. 24з.	—	1 ф. 24з.	—	10 —
Масла.	20 ¹ / ₇ з.	20 ¹ / ₇ з.	20 ¹ / ₇ з.	20 ¹ / ₇	20 ¹ / ₇	20 ¹ / ₇	20 ¹ / ₇	6 —
Вина.	1	1	1	1	1	1	1	28 чар.
Соли.	—	—	—	—	—	—	—	1 ¹ / ₂ фунт.
Уксуу.	—	—	—	—	—	—	—	Будепив- ной, то ¹ / ₂ кружки, а буде на манерьрен- скаго, то 4 ¹ / ₈ чарк.
	Кашница съ масомъ.	Кашница съ масомъ.	Кашница съ масомъ.	Горохъ поут- ру, а каша густая въ че- ру.	Кашница съ масомъ.	Горохъ поут- ру а каша густая въ че- ру.	Кашница съ масомъ.	

В целях «доставления своевременно и в случаях внезапных продовольствия для гарнизонов в укреплениях и для действующего отряда войск на восточном берегу Черного моря» в марте 1840 г. в Феодосии был создан постоянный полугодовой запас морской провизии, включающий солод, горох, сухой бульон, зернистый перец, соль, хлебное вино, уксус и овес для лошадей. Остальные продукты, входящие в морскую провизию, а именно, солонину, коровье масло, масло, лук, чеснок и хрен предполагалось заготавливать на месте, а сухари доставлять из Керчи. Этот запас поступал в полное и непосредственное распоряжение начальника Черноморской береговой линии³⁷⁴.

Выдача морской провизии расположенным в Геленджикском укреплении войскам была прекращена именным приказом Провиантскому Департаменту

³⁷⁴ ПСЗРИ. Т. XV. № 13248

Военного министерства с 1 июля 1843 г.³⁷⁵ В ее замен при введении в октябре 1842 г. нового распределения порционного довольствия войскам Отдельного Кавказского корпуса³⁷⁶ гарнизон Геленджика был отнесен к первой категории, в которую были включены воинские части, получавшие прежде морскую провизию. При этом с января 1844 г. вместо существовавшей до этого практики поставок коммерсантами свежего мяса и вина по договорам, заключаемым на 3-х или 5-летний срок, войскам Черноморской береговой линии начали выплачивать деньги из расчета по 16 рублей 66 копеек на человека³⁷⁷.

В принятом в июле 1851 г. Военным советом к руководству, в виде опыта на два года, таблице о порционном довольствии нижних чинов войск и военных управлений относительно Черноморских линейных батальонов сказано, что с 1 января 1852 г. порционное довольствие им производится по особому положению, за исключением нижних чинов, «находящихся в укреплениях: Новотроицком, Тенгинском, Вельяминовском, Лазаревском, Головинском, Навагинском и Святодуховском, в которых четыре месяца в году производится морская провизия»³⁷⁸.

За не потребленную по каким-либо причинам казенную провизию солдаты получали наличные деньги, на которые они могли дополнительно закупать товары и продукты (галеты, мед, табак, вина красное, белое и санторинское, сахар, чай, фрукты, мука, рыба, мясо и пр.) в частных лавках, разрешенных в наиболее крупных прибрежных пунктах. «В 1842 году во всех укреплениях без исключения были уже торговцы и лавки, - отмечает Ф.А. Щербина. В Анапе, Новороссийске и Геленджике тех и других было много. Торговлю вели большею частью турки, греки и армяне»³⁷⁹. В дальнейшем коммерческая торговля на восточном берегу Черного моря все более расширялась: «... стали приходить и частные суда, особливо турецкие кочеры.... Привозимые товары состояли из табаку, кофе, сахару и ситцу, правда, английского изделия. Все это составляло ничтожную сумму пошлин, а давало войскам удобства, которые были не излишни при их тяжелой службе»³⁸⁰. К концу 40-гг. XIX в. прибрежная торговля стала, видимо, настолько бойкой, что в мае 1850 г. правительству пришлось принимать специальное «Положение об акцизах с горячих напитков, ввозимых в пределы Северо-восточного берега Черного моря и о свободной продаже их на сем пространстве, как оптовой, так и раздробительной»³⁸¹.

³⁷⁵ ПСЗРИ. Т. XVII. № 15269

³⁷⁶ ПСЗРИ. Т. XVII. № 16113

³⁷⁷ ПСЗРИ. Т. XIX. № 17532

³⁷⁸ ПСЗРИ. Т. XXVI. № 25441

³⁷⁹ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 32

³⁸⁰ Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив, 1884. Вып. 1-2. С. 352

³⁸¹ ПСЗРИ. Т. XXV. № 24180

В дополнение к поставляемой казенной провизии и закупаемым коммерческим продуктам, во многих укреплениях «для доставления гарнизонам свежей растительной пищи» со временем начали устраиваться огороды, о чем, как указывалось в отношении Военного министра графа Чернышева командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии Головину, «Г[осударь]. И[мператор]. неоднократно уже изволил изъявлять желание»³⁸². Особенно этому способствовал в бытность начальником Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Раевский. «Я первый завел огороды на Береговой линии, я охотник до садоводства и огородничества и хорошо знаю эту часть», - отмечал он одним из своих писем³⁸³.

Приказом по Черноморской береговой линии от 16 декабря 1840 г. № 15 им было строго предписано «выбрав возле каждого укрепления обширное и безопасное пространство земли, которое, кроме того, было бы на низменном месте, возле воды очистить его совершенно от пней, корней и колючки Пространство это разделить на участки для огородов артелям, каждой особо, гг. офицерам и нижним чинам, которые захотят иметь собственные огороды. Огороды эти должны быть так обширны, чтобы произрастаемая на них зелень и огородные овощи не только совершенно удовлетворяли потребностям гарнизона без всякого постороннего подвоза, но чтобы артели могли снабжать за деньги зеленью и овощами морские команды, крейсирующей эскадры и других судов, на Береговой линии обращающихся»³⁸⁴.

В Геленджике огороды были заведены, очевидно, сразу после того как стало ясно, что высадившиеся на берегу бухты войска останутся там надолго. Уже в одном из апрельских рапортов 1833 г. полковником Чайковским упоминается, что «солдаты занимались приготовлением собственных огородов и посевом овощей»³⁸⁵. О результатах этой сугубо мирной деятельности Ф. Дюбуа де Монпере пишет следующее: «Войска в Геленджике развели вокруг крепости прекрасные огороды, которые родят все европейские овощи. Каждая рота имеет собственный огород, который она обрабатывает со всей тщательностью. Капуста, огурцы, лук – это предметы особой любви; верные спутники русского солдата, они всегда сопровождают его во все уголки империи и во все времена года»³⁸⁶. Из расхода нижним воинским чинам в Геленджикском укреплении на 16 июня 1842 г.³⁸⁷ следует, что к этому времени

³⁸² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. С. 486

³⁸³ Архив Раевских. Т. III. С. 611

³⁸⁴ Опубликовано: Архив Раевских. Т. III. С. 587

³⁸⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 75 об

³⁸⁶ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 98

³⁸⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 98. Л. 237об. -239об

в нем было разбито девять огородов: 2 батальонных и 7 ротных, каждый из которых обслуживался по одному человеку.

Согласно § 1183 книги 2 Свода военных постановлений огороды при крепостях и укреплениях должны были располагаться в форштате на расстоянии не менее 50 сажень от гласиса, но в Геленджике, исходя из высокой вероятности внезапного нападения горцев, они располагались гораздо ближе к огневой линии и вдобавок прикрывались блокгаузами.

Уже упомянутым приказом начальникам отделений, воинским начальникам и батальонным командирам также предписывалось завести артельные стада из расчета по четыре барана и двадцати пяти овец на роту, заняться разведением свиней и домашней птицы, в особенности гусей и уток, разводить пчел и высаживать виноград³⁸⁸. Помимо прочего, необходимость заведения живности объяснялась еще и тем, что, как докладывал еще в августе 1837 г. генерал-лейтенанта Вельяминов корпусному командиру: «Опыт нынешнего года показал, что перевозка рогатого скота на наемных судах чрезвычайно неудобно; во-первых, потому, что в них помещается мало; во-вторых, потому, что в случае противных ветров долго остаются в море, отчего скот чрезвычайно изнуряется и худеет, так что не доставляет уже нужного количества мяса»³⁸⁹.

В июне 1842 г. в Черноморском линейном батальоне № 5-го «при батальонных волах и порционном скоте» находились 8 рядовых, «при ротных волах и прочем мелком скоте» - 1 унтер-офицер и 10 рядовых и «при батальонных пчелах» еще 1 рядовой, в Черноморском линейном батальоне № 14-го (затем, № 15-го) «при батальонных волах и порционном скоте» - 8 рядовых. Еще один рядовой военно-рабочей № 18 роты был «при казенном винограде»³⁹⁰.

К началу 50-х годов, судя по приведенному ниже фрагменту «Плана бухты Геленджик или Куплезий по описи подпоручика Трутаева, 1852 г.»³⁹¹, огороды занимали практически все очищенное от леса пространство перед оборонительными верками укрепления, а кошары для содержания скота – довольно большой прибрежный участок с внешней стороны южной фаса. Разная штриховка возделанных участков, по-видимому, должна обозначать либо их принадлежность к тому или иному подразделению, либо различные овощные культуры, произрастаемые на них.

³⁸⁸ Опубликовано: Архив Раевских. Т. III. С. 587-591

³⁸⁹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. С. 363

³⁹⁰ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 98. Л. 237-239об

³⁹¹ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1282

Разумеется, нельзя сказать, что огородничество и животноводство в прибрежных укреплениях развилось в больших масштабах, но все же, несмотря на объективные трудности, определенные успехи в этом отношении были достигнуты, о чем не преминул упомянуть генерал-лейтенант Раевский в своем отзыве на доклад флигель-адъютантов Крузенштерна и Боратынского императору об выявленных при посещении Черноморской береговой линии недостатках³⁹².

Наконец, еще одним средством улучшения питания личного состава стала меновая торговля с горцами³⁹³. После не очень удачного опыта Скасси в 20-х гг. XIX в. за ее налаживание сильно ратовал тот же генерал-лейтенант Раевский, предложивший завести в береговых укреплениях меновые дворы, в первую очередь, для отпуска горцам соли, «которой в горах не было, и выварка ее из морской воды стоила слишком дорого»³⁹⁴, при том, что по мере стеснения

³⁹² Подробнее см.: Архив Раевских. Т. III. С. 611-616

³⁹³ См. подробнее: Федосеева Л.Д. Способы наказания и поощрения горцев в разгар Кавказской войны (<https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-nakazaniya-i-pooschreniya-gortsev-v-razgar-kavkazskoy-voyny/viewer>)

³⁹⁴ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5-6. С. 311

турецкой контрабанды, горцы все более в ней нуждались. Император поддержал эту идею и в январе 1839 г., «желая положить начало торговым отношениям нашим с горскими племенами Кавказа, Высочайше повелеть изволил:

1. Взять из Анапских магазинов нужное количество соли и распределить их по всем укреплениям на Восточном берегу Черного моря, подчиненным генерал-лейтенанту Раевскому, поручив комендантам выменивать эту соль на разные произведения края.

2. Генерал-лейтенанту Раевскому поручить составить особое соображение относительно употребления этих продуктов и пользы, которую из них извлечь возможно будет.

И 3. Отпустить в распоряжение его же генерала Раевского на всякий случай 20 т[ысяч]. р[ублей]. на приобретение различных товаров, наиболее для горцев потребных, исключая однако же, как то само собой разумеется, военные припасы и все материалы, служащие к выделке и приуготовлению оных»³⁹⁵.

Аналогичный запрет на обмен распространялся также на муку и вообще продовольствие³⁹⁶, за исключением лишь некоторых, наиболее обособленных, фортов Черноморской береговой линии, где допускалось для снабжения гарнизонов свежим мясом осуществлять обмен у горцев скота на экономический провиант³⁹⁷.

Наряду со скотом, «произведениями края» являлись привозимые горцами для обмена лес, дрова, дикие плоды, ягоды, птица, мед, воск, сало и кожи, а также кустарные черкесские изделия³⁹⁸, которые, помимо соли, менялись либо на товары (главным образом, бумажные и полуншелковые ткани, сафьян, холст), либо продавались за деньги.

В качестве обменного фонда в Анапе, Новороссийске, Геленджике и укреплении Св. Духа были созданы запасы казенной соли, куда Министерством финансов первоначально отпущено ее 20,0 тыс. пудов³⁹⁹ по сниженной с 50 копеек до 40 копеек ассигнациями⁴⁰⁰ (12 копеек серебром) отпускной ценой за пуд. Эта цена сохранялась до июля 1845 г., когда она была повышена до 20 копеек серебром⁴⁰¹ за пуд. В целях облегчения организации торговли с горцами император разрешил иметь в Геленджике переводчика с жалованьем 300 рублей серебром в год⁴⁰².

³⁹⁵ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 227. Л. 1-1об

³⁹⁶ Архив Раевских. Т. IV. С. 36

³⁹⁷ Архив Раевских. Т. IV. С. 38

³⁹⁸ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 32-33

³⁹⁹ Архив Раевских. Т. III. С. 389

⁴⁰⁰ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 227. Л. 17об

⁴⁰¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. С. 654

⁴⁰² ПСЗРИ. Т. XV. № 13535

О масштабах меновой торговли можно судить, в частности, по «Ведомости о приходе и расходе в укреплениях Черноморской береговой линии казенной соли, предназначенной для меновой торговли с горцами» за 1840 г., согласно которой из поступивших в Геленджик 3150 пудов 35 фунтов поменяно 1786 пудов 28 фунтов, утрачено по разным причинам 25 пудов 8 фунтов, в остатке 1338 пудов 39 фунтов. Выручка за соль составила 714 руб. 68 коп. ассигнациями⁴⁰³.

Как свидетельствуют документы, по разным причинам не всегда и не везде меновая торговля шла одинаково успешно. Особенно навредили ей случившиеся весной 1840 г. нападения горцев на укрепления Черноморской береговой линии, после которых командующий войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-адъютант Граббе предписал вообще ее прекратить. И хотя уже в конце того же года меновая торговля все же была возобновлена, ее ход оставлял желать лучшего. По мнению полковника Астафьева, побывавшего во время инспекционной поездки по Черноморской береговой линии (март 1841 г.) в Геленджике: «Препятствия к полному развитию мены в самой местности: торных дорог для арб нет, а на вьюках по возможности горцы привозят овощи, плоды, мед, воск, сало и пригоняют немного скота; но главная причина в том, что горцы еще не доверяют миролюбивым нашим намерениям ...»⁴⁰⁴. Другими причинами, препятствующими расширению торговых операций, по мнению исправляющего должность начальника Черноморской береговой линии генерал-майора Анрепа, были: в Геленджике и Ново-Троицком недостаток соли, а в укреплениях Тенгинском, Вельяминовском, Лазарева, Головинском и Навагинском - по-прежнему враждебное расположение окрестных горцев⁴⁰⁵.

В целом же, если оценивать продовольственное снабжение геленджикского гарнизона по направляемым вверх отчетам, оно было вполне удовлетворительным. Тот же полковник Астафьев в своем рапорте императору дает следующую оценку увиденному в Геленджике: «Гарнизон довольствуется морскою провизией, припасы которой все отличной доброты, три раза в неделю имеют свежее мясо, добываемое и меною на соль от горцев, и покупкою в Черномории.... Геленджикский гарнизон не может нуждаться в свежем мясе: около укрепления достаточно пастбищных мест, на коих пасется покупаемый скот и, кроме того, майор Дзвонкевич (*воинский начальник Геленджикского укрепления, командир Черноморского линейного батальона № 5-го – А.Г.*) закупает на каждую роту 35 баранов. Прекрасный огород устроен между блокгаузами и, если будет урожай посредственный, гарнизон обеспечен

⁴⁰³ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д.227. Л. 62об-64об

⁴⁰⁴ Архив Раевских. Т. IV. С. 98, 101

⁴⁰⁵ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Т. IX. С. 508

совершенно всего рода овощами ... »⁴⁰⁶. Однако, учитывая царящие в описываемое время в армии злоупотребления⁴⁰⁷ и неизбежное желание приукрасить перед начальством существующее положение вещей, утверждать, что эта информация в полной мере соответствовала действительности было бы, вероятно, опрометчиво.

Завершая обзор расквартирования и продовольственного обеспечения геленджикского гарнизона, можно констатировать, что ключевой проблемой как для него, так и для гарнизонов остальных укреплений Черноморской береговой линии являлось налаживание надежной логистической связи между ними и крымскими и азовскими портами. До того как морское сообщение стало более-менее регулярным, занимавшие прибрежные укрепления войска испытывали острую нужду во всех видах довольствия, строительных материалах и многих прочих вещах, необходимых для обеспечения их жизнедеятельности. И хотя положение с доставкой мало-помалу улучшалось, объемы и номенклатура получаемых ими продовольственных и материальных запасов были ограничены высокой стоимостью их морской доставки и сложностями черноморской навигации. В этой ситуации войскам не оставалось ничего другого как либо приспособливаться к имевшимся условиям, либо дожидаться решения насущных проблем Военным министерством и местным кавказским командованием. При этом, к сожалению, многие даже самые благие начинания начальства наталкивались на обстоятельства непреодолимой или труднопреодолимой силы. Так, устройство капитальных казарм обесценивалось скученностью личного состава, приводившей к распространению болезней, назначение усиленного продовольственного довольствия – нерегулярностью поставок.

Все это усугублялось ограниченностью выделяемых ассигнований, плохой работой бюрократического аппарата, а также процветавшими злоупотреблениями и казнокрадством. В частности, к уже упомянутой пропаже кирпичей в самом начале существования укрепления можно прибавить произошедшее в 1845 г. хищение спирта в Геленджикском провиантском магазине⁴⁰⁸. Да и случившийся в сентябре 1837 г. пожар, по всей видимости, должен был скрыть недостачу в нем казенного имущества, ведь вопреки утверждению Ф.А. Щербины о том, что он был вызван орудийным салютом по случаю прибытия императора, как выявило продолжавшееся несколько лет следствие, «всеми обстоятельствами дела доказывается, что пожар последовал

⁴⁰⁶ Архив Раевских. Т. IV. С. 98, 101

⁴⁰⁷ См.: В.Д.К. Пять месяцев в полку. Выдержки из дневника // Быт русской армии XVIII – начала XX века. Автор-составитель С.В. Карпущенко. М.: Воениздат, 1999. С. 228-255

⁴⁰⁸ См.: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. ДД. 578, 723

не от непредвиденной и случайной причины, а от злоумышленного поджигательства»⁴⁰⁹.

К этим характерным для армии николаевской эпохи проблемам в отношении Геленджика можно присовокупить также сохранявшуюся до 1838 г. неопределенность с местом окончательного расположения укрепления в Геленджикской бухте и отсутствием, за исключением песка и глины, местных строительных материалов. В совокупности эти обстоятельства и обуславливали «безотрадное и стеснительное положение», в котором находились почти все время своего существования укрепления Черноморской береговой линии⁴¹⁰, службу в которых новороссийский генерал-губернатор граф Воронцов в своем письме Николаю I совершенно справедливо охарактеризовал как «необходимую Империи, но, конечно, весьма тяжелую ...»⁴¹¹.

⁴⁰⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 1222. Л. 82-83

⁴¹⁰ Васильев Евгений. Черноморская береговая линия 1834-1855 гг. (из Кавказской войны) // Военный сборник. 1874, № 9 (сентябрь). Л. 10

⁴¹¹ Воронцовский «перипл» Черного моря 1836 г. // Русский архив, 1894. Вып. № 6. С. 221

Глава 4. Рутинa жизни и обыденность смерти

(готовится к публикации)

Глава 5. Успешное начало и достойный финал

Иногда случается, что неприятель ... в близости с войском своим обретается, в намерении знатное что предпринять ... или место внезапно напасть, и взять: при таком случае ... надлежит тогда войско свое, или некоторые полки по разным местам под кровлею поставить, ежели никоим образом более в поле стоять невозможно будет, таковым образом разложить, чтоб оные при первой тревоге немедленно случится, и неприятелю сопротивление чинить могли.

Устав воинский. 1716 г. Глава 46, § 2

Как уже отмечалось в первой главе, первоначальными целями захвата Геленджикской бухты согласно утвержденному императором Николаем I плану было воспрепятствование ее использования горцами для товарообмена вообще, и получения от турок средств вооруженной борьбы в частности, а также создание в ней крепости, призванной завершить предполагаемую к устройству кордонную линию от Ольгинского тет-де-пона на Кубани до побережья Черного моря. Естественно, первым шагом к исполнению монаршей воли должно было стать установление непосредственного военного контроля над этим стратегическим пунктом. Поскольку и Ф.А. Щербина⁴¹², и Ф. Дюбуа де Монпере⁴¹³ приводят лишь самое общее описание высадки, что ведет к самым разным домыслам о том, как она происходила на самом деле, будет уместным поместить здесь фрагмент из рапорта Флотского в Севастополе начальника вице-адмирала Патаниоти 1-го от 9 сентября 1831 г. Главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу Грейгу, дающий довольно полное представление об этой десантной операции.

«Командир отряда судов Абхазской экспедиции Флота капитан 2го ранга Немтинов в дополнение рапорта своего, изъясненного в представлении моем Вашему Высокопревосходительству от 12го числа минувшего августа за № 6344^М, донес мне, что 21го июня по взятии на бакштов десантную лодку, отправился он из Сухума на шлюпе «Диана» для соединения с Анапским отрядом. Противные ветра днем и штили ночью задерживали его в плавании до 5го июля, в которое он прибыл в Суджукскую бухту, где застал стоящими на якоре фрегаты: «Тенедос», «Эривань», бриги: «Меркурий», «Кастор» и «Пегас», катер «Жаворонок», канонерские лодки «Барсук» и «Безпокойная»,

⁴¹² Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 11-12

⁴¹³ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 95

транспорт «Сухум-Кале» и пароход «Молния», которые он, Г. капитан Немтинов, принял в командование свое от капитана 2го ранга Тугаринова.

Суда сии находились в сей бухте в ожидании прибытия войск в Анапу с разрешения генерал-майора Берхмана 1го по случаю потери якорей некоторыми из судов на открытом Анапском рейде. Для усиления отряда он присоединил к оному бриг «Ганимед», крейсировавший у сих берегов. 9го июля на прибывшем в Суджук-Кале призовом судне № 13 он получил уведомление от анапского коменданта господина генерал-майора Вышеславцова от 6го июля № 1628, что войска, назначенные для занятия Геленджика, к 12^{му} июлю придут в Анапу, вследствие чего, оставив в Суджукке бриг «Меркурий», потерявший руль, пароход «Молния» за неимением дров и обе канонерские лодки, с остальными судами порученного ему отряда снялся с якоря 10го июля в 10^{ти} часов пополудни и через 20^{ти} часов прибыл на Анапский рейд, где 16го июля присоединился к отряду транспорт «Александр», привезший из Севастополя материалы. 2^я бригада 20^й пехотной дивизии с принадлежащей ей артиллерию под командою Г. генерал-майора Берхмана 1го прибыла в Анапу 14го июля и расположилась лагерем пред крепости, где оставалась до 20го числа в ожидании сухопутного транспорта с шанцевыми и инженерными инструментами, с прибытием которого войска, артиллерия, принадлежащие к ней зарядные ящики и лошади, также для отряда провиант и продовольственный скот размещены на суда 21го июля и на другой день в 4 часа утра вступил под паруса для следования в Геленджик, отправя семнадцатью часами прежде в Суджук-Кале бриг «Кастор» для доставления руля на бриг «Меркурий» с предписанием командиру оного прибыть в Геленджик с канонерскими лодками и пароходом. 23го июля в час пополудни Г. капитан 2го ранга Немтинов с порученным отрядом прибыл в Геленджикскую бухту, где застал стоящими на якоре бриг «Кастор» и канонерские лодки, а к вечеру прибыли бриг «Меркурий» и пароход «Молния».

По первоначальном осмотре берегов бухты Г. генерал-майор Берхман предположил на другой день высадить войска на северную сторону, где место казалось самым удобным для построения крепости на отлогом и открытом месте. Соображаясь с сим предположением, он приказал командирам шлюпа «Диана», бригов «Кастор», «Пегас» и «Ганимед» и обеих канонерских лодок занять места, назначенные им в диспозиции для обстреливания берега и прикрытия десанта, что и было ими исполнено к рассвету. Но сильный ветер и большая зыбь воспрепятствовали в тот день произвести высадку. 25го июля в 7^{ми} часов утра разместя на все гребные суда и пароход первую колонну, состоящую из одного полка с четырьмя орудиями и принадлежащими к ним зарядными ящиками, под прикрытием морской артиллерии высадили на берег без всякого препятствия, невзирая, что неприятель показывался на высотах

отдельными партиями. Вторая колонна поспела вслед за первой через полчаса. Осматриваемое место найдено Его Превосходительством удобным для построения крепости, но как воды для питья годной не оказалось, хотя и найдено болото, поросшее камышом, но очищать оное признано им не надежным, а рыть колодцы при каменистом грунте и других самонужнейших работах неуместным. Почему и решились в тот же день возвратиться на суда, дабы в случае увеличения неприятеля, не пристававшего показываться малыми партиями на высотах, не потерять напрасно людей. Обойти же всю бухту сухим путем было весьма затруднительно по свойству дороги, неудобной для артиллерии и необходимости проходить кустарником и местами закрытыми. К шести часам вечера весь десант был забран на суда в том же порядке без всякой потери с нашей стороны.

26го июля было проведено в переговорах и предположено на другой день высадить войска на южную сторону бухты. Расположа на картечный выстрел от берега все суда порученного ему отряда, с рассветом 27го числа посадили на пароход один батальон, а другой и четыре орудия с зарядными ящиками на гребные суда, которые соединились у брига «Пегас», откуда в 6^{ти} часов двинулись к берегу. Через четверть часа высадили остальные два батальона с четырьмя орудиями и вслед за сим сводный батальон матросов из 500 человек при надлежащем числе офицеров под командою капитан-лейтенанта Панютина, сформированный капитаном 2го ранга Немтиновым с судов по приказанию Его Превосходительства генерал-майора Берхмана.

При вступлении войск наших на берег неприятель открыл огонь и старался обойти левый фланг в значительных силах, пробираясь по прибрежным кустарникам. Но скопища сии были рассеяны удачным действием нашей судовой артиллерии и перестрелка с обеих сторон прекратилась. При сем ранен один рядовой Козловского пехотного полка. Южная часть берега оказалась также неудобною для построения крепости, почему в тот же день сделали рекогносцировку на восточную сторону бухты, где и нашли место, совершенно соответствующее цели, и 28го числа войска наши перешли на избранное место. При сем неприятель открыл довольно сильную перестрелку, в которой ранен один рядовой Нашебургского пехотного полка и несколько человек оконтужены. Потери же неприятельской верно определить нельзя, но видны были убитые и раненые, которых тела немедленно подбирались. По лесистому местоположению невозможно определить, как велики были силы неприятеля, удерживающегося от решительного нападения на войска наши при грозном виде судов, расположенных в самом близком расстоянии от берега, и испытав накануне гибельные для них действия нашей артиллерии, [противник] ограничивался нападениями одной партии, состоящей до трехсот человек, которая быстрыми движениями наших стрелков, подкрепляемых колоннами и

сильным огнем с судов, была рассеяна и обращена далее в лес⁴¹⁴. И там, где предположено построить крепость, воздвигнут Крепостной Российский флаг, с должною при том церемонией.

При сем обязанностию счел присовокупить следующее. К 6^{ти} часам вечера 27 июля присоединился к отряду катер «Сокол», прибывший из Сухума на смену брига «Ганимед». Сводный батальон во время бытности их в Геленджике находился на берегу, содействуя войскам нашим, как в отражении неприятеля, так и в успешном производстве работ для укрепления лагеря. Высадка войск на берег произведена столь быстро и в таком устройстве, что вторые колонны через четверть часа следуя за первыми, всегда имели возможность подкреплять их в случае сильного напора неприятеля в больших силах. Сим действием он, Г. Немтинов, вполне обязан Г. капитану 2го ранга Тугаринову, командовавшему в оба раза высадкой десанта, который при сих случаях оказал примерное усердие к пользе службы и благоразумие в распоряжениях...»⁴¹⁵.

К этому можно лишь добавить, что «Крепостной Российский флаг» был воздвигнут в соответствии с Уставом военного флота⁴¹⁶ и указом императора Павла I от июля 1799 г.⁴¹⁷ для четкой идентификации расположения российских войск, а также принуждения проплывающих мимо укрепления кораблей в соответствии с морским этикетом поднимать свой флаг, «по которому можно судить какого оно роду и какой нации принадлежит, чтобы в случае нужды взять необходимые меры»⁴¹⁸.

С момента высадки в Геленджикской бухте и устройства в ней сначала укрепленного лагеря, а затем и полноценного укрепления русские войска оказались в блокаде, причем со стороны суши она была полной. По свидетельству Г.И. Филипсона, любой посланный из Геленджика батальон «был бы истреблен никак не далее следующего дня по выходе»⁴¹⁹. Все предпринятые в середине 30-х годов XIX в. попытки устройства надежного сухопутного сообщения между рекой Кубанью и Черным морем посредством создания так называемой Геленджикской кордонной линии закончились

⁴¹⁴ Как пишет Ф. Дюбуа де Монпере, при повторной перестрелке горцы засели в одном из складов, построенных несколько лет до этого Скасси, и именно он подвергся главной атаке и сосредоточенному обстрелу корабельной артиллерии.

⁴¹⁵ РГАВМФ. Ф.243. Оп. 1. Д. 2615. Л. 301-308. Примечательно, что в числе судов, принимавших участие в захвате Геленджика, был и прославленный бриг «Меркурий». Это в очередной раз свидетельствует о неточности размещаемой Википедии информации, утверждающей, в частности, что «получив сильные повреждения, «Меркурий» не принимал участия в дальнейших военных походах 1830-1831 годов» ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Меркурий_\(бриг,_1820\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Меркурий_(бриг,_1820)))

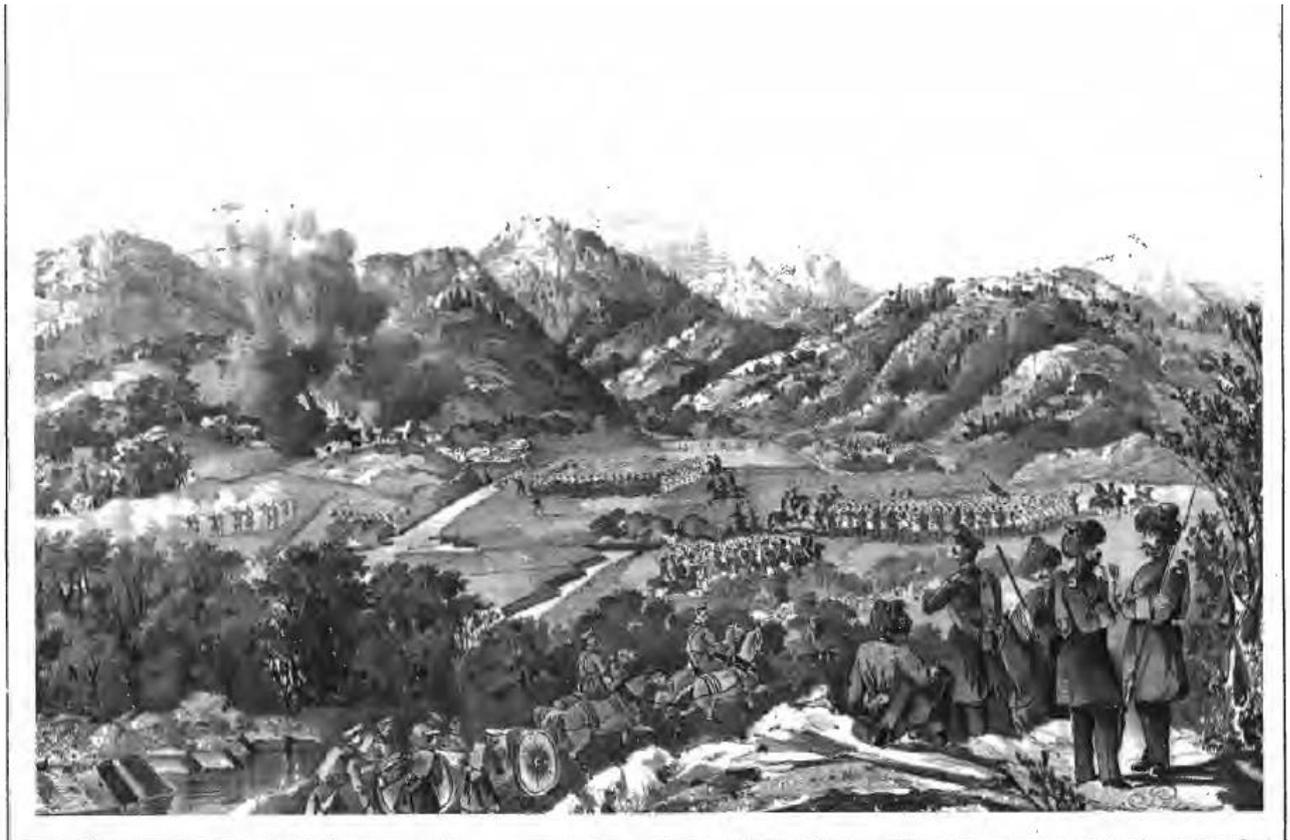
⁴¹⁶ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXIV. № 17833

⁴¹⁷ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXV. № 19068

⁴¹⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 24. Л. 3-3об

⁴¹⁹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883, № 5-6. С. 242

безрезультатно⁴²⁰ и единственно позволили несколько раз пробиться к укреплению. О том, что все такие походы проходили в тяжелых условиях, стоили многих трудов и жертв пишет Г.И. Филипсон: «Но в первый год тут были жаркие дела: одна местность на наших картах названа Гвардейскую поляной, потому что тут в 1835 г. было убито и ранено несколько гвардейских офицеров»⁴²¹. Этот боевой эпизод, в действительности произошедший в 1834 г. во время первой экспедиции к Геленджикю, изображен на рисунке, помещенном в вышедшем в 1858 г. сборнике «Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе»⁴²².

Изд. Г. Пелковича Познань.

Илл. Я. Кордаля

ГВАРДѢЙСКАЯ ПОЛЯНА
ПО РѢКѢ АБИНУ ПЕРЕДЪ АУЛОМЪ БѢЛАНЪ - ХЛЕБЪ.
(ДѢЛО ГЕНЕРАЛЪ ЛЕЙТЕНАНТА ВЕЛЬЯМИНОВА Окм. 1834 Года.)

Описывать все эти походы в настоящей работе нет необходимости, так как, во-первых, это не относится непосредственно к ее теме, а, во-вторых, потому что по каждой из них имеются довольно многочисленные источники,

⁴²⁰ Подробнее см.: Жупанин С.О. Геленджикская кордонная линия. К истории планирования и создания // Научное наследие Ф.А. Щербины: казачество и история Кавказа. Сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 62-78; Соловьева Н.Т. Военные экспедиции с Кубани к Геленджикю 1834-1837 гг. pdf (gelmusey.ru)

⁴²¹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883, № 5-6. С. 241

⁴²² Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе». СПб, 1858. Вып. №№ 19-22 (<https://runivers.ru/bookreader/book406286/#page/34/mode/1up>)

включая опубликованные нарративные⁴²³. Достаточным будет лишь заметить, что русское командование, в конечном счете убедившись в бесперспективности дальнейших попыток связать Геленджик с Кавказской линией сухопутным путем, отказалось от проведения подобных крупных военных операций.

Ослабить блокаду удалось лишь после основания в 1836 г. и 1838 г. укреплений в Суджук-кальской бухте и возведения в 1839 г. форта Раевский, давшие возможность обеспечить прокладку и более-менее стабильное функционирование пригодной для гужевого транспорта дороги, соединяющей Анапу, Новороссийск и Геленджик. Пожалуй, первым, кто прошел по ней, был начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Серебряков. В октябре 1841 г. возглавляемый им сводный отряд из 360 рядовых, двух горных единорогов и 40 казаков, выйдя из Новороссийска, в течение одного дня без сопротивления со стороны черкесов дошел по нижней части Осмнадцатигория до Геленджикского укрепления и после непродолжительного отдыха в нем вернулся обратно⁴²⁴. Помимо непосредственно военных целей эта дорога стала использоваться также для перегона в Геленджик порционного скота, закупаемого в Черномории.

Высадившиеся в Геленджикской бухте войска одновременно с укреплением лагеря приняли также необходимые меры и к обеспечению его защиты. Строилась она в соответствии с действующими в то время правилами и положениями, которые с учетом местной кавказской специфики и накопленного здесь опыта затем легли в основу разработанного «Наставления для командующих войсками во всех укрепленных постах и вообще в отдельных укреплениях в кругу войск Отдельного Кавказского корпуса находящихся»⁴²⁵, вышедшего за подписью корпусного командира генерал-адъютанта барона Розена. Несмотря на некоторую замысловатость манеры изложения, обусловленной стилем написания подобных документов в первой половине XIX в., тем не менее, представляется небесполезным поместить его в настоящей работе как яркую иллюстрацию представлений кавказского командования о действенных способах организации обороны и отражения нападения горцев:

⁴²³ В частности, экспедиция 1834 г., впервые проложившая путь от Ольгинского тет-де-пона до Геленджикской бухты, отражена, пусть и в несколько романтическом ключе, в «Письме из отряда, действующего за Кубанью» А.А. Бестужева (Марлинского) (Русский архив, 1877, № 9. С. 106-109); экспедиции 1835 г. и 1836 г. – в «Походных записках на Кавказе с 1835 по 1842 год» М.Ф. Федорова (Кавказский сборник. Т. III, 1879 (<http://adjutant.ru>)); экспедиция 1837 г. – опять же у М.Ф. Федорова, а также у Э.В. Бриммера (Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-ом кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник, т. 17, 1894, глава XV), в воспоминаниях Г.И. Филипсона (Русский архив. 1883, № 5-6) и «Н.М.» (Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Том 67. № 266. 1847), а также в дневнике Н.В. Симановского (Дневник. 2 апреля - 3 октября 1837 г., Кавказ // «Звезда», 1999, № 9. (<http://militera.lib.ru/db/simanovsky/index.html>))

⁴²⁴ 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Том 14. 1890. С. 333

⁴²⁵ РГВИА. Ф.13454. Оп. 6. Д. 119. Л. 1-2об. К сожалению, дата подписания на документе отсутствует

Назначение для командующих войсками во всех укрепленных пунктах и вообще отдельных укреплениях в кругу войск Кавказского Отдельного Корпуса находящихся.

Командующий войском в отдельном укреплении, принимает строгие меры для сохранения сего укрепления в совершенной целости— Он никуда не позволит солдатам ходить через бруствер и ров, и прокладывая через оные пропунки, отъ чего укрѣпленіе скоро вышло бы изъ оборонительнаго состоянія. Для удержанія солдатъ отъ сего вреднаго и слишкомъ обыкновеннаго злоупотребленія, онъ отдаетъ распределеннымъ по брустверу часовымъ нужные на то приказанія. Подобнымъ образомъ, онъ беретъ меры, для сохраненія тишины внутри и вокругъ укрѣпленія, дабы отъ несоблюденія сего не оставалось оно мѣстопробываніемъ нестерпимымъ для жилья и здоровья людей.

Объявившіяся крутости бруствера и рва и повредившіеся банкеты онъ приказываетъ починять немедленно, употребляя на то людей изъ гарнизона и имѣя для того въ укрѣпленіи около 20 лошадей, 10 хирокъ и 5 топоровъ въ запасъ, ибо исправляя всѣ поврежденія заблаговременно и присамомъ ихъ началѣ, можно поддерживать укрѣпленіе въ оборонительномъ состояніи безъ большихъ усилій и издержекъ; напротивъ же того, давая имъ время увеличиться, оны потребуютъ большой работы и лишнихъ издержекъ, при томъ же должно всегда имѣть въ виду, что всякая неисправность укрѣпленія можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія для гарнизона, во время непріятельскаго нападенія. При встрѣчающейся надобности въ подобныхъ починкахъ, должно воздержаніе отъ всякихъ перемѣнъ профилей, какъ сіе часто дѣлаютъ, стараюсь только прикрытія солдатъ лишнюю высоту и даже заслонами посредствомъ брустверъ на хоронѣ бруствера, чрезъ что укрѣпленіе приводить въ состояніе неспособное къ оборонѣ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

У каждаго выхода должимъ быть устройены барьерныя ворота или вмѣсто оныхъ по двѣ рогатки, занимающія всю ширину выхода, когда ихъ запрутъ. Передъ выходомъ для перехода чрезъ ровъ, непременно должно имѣть деревянный мостъ, который въ случаѣ нападенія легко можно снести, земляныя же перешейки у выходахъ вмѣсто мостовъ вовсе нецѣлесообразны, въ осмаленныхъ собственной обороно укрѣпленіяхъ. Во кругу укрѣпленія нужно рачительно употреблять бурляи и кушарники и вообще все заслоняющія предметы и вырывать по возможности мѣстности на расстояніи 200 или 300 сажень; если же въ очищеніи эксклавы на такую дистанцію встрѣтятся какія либо препятствія, то стараться привести мѣру сію въ исполненіе, хотя на крайчайшее расстояніе.

Когда въ укрѣпленіи имѣется достаточное число орудій, для занятія всѣхъ мѣстъ, гдѣ они съ удобствомъ могутъ дѣйствовать, то большаго калибра помѣщать наисходящихъ углахъ и фасахъ мале на флангахъ, а единороги преимущественно тамъ, гдѣ мѣстность предъ укрѣпленіемъ неровна и заслонена. Когда нѣтъ достаточно орудій для занятія впо же время всѣхъ барбетъ и амбразуръ, то ночью орудія свозить отъ исходящихъ угловъ и спановить ихъ за амбразурами фланковъ, гдѣ дѣйствіе ихъ надежнѣе. Должно также наблюдать, чтобы амбразуры барбетовъ и платформы были въ надлежащей цѣлости, а въ случаѣ, что они отъ времени или употребленія испорчены, то заславивъ артиллерійство немедленно ихъ исправить имѣя при томъ въ виду, чтобы выстрѣлъ по верху бруствера или чрезъ амбразуры не встрѣтилъ никакого препятствія. Пороховыя и зарядныя магазины располагать иначе, какъ внутри укрѣпленія, на сухихъ и скрытыхъ мѣстахъ и не вблизи шапкахъ стрѣлочной, которыхъ легко могутъ сгорѣть, какъ наприм. кузница и кухня.

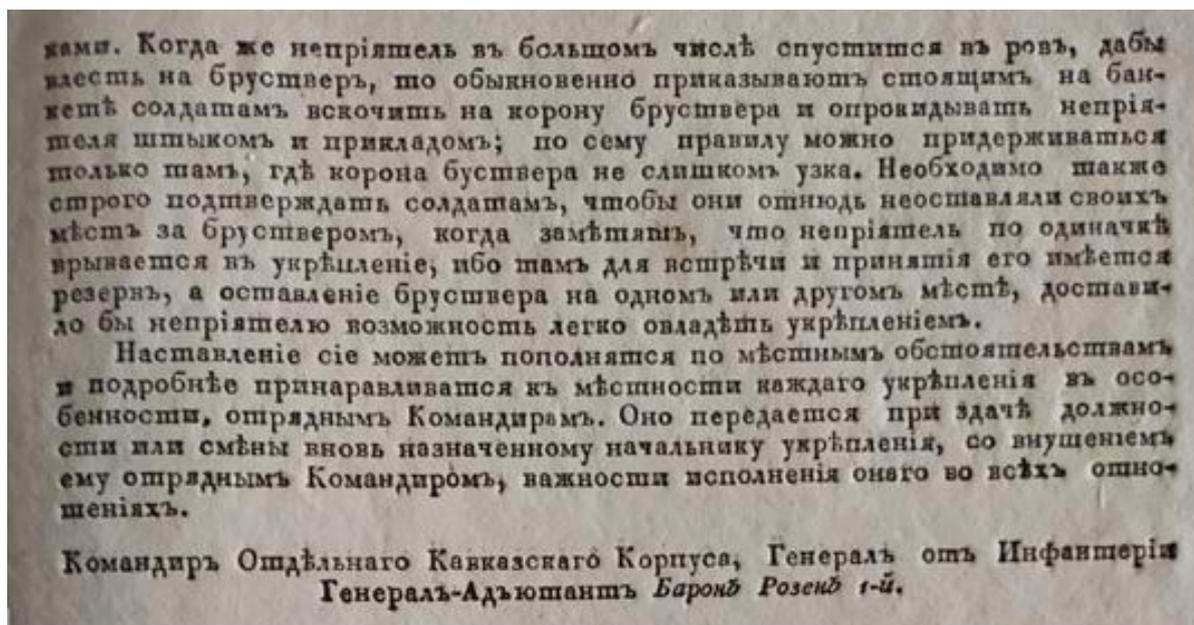
Когда по полученнымъ извѣстіямъ о приближеніи непріятеля, или по не безопасному положенію укрѣпленія въ непріятельской землѣ или на границѣ, можно ожидать во всякое время появленіе непріятеля предъ онымъ, то въ дополненіе принятыхъ мѣръ Начальствомъ мѣръ, для обезпеченія укрѣпленія отъ нечаяннаго нападенія, командующій въ ономъ (а), долженъ выслать часовыхъ на исходящихъ углахъ по брустверу, а ночью и во время шума даже передъ гласнымъ и на дорогахъ идущихъ къ

Г). Цѣлесообразность и удобность сунукъ самымъ необходимымъ свойствомъ Командующаго въ укрѣпленіи. Онъ долженъ всегда имѣть въ виду, что въ случаѣ нападенія употребить все возможное хитрости, для скрываетія своихъ намѣреній, и будешь стараться тщательно навести въ непригодней гарнизонъ.— Военная Исторія всѣхъ вѣковъ доказываетъ, что почти все владѣніе Австріею въ непріятельскія руки укрѣпленія были вѣданы отъ того, что Командующій

укреплению. Сверхъ сего въ семь послѣднемъ случаѣ, все выходы изъ укрѣпленія должны быть заперты и снято половинное число досокъ съ моста. Ключъ стѣ барьерныхъ воротъ сохраняется у караульнаго Офицера или у самаго Коменданта. Часовымъ ни подъ какимъ видомъ не должно позволять и даже неоставлять имъ возможности впускать кого либо ночью въ укрѣпленіе: о приходящихъ изъ воротамъ, они обязаны давать знать караульному Унтеръ-офицеру, неупуская ни малѣйшаго времени. Если оцѣнка непріятеля можно ожидать решительной атаки и въ укрѣпленіи не имѣется достаточно войскъ для обороны наружныхъ укрѣпленій устраивающихся обыкновенно для безопасности транспортовъ и проѣжающихъ, то лучше ограничиться обороною одного главнаго укрѣпленія или редута, имѣя за наружными укрѣпленіемъ стрѣлковъ и легкую Артиллерию, которые при решительномъ и сильномъ нашествіи непріятеля, отступаютъ въ главное укрѣпленіе.

Когда непріятель находится въ близи укрѣпленія, то гарнизонъ оного должно раздѣлить на три части, изъ коихъ одна подъ ружьемъ стоитъ у бруствера, другая бивакируетъ при огняхъ, а третья отдыхаетъ въ строенияхъ или землянкахъ. Но какъ скоро непріятель идетъ къ атакѣ, то весь гарнизонъ становится въ удобный для обороны укрѣпленія боевой порядокъ. Для сего Командующій заблаговременно долженъ предпринять некоторыя рѣшенія, пока онъ удостоверился, что Офицеры и нижніе чины занимаютъ приличныя имъ мѣста скоро и безъ малѣйшаго замѣшательства, ибо безъ сего предосторожности во время нечаянной атаки, часто случаются безпорядокъ и вредныя недоразумѣнія.

Хотя противъ непріятеля, отъ котораго можно ожидать искусственной и поддерживаемой артиллеріею атаки, полагаютъ нужнымъ занимать всю линію огня двумя полными штыками, оставая покрайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ цѣлаго гарнизона въ резервѣ; но обстоятельства не всегда позволяютъ имѣть полный гарнизонъ въ укрѣпленіи, равно и хорошее состояніе и вооруженіе укрѣпленія артиллеріею, и даже недостатокъ въ средствахъ со стороны непріятеля, позволяютъ иногда убавленіе числа защитниковъ. По сему Командующій наиболее долженъ руководствоваться слѣдующимъ правиломъ: опичивая около пятой или шестой части гарнизона для резерва, распредѣлять остальное людей по банкету такимъ образомъ, чтобы на флангахъ (гдѣ штыковъ есть) и въ исходящихъ углахъ, люди стояли несколько гуще примѣрно по 2 или по 3 человека на сажени, а ближе къ средней линіи рѣже, по одному человеку на сажени. Резервъ составляетъ въ серединѣ укрѣпленія на скрытомъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ мѣстѣ подъ начальствомъ надежнаго Офицера. Изъ оного отряжаются по мѣрѣ надобности люди для подкрѣпленія атакованныхъ пунктовъ. Каждый выходъ поручается наблюдать одному Унтеръ-офицеру съ 10-ю или болѣе человекъ, а каждую амбразуру 2 или 3-мъ изъ ближайшихъ стрѣлковъ или артиллерійстовъ, для принятія штурмующаго непріятеля холоднымъ ружьемъ. Если непріятель начинается перестрѣлку весьма дальняго расстоянія или изъ заслоненнымъ мѣстъ, въ которыхъ онъ не выходитъ, что для гарнизона не опасно, да и гарнизонъ не можетъ на него сдѣлать ему большаго вреда огнестрѣльнымъ оружіемъ, то въ такомъ случаѣ и не нужно открывать противъ него сильнаго огня, а достаточно отъ времени до времени бросать гранаты и заставляя лучшихъ стрѣлковъ удерживать его въ отдаленіи, наблюдая при томъ его движенія, между тѣмъ, какъ другія остаются у подошвы банкета. Но когда непріятель уже открылъ перестрѣлку и артиллерійской огонь, направая выстрѣлы показывая. Въ ночное время и днемъ, если непріятельскія стрѣлки весьма близко подходятъ на близкое рѣзкое видѣніе къ укрѣпленію, артиллерійскія орудія скоро могутъ быть перебиты, а ночью нельзя прицѣливать фланги для обстрѣливанія въ доль конгръ-эскарпа и рва гдѣ дѣйствіе фланги, для непрерывнаго дѣйствія имѣть неменѣе двухъ орудій на каждомъ укрѣпленіи, но такъ, какъ въ...

Как следует из этого документа, в каждом укреплении должна была иметься своя собственная (частная) инструкция по организации обороны на случай нападения противника. Косвенно установлено, что таковую в отношении Геленджикского укрепления разработал его первый комендант полковник Чайковский, но обнаружить ее или более поздние диспозиции среди архивных документов не удалось. Лишь в уже упомянутом в первой главе описании Геленджикского укрепления инженер-подполковника Постельса 1841 г. сохранился составленный им расчет необходимого числа войск:

«Для защиты укрепления потребно:

человек

На занятие пяти бастионов, полагая на каждую погонную сажень линии огня по два человека,		
Для 1 ^{го} бастиона	50	
Для 2 ^{го} бастиона	86	
Для 3 ^{го} бастиона	84	356
Для 4 ^{го} бастиона	66	
Для 5 ^{го} бастиона	70	
На занятие куртин для наблюдения за неприятелем, полагая на пять погонных сажень линии огня по одному человеку, всего		70
На занятие берега моря при обоих прибрежных бастионах		20
На занятие двух ворот		20
Для пожарной команды		15

Для резерва на площади укрепления		120
На занятие пяти блокгаузов,		
а) в галереях, имея штыки при подсумках, для каждого 20 человек, а для пяти	100	125
б) на платформах для действия ручными гранатами, для каждого 5 человек, а для пяти	25	
	Всего	726

Сверх того артиллеристов по числу орудий и для управления азовскую лодкою потребное число казаков»⁴²⁶.

Наличие подобного документа было ненапрасной мерой предосторожности. Ф.А. Щербина отмечает, что практически с самого момента высадки в Геленджике черкесы непрерывно тревожили русские войска. Правда, за исключением приведенного им описания боестолкновения 19 октября 1831 г.⁴²⁷, в остальных случаях горцы ограничивались лишь ружейным огнем.

Видимо, случаев применения гарнизоном Геленджикского укрепления диспозиции на случай прямой атаки за весь период его существования оказалось всего два. Первый раз – 4 мая 1840 г., когда «в 4 часу по полуночи горцы сделали нападение на укрепление, но гарнизоном оно было отражены без всякой потери для войск»⁴²⁸. Странно, но каких-либо подробностей этого события выявить в документах РГВИА не удалось. Возможно, их следует искать в фонде канцелярии начальника Черноморской береговой линии.

Другая аналогичная попытка произошла только уже перед самым началом Крымской (Восточной) войны. В рапорте начальника Черноморской береговой линии от 3 августа 1853 г. об этом событии повествуется следующее: «19-го июля вся местность впереди этого (Геленджикского – А.Г.) укрепления усеялась большими толпами пеших и конных. Дерзость горцев до того возросла, что партия силою около 100 человек, понеслась к форштадту укрепления и несколько отважных наездников успела доскакать до ворот, не обращая внимания на артиллерийский огонь. Они дорого поплатились за эту дерзость, были опрокинуты и преследуемы резервом, вышедшим из ворот им навстречу. Между тем, две другие партии скакали по направлению к другим двум фронтам укрепления. Для охранения от них порционного скота,

⁴²⁶ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 2322. Л. 60об-61

⁴²⁷ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 14. Подлинник рапорта: РГВИА. Ф. 14354. Оп. 6. Д. 50. Л. 689-689об, 704

⁴²⁸ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 3568. Л. 32об

пасшегося на берегу моря, воинский начальник, полковник Маслович, выслал в подкрепление к прикрытию одну роту со сводно-учебную командой и 4 азовские баркаса, которые выстроились вдоль берега. Обе партии были допущены к передовым блокадам укрепления на картечный выстрел и встречены сильным огнем, от которого пришли в беспорядок и с большой потерей обратились в бегство. До полудня гарнизон оставался в готовности для отражения неприятеля, который, по-видимому, имел какое-то решительное намерение. После полудня толпы начали редеть и к 3-м часам совершенно скрылись. Посланная для осмотра ближайших балок колонна из 300 человек с одним горным орудием не нашла уже никого»⁴²⁹.

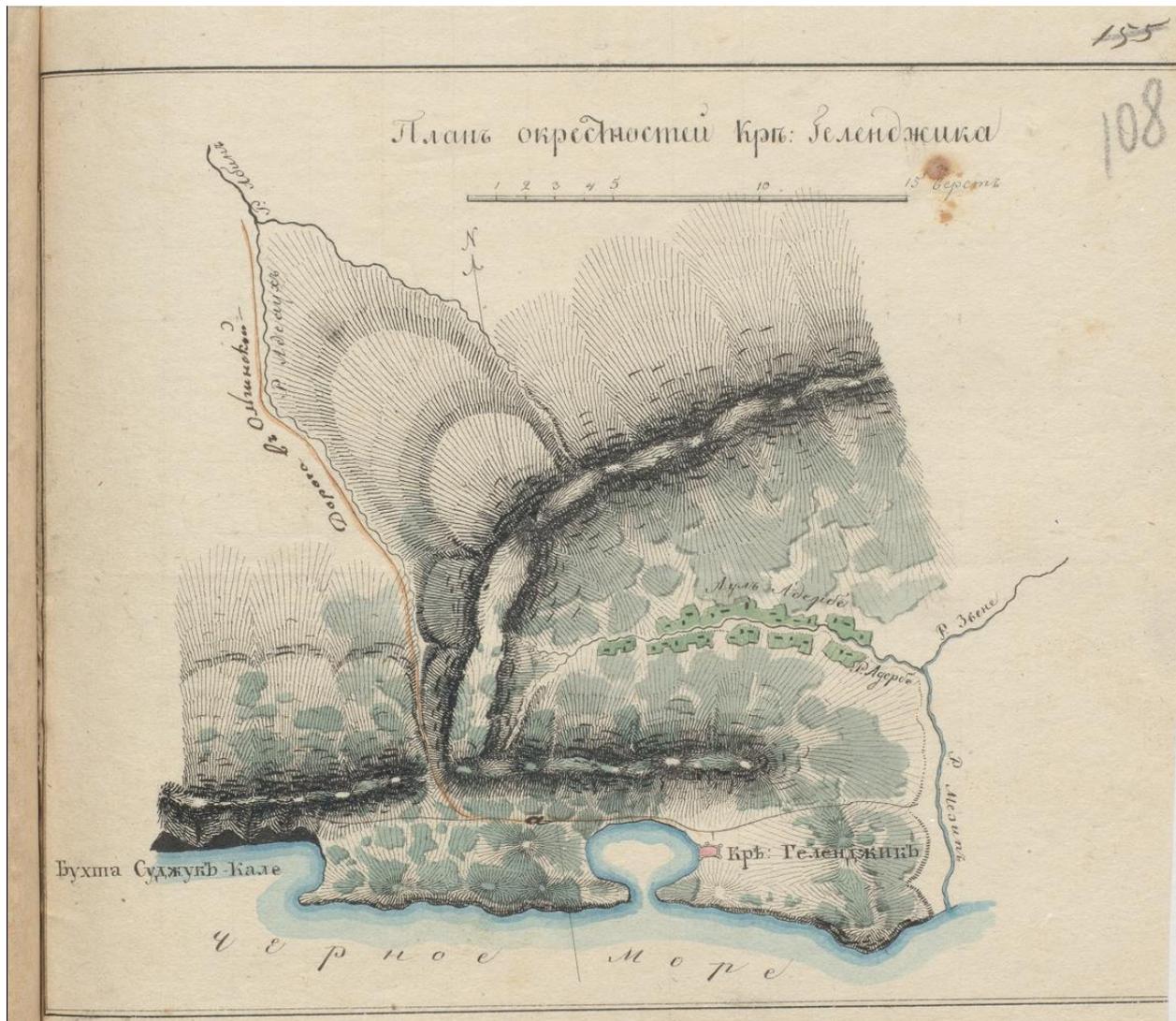
Хотя других серьезных угроз Геленджику в период Кавказской войны не возникало, занимавшие его войска, тем не менее, были вынуждены нести круглый год напряженную сторожевую службу, поскольку, как сообщал императору новороссийский генерал-губернатор граф Воронцов весной 1836 г. «Гарнизон сей (Геленджика – А.Г.) ... совершенно безопасен в укреплении; но всякий выход из онаго за водою, дровами и другими потребностями, даже для обрабатывания поблизости на удобных местах необходимых для пищи и здоровья огородов, не иначе может делаться без опасности, как в некотором числе и с оружием в руках»⁴³⁰. Таким образом, несение караулов, будучи, несомненно, обременительной и напряженной службой, было все же менее опасным занятием, чем участие в прикрытии различных работ, производимых для обеспечения жизнедеятельности укрепления за пределами оборонительных верков. Как правило, именно в таких случаях войска подвергались нападению горцев и несли потери.

И документальные, и нарративные источники единодушно свидетельствуют, что войскам было довольно сложно противодействовать искусно применяемым горцами методам партизанской войны. Для прикрытия работающих приходилось выделять значительные силы, но и они не гарантировали от внезапных нападений из засад и укрытий, производимых к тому же, как правило, с яростным напором. Дабы если не исключить, то хотя бы минимизировать потери «при отряжении войск для рубки леса и в оказии, в местах подверженных неприятельскому нападению» старшим начальникам выходящих из укреплений колонн и начальникам, отправляющим их, предписывалось назначать опытных штаб-офицеров для командования и подкреплять стрелковые цепи «резервами достаточной силы, располагая

⁴²⁹ Опубликовано: Чтение для солдат. Журнал, издающийся с Высочайшего соизволения, под редакцией полковника И. Чекмарева. Книжка 5. Год издания VI, 1853. С. 97

⁴³⁰ Воронцовский «перипл» Черного моря 1836 г. // Русский архив, 1894. Вып. № 6. С. 221

последние таким образом, чтобы они могли поспевать на каждый угрожаемый пункт»⁴³¹.

432

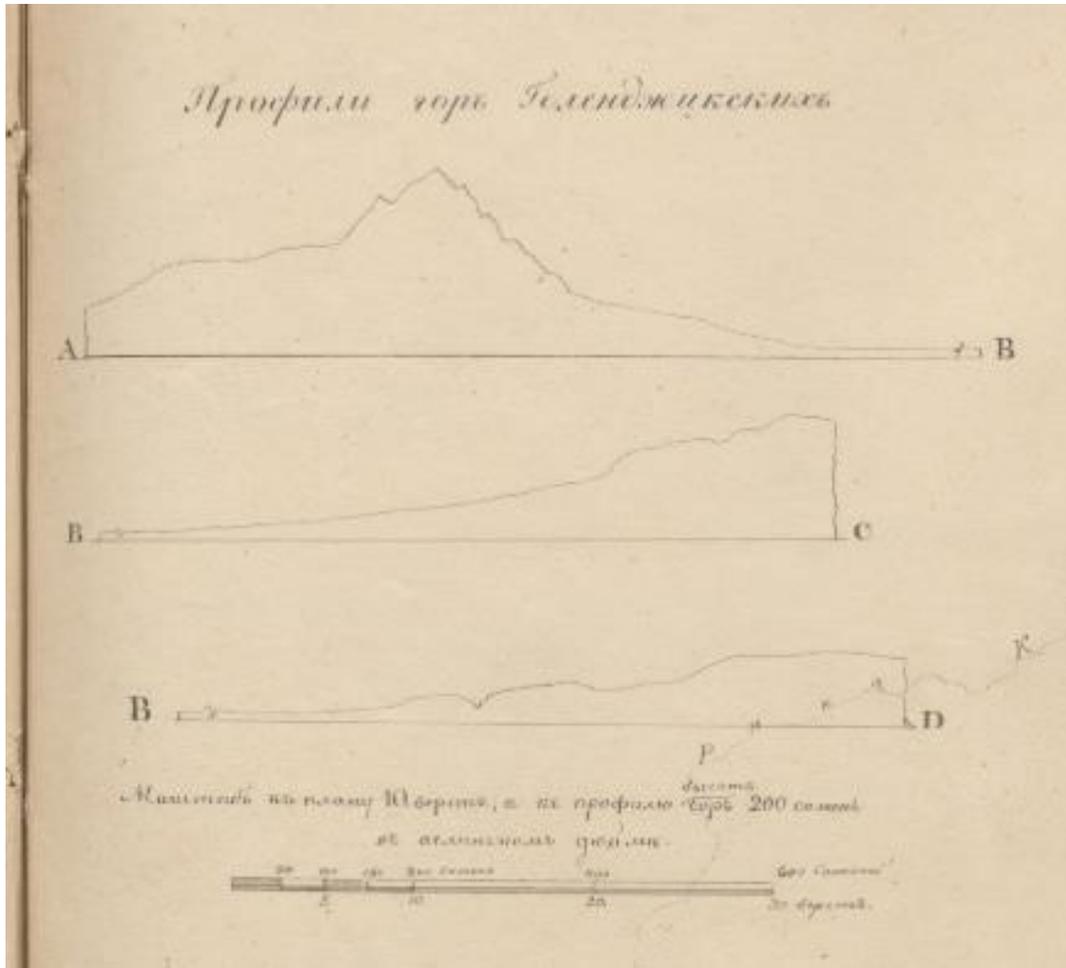
Таковыми же рискованными были и другие вылазки из укрепления, в том числе для прикрытия либо проводимых военными инженерами топографических съемок, либо сопровождения посещавших укрепление путешественников, в частности, тех же Ф. Дюбуа де Монпере и А. фон Нордмана, пожелавших осмотреть окрестности Геленджикской бухты. Первый из них с разрешения полковника Чайковского поднялся в сопровождении отряда солдат на «самую высокую точку Мерхотхи», второй - «под прикрытием 140 солдат с одною пушкою и стаей собак, которыми открывают следы черкесов, бродящих и скрывающихся в кустарниках», предпринял четыре экспедиции до подошвы гор и осмотрел окрестности на пространстве около шести верст⁴³³. Одним из результатов таких

⁴³¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 11. Д. 11 Л. 29

⁴³² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36 Л. 108

⁴³³ Путешествие профессора Нордмана в Закавказский край // Журнал Министерства просвещения. СПб. 1838, октябрь. С. 402

полуисследовательских, полуразведовательных походов стали снятые по заданию генерал-лейтенанта Малиновского профили окружающих Геленджикское укрепление гор: АВ - Маркотхского хребта, ВС - цепи малых возвышенностей между ним и долиной реки Мезип, ВД – высот Толстого (южного) мыса⁴³⁴.

В целом, характеризуя обстановку и боевые действия в районе Геленджикского укрепления следует признать, что значительных событий в течение всего периода его существования практически не было, «ибо набегии маленьких команд из крепостных гарнизонов, перестрелки на покосах и рубке дров нельзя считать событиями»⁴³⁵. Число таких мелких стычек год от года значительно разнилось в зависимости от возоблававших в то или иное время настроений среди натухайцев и шапсугов⁴³⁶. Если, например, по итогам 1846 г.

⁴³⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 36. Л. 101

⁴³⁵ Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // Кавказский сборник, Том 10. 1886 (https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Drozdvov_I/text4.htm)

⁴³⁶ Об их изменчивом поведении по отношению к русским в рассматриваемый период см.: Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // Кавказский сборник, Том 10. 1886 (https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Drozdvov_I/text4.htm), Короленко П.П. Закубанский край (К истории Западного Кавказа) // Военный сборник, № 7. 1893 (https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1880-1900/Korolenko_P_P/text7.htm)

Ф.А. Щербина отнес Геленджик к числу укреплений, в окрестностях которых произошло от 1 до 7⁴³⁷ стычек, то в 1848 г. их случилось в три раза больше.

Поскольку «описание [всех] этих случаев в хронологическом порядке заняло бы много места и времени, не достигнув желаемого интереса»⁴³⁸, будет позволительным в целях формирования более-менее объективного представления о происходивших в районе Геленджикского укрепления военных действий ограничиться их обзором хотя бы за упомянутый 1848 г., который оказался одним из наиболее «событийных» для его гарнизона в 40-х годах XIX в.:

«16 января Черноморского линейного № 15го батальона подпоручик Яроцкий, вопреки строгого запрещения, вышел за укрепление Геленджик на одну версту для охоты и за свою неосторожность заплатил жизнью»⁴³⁹. Он был убит двумя горцами, которые, сняв с него оружие, успели скрыться.

25 января послана была из Геленджика колонна в числе: обер-офицеров 2^х, музыкантов 5^{ти}, унтер-офицеров 9^{ти}, рядовых 220^{ти} человек и 2^х единорогов для заготовления топлива. Во время производства работ заметно было, что горцы собираются и намерены завязать дело. Действительно, по окончании работ, когда колонна выступила обратно в Геленджик, они открыли ружейный огонь по арьергарду и боковым цепям. С нашей стороны был ранен рядовой 1
....

19 апреля при укреплении Геленджик партия хищников показалась на пастбищном месте. По выстрелам по ней горного единорога прикрытия выслано было из Геленджика подкрепление, которое заметив, что неприятель начал отступать, приняло такое направление чтобы пресечь ему дорогу, но неприятель, ускорив отступление, успел уклониться.

23 апреля колонна в числе: штаб-офицера 1го, обер-офицеров 6^{ти}, унтер-офицеров 12^{ти}, музыкантов 11^{ти}, рядовых 205^{ти} человек и двух горных орудий, следовавшая из укрепления Кабардинского в Геленджик в прикрытии порционного скота, купленного в Черномории, имела на половине дороги перестрелку с горцами, в которой ранен был рядовой 1.

16 мая хищники намеревались препятствовать рубке дров вышедшей из Геленджика команды в числе: обер-офицеров 2^х, унтер-офицеров 5^{ти}, музыкантов 5^{ти}, рядовых 100 человек и 2^х горных единорогов. Выстрелами из орудий неприятель был рассеян

⁴³⁷ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 89

⁴³⁸ Информация о ряде стычек в районе Геленджика имеется у Ф.А. Щербины. В частности, о произошедших 1 февраля 1832 г., 14 апреля 1835 г., 12 января 1836 г., 28 марта 1837 г., 17 марта 1838 г., 28 июня 1844 г., 3 августа 1845 г. и некоторых других

⁴³⁹ В этой связи забавно читать вот такие размещенные в Интернете несуразности о Геленджике: «По воспоминаниям жителей города, современников Лермонтова, поэт любил прогуливаться по сосновой роще, направляясь к берегу моря. Он мог часами стоять на берегу, любясь переменной водной гладью» (<https://www.culture.ru/institutes/8656/pamyatnik-m-yu-lermontovu-v-gelendzhike>)

При укреплении Геленджик 9го, 10го, 15го и 17го июня показывались на сенокосе партии мутазигов и всякий раз были отбиваемы артиллерийским и оружейным огнем

В половине июля в окрестностях Геленджика показалась партия хищников, состоящая большую часть из жителей Адагума и Абина. 12 июля покушалась она отбить порционный скот гарнизона, но была отражена прикрытием и при отступлении захватила 20^{тб} штук скота, принадлежащего вольнопромышленнику, и пасшегося по его собственной неосторожности отдельно от порционного скота войск. Вне укрепления выведена была в это время одна рота Черноморского линейного № 5го батальона на ученье. Заметив, что черкесы угоняют скот в горы, ротный командир поручик Сербин быстро двинулся наперерез горцам и успел отбить скот обратно. В скором времени после того подоспела высланная из укрепления учебная команда с двумя горными орудиями на подкрепление сражавшимся с горцами и артиллерийским огнем совершенно рассеяла хищников.

18 июля Геленджикский воинский начальник подполковник Маслович получил верное известие, что та же партия горцев значительно усилилась и имеет намерение захватить порционный скот. Желая наказать хищников подполковник Маслович устроил 19го июля засаду. Он выслал порционный скот за 3 версты от укрепления в числе до 600 штук под малым прикрытием из 110 человек нижних чинов с двумя горными единорогами на местность, удобную для устройства засады. В которой скрытно расположил в то же время гренадерскую роту Черноморского линейного № 15го батальона в числе: обер-офицеров 5, унтер-офицеров 13, музыкантов 7 и гренадер 157 человек, учебную команду 2го Отделения в числе: обер-офицеров 3 и нижних чинов 98 человек и одно полевое орудие, под особым прикрытием 45 человек нижних чинов при 2^х обер-офицерах, всего обер-офицеров 10 и нижних чинов 320 человек. Прикрытием порционного скота командовал штабс-капитан Беляев, а войсками в засаде командир Черноморского линейного № 5го батальона майор Мурзаев. В 8^{мб} часов утра неприятель показался ввиду прикрытия в числе до 900 человек и, не заметив засады, двинулся в атаку. Штабс-капитан Беляев выжидал сближения горцев на близкий оружейный выстрел и не открывал перестрелки. Спокойствие это прикрытия смутило горцев. Они на несколько минут остановились в нерешительности, собрались густою толпою и, казалось, потеряли отвагу, но скоро оправясь от невыгодного впечатления, произведенного на них хладнокровием прикрытия, двинулись вперед, а между тем, войска, бывшие в засаде, исполняли обходное движение и заняли все места, удобные для отступления горцев, и на лучшем пути, проходящим по ущелью, выдвинуто было полевое орудие. Между прикрытием порционного скота и хищниками загорелась уже сильная перестрелка, когда последние

заметили, что они окружены. Оставалось им для отступления только одна сторона по местности, поросшей густым колючим кустарником на крутизнах горной ветви. Пораженные страхом, хищники обратились во всеобщее бегство, одни бросили лошадей и спасались пешие, другие – на легких горских лошадях, способных к движениям по трудной местности, пробирались через кустарник и по крутизнам, а за хвосты их лошадей и стремяна цеплялись пешие. В быстром бегстве этом они не оказали ни малейшего сопротивления, а войска следовали за ними по пятам, пехота нагоняла конных неприятелей и сильно теснила их, преодолевая одинаковые с ними затруднения местности. Неприятель потерял убитыми 12 и ранеными 16 человек, оставив на месте боя несколько убитых лошадей. Сверх того взято было войсками 7 оседланных лошадей. С нашей стороны ранен только один рядовой двумя ударами шашкою в голову. Дело это приносит честь распорядительности подполковника Масловича и войскам, исполнявшим его приказание....

5 сентября колонна, посланная из Геленджика в лес, разгоняла артиллерийским огнем собиравшихся против нее горцев

18 октября небольшая колонна, выходящая из Геленджика для заготовления дров, имела на обратном следовании с горцами, устроившими засаду, перестрелку, в которой ранен рядовой 1.

22 октября послана была из Геленджика колонна в числе: обер-офицеров 9^{ти}, унтер-офицеров 16^{ти}, музыкантов 10^{ти}, рядовых 228^{ти} человек и 2^х горных единорогов для следования через укрепление Кабардинское до половины пути между сим последним укреплением и крепостью Новороссийском навстречу колонне новороссийской, которая конвоировала порционный скот, купленный в Черномории для геленджикского гарнизона. На обратном пути геленджикская колонна 23го и 24го октября имела с горцами перестрелки, окончившиеся для нас без потери....

7го ноября при возвращении в Геленджик колонны, высланной для рубки дров, горцы преследовали арьергард и завязали с его цепью ружейную перестрелку. Огнем горных орудий они были скоро рассеяны»⁴⁴⁰.

Как видно из этого обзора, а также других архивных документов гарнизон Геленджика не только защищался от нападений горцев, но и в свою очередь при удобном случае атаковал их. Рейды русских войск из укрепления обычно проводились для истребления замеченных в близлежащих к укреплению местах побережья контрабандистских турецких судов. Например, в апреле-июле 1833 г. при поддержке судов Абхазской экспедиции с этой целью было проведено пять десантов в районах Чебсин, Пшады, Джугбы и Кодоса. Имеются также сведения о двух подобных операциях в феврале (Суджук-Кале)

⁴⁴⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 755. Л. 16-17, 50- 50об, 62, 74об-76об, 94, 106-106об, 110

и марте 1836 г., одной – в июне 1844 г. (Хотецай), четырех – в апреле-июле 1845 г. (Фальшивый Геленджик).

Еще одними объектами атак становились либо богатые аулы, в которых изымалась провизия, либо аулы, чьи жители проявляли явную враждебность. Такими типичными случаями были, например, разорение находящегося в нескольких верстах от укрепления в сторону Суджук-Кале аула Атсесбохо в июне 1833 г.⁴⁴¹ или набег отряда под командованием генерал-майора Вагнера, проведенный в сентябре 1853 г. на аулы Мезыб (в районе Фальшивого Геленджика) и Адербей, в результате которого оба они были полностью разорены⁴⁴².

Наряду с участием в собственных операциях вблизи укрепления, отдельные команды из частей геленджикского гарнизона нередко включались в состав сводных отрядов, ведших более масштабные боевые действия в прибрежной зоне Черного моря. В частности, летом 1842 г. к «действующему отряду»⁴⁴³ были прикомандированы от Черноморского линейного батальона № 5-го 112 нижних чинов, от Черноморского линейного батальона № 14-го (затем, № 15-го) – 201. Как следует из документов, в подобных случаях в первую очередь был задействован личный состав Черноморского линейного батальона № 15-го, считавшегося резервным, т.е. предназначенным для активного использования по усмотрению командования Черноморской береговой линии. Косвенным свидетельством частого участия этой воинской части в различных боевых операциях является его включение в число некоторых Черноморских линейных батальонов, которым по решению Военного Совета с 1854 г. отпускалась дополнительная пара сапог, как и полевым войскам Отдельного Кавказского корпуса, «находящимся большую часть года в походах и движениях»⁴⁴⁴.

Помимо выполнения основной задачи по контролю над Геленджикской бухтой и ее окрестностями, тамошнее укрепление после принятия решения о продлении линии прибрежных фортов до Абхазии стало «складочным местом провианта и военных припасов, как для отряда, делающего экспедиции, так и для других укреплений построенных на берегу моря»⁴⁴⁵. В этих целях, например, генерал-лейтенант Вельяминов планировал сосредоточить в Геленджике в 1838 г. по два полных комплекта зарядов для пешей артиллерии,

⁴⁴¹ Описание см.: Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 105-110

⁴⁴² Описание см.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. С. 697-698

⁴⁴³ Видимо, к отряду контр-адмирала Серебрякова, сформированного для возведения укрепления на реке Гостагай

⁴⁴⁴ ПСЗРИ. Т. XXVIII. № 27315

⁴⁴⁵ Н.М. Воспоминания о Кавказе в 1837 г.// Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, Том 67. № 266. 1847, гл. II (drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/N_M/text2.php)

четыре комплекта для горных единорогов, один комплект для ручных mortir, 600 тыс. пехотных и 10 тыс. кавалерийских патронов⁴⁴⁶. «Крепость Геленджика превращена в арсенал», – не без досады отметил в своих записях английский агент Э. Спенсер⁴⁴⁷, обретавший в середине 30-х годов XIX в. среди черкесов.

Кроме немалого числа боеприпасов для экспедиционных войск, а также собственных артиллерийских запасов (по 120 готовых боевых зарядов и еще на 240 зарядов запасных материалов на каждое орудие), положенных приморской крепости, к числу которых был причислен Геленджик в мае 1835 г. при разделении всех крепостей империи на приморские, пограничные и внутренние⁴⁴⁸, в нем размещались также склады интендантского ведомства. Об объемах хранимого там казенного имущества отчасти можно судить по утратам в результате приснопамятного сентябрьского пожара 1837 г.:

«В провиантском магазейне: провианта, спирту, фуража и материалов на сумму 199 234 руб. 48 коп.

Сверх того, в оном же:

гороху – 600 пудов,

солоду – 211 четвертей,

уксусу – 350 ведер.

Выгруженных на берег, не принятых в магазейн:

круп – 50 четвертей [на сумму] 516 руб. 50 коп.

Принятого, но не вывезенного из магазейна:

овса – 37 четвертей [на сумму] 338 руб. 58 коп.»⁴⁴⁹.

Хотя после основания в сентябре 1838 г. в Суджукской бухте Новороссийского укрепления к нему довольно быстро перешла ведущая роль на Восточном берегу Черного моря, Геленджик продолжал оставаться значимой военной базой, штаб-квартирой 2-го отделения Черноморской береговой линии и пунктом материально-технического обеспечения входящих в него укреплений, где по-прежнему размещались складские запасы военного имущества, а из квартирующих в нем войск, при необходимости, выделялись подкрепления для усиления гарнизонов более мелких укреплений. Одним из таких случаев, в частности, была переброска в декабре 1846 г. из Геленджика команды в количестве 71 человека из Черноморского линейного батальона

⁴⁴⁶ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. С. 365

⁴⁴⁷ Edmund Spenser. Travels in Circassia, Krim Tartary, etc. including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople, and round the Black Sea, in 1836. Second Edition in two volumes. Vol. II. London, 1839. P. 265

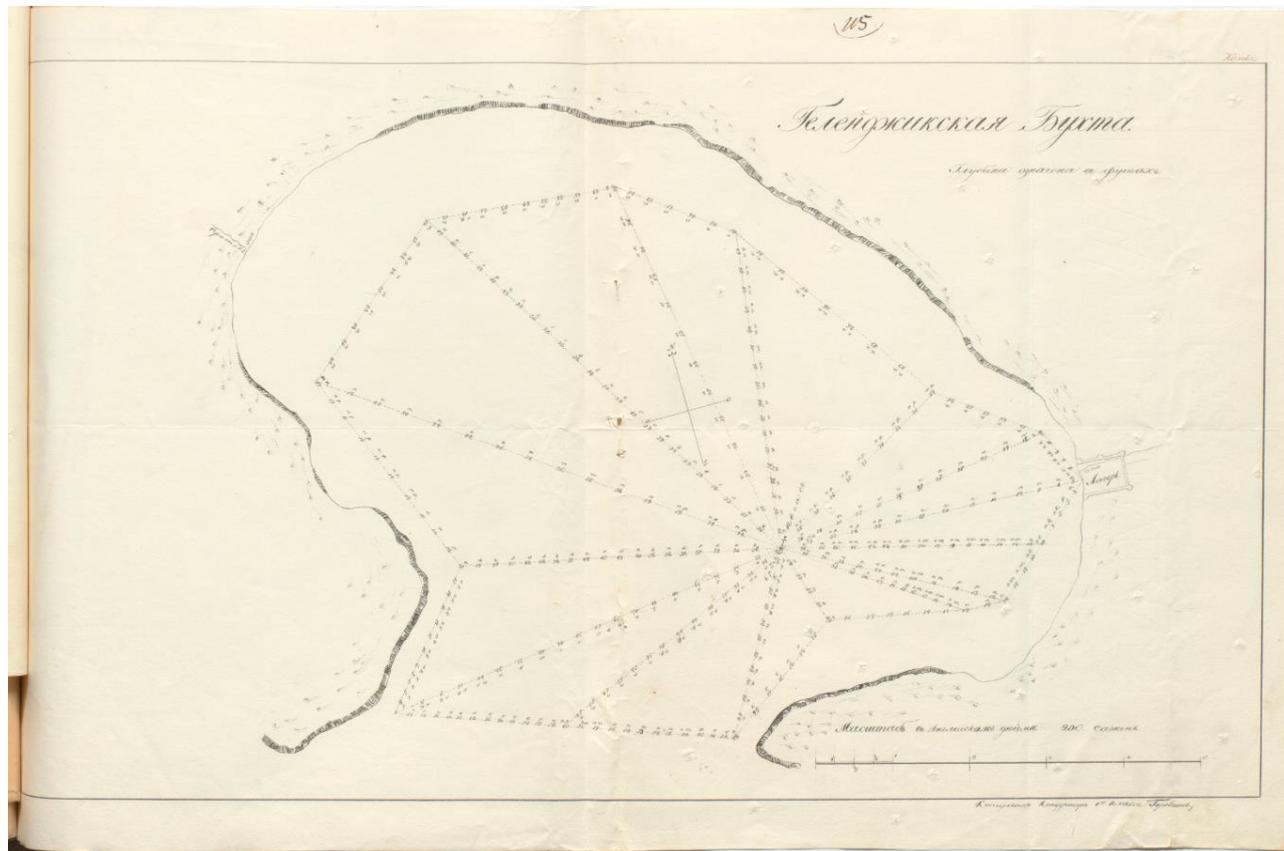
(http://apsnyteka.org/file/Spenser_Travels_in_Chircasia_II_1838_ang.pdf)

⁴⁴⁸ ПСЗРИ. Т. X. № 8106

⁴⁴⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 1222. Л. 56-60, 82-83

№ 15-го и 12 артиллеристов в форт Головинский, который накануне подвергся нападению горцев⁴⁵⁰.

Проведенные сразу после высадки войск промеры глубины Геленджикской бухты показали возможность ее использования в интересах флота⁴⁵¹:

Поэтому основанное на ее берегу укрепление, в силу своего приморского расположения и даже иногда значась в документах как морская крепость, не могло не стать базой Черноморского флота, который после назначения в 1833 г. его главным командиром адмирала Лазарева оказывал самую действенную поддержку фортам на Восточном берегу и проводимым там десантным операциям⁴⁵². Практически с самого момента основания оно стало местом стоянки «Геленджикского» или «Северного» отряда Абхазской экспедиции судов Черноморского флота, осуществлявшей в соответствии с повелением императора крейсерование⁴⁵³ вдоль Восточного побережья с целью воспрепятствования контрабандной торговле горцев с турками⁴⁵⁴. Имея одну из

⁴⁵⁰ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. С. 662

⁴⁵¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6242. Л. 115. План, к сожалению, не датирован

⁴⁵² См.: Лапин В. Черноморский флот в Кавказской войне XIX в. // Морской сборник. 2007, № 1 (1922). С. 72-76; Альхаов А.А. Роль Черноморского флота в создании Черноморской береговой линии (1837-1839) // Вестник АГУ. Выпуск 4(229), 2018. С. 17-26

⁴⁵³ См. ПСЗРИ. Т. VII. № 5209 (Правила крейсерования судам у Северо-Восточного берега Черного моря)

⁴⁵⁴ Для желающих подробно изучить ее состав и служебную деятельность можно порекомендовать обратиться к хранящемуся в РГАВМФ фонду 1054 «Отряд судов Абхазской экспедиции»

лучших в этой части Черного моря бухту, военные суда могли пополнять в Геленджике запасы воды и морской провизии, проводить мелкие ремонтные работы, высаживать часть экипажа на берег для отдыха. «В самом укреплении, кроме казарм, комендантского дома, и нескольких лавок с товарами, есть нечто в роде запасного Адмиралтейства, где хранятся канаты, снасти, паруса, и другие потребности флота»⁴⁵⁵, - свидетельствует один из посещавших Геленджик современников.

Корабельный состав Северного отряда Абхазской экспедиции и, соответственно, число вымпелов, находящихся в тот или иной момент непосредственно в Геленджикской бухте, постоянно менялся в зависимости от назначенных к плаванию судов и в разное время был неодинаков. Так, по состоянию на июнь 1836 г. отряд состоял из фрегата «Штандарт», шлюпа «Диана», шхуны «Курьер», люгера «Геленджик», тендеров «Сокол», «Спешный», «Луч», «Струя», «Легкий», йолов «Агамемнон» и «Улис», парохода «Метеор», транспортов «Бут», «Соперник», «Ревнитель», «Ланжерон»⁴⁵⁶.

После увеличения в составе крейсирующего отряда числа пароходов, потребляющих вместо дров уголь, Геленджик стал для них промежуточной угольной станцией, позволяющей восполнять потребляемое ими топливо, расход которого был весьма значителен вследствие низкой экономичности первых паровых двигателей. Уже в 1838 г. начальнику Черноморской береговой линии генерал-майору Раевскому было предписано иметь в Геленджикском укреплении не менее 25 тысяч пудов угля⁴⁵⁷.

Практика базирования военных кораблей в Геленджикской бухте продолжалась до начала 1840-х годов, когда командованием Черноморского флота было признано более целесообразным по окончании летней навигации уводить суда Абхазской экспедиции в Севастополь, где они могли быть более основательно отремонтированы в течение зимы.

С 1837 г. одновременно с ними в укреплении стали дислоцироваться также азовские казачьи лодки, заведенные по предложению адмирала Лазарева в помощь крейсирующей эскадре, оказавшейся не в состоянии «прекратить прихода контрабандных судов к этому враждебному нам краю, не имеющему удобных портов от устья Кубани до Батума»⁴⁵⁸. Как известно, для службы на них было сформировано в общей сложности 15 команд Азовского казачьего

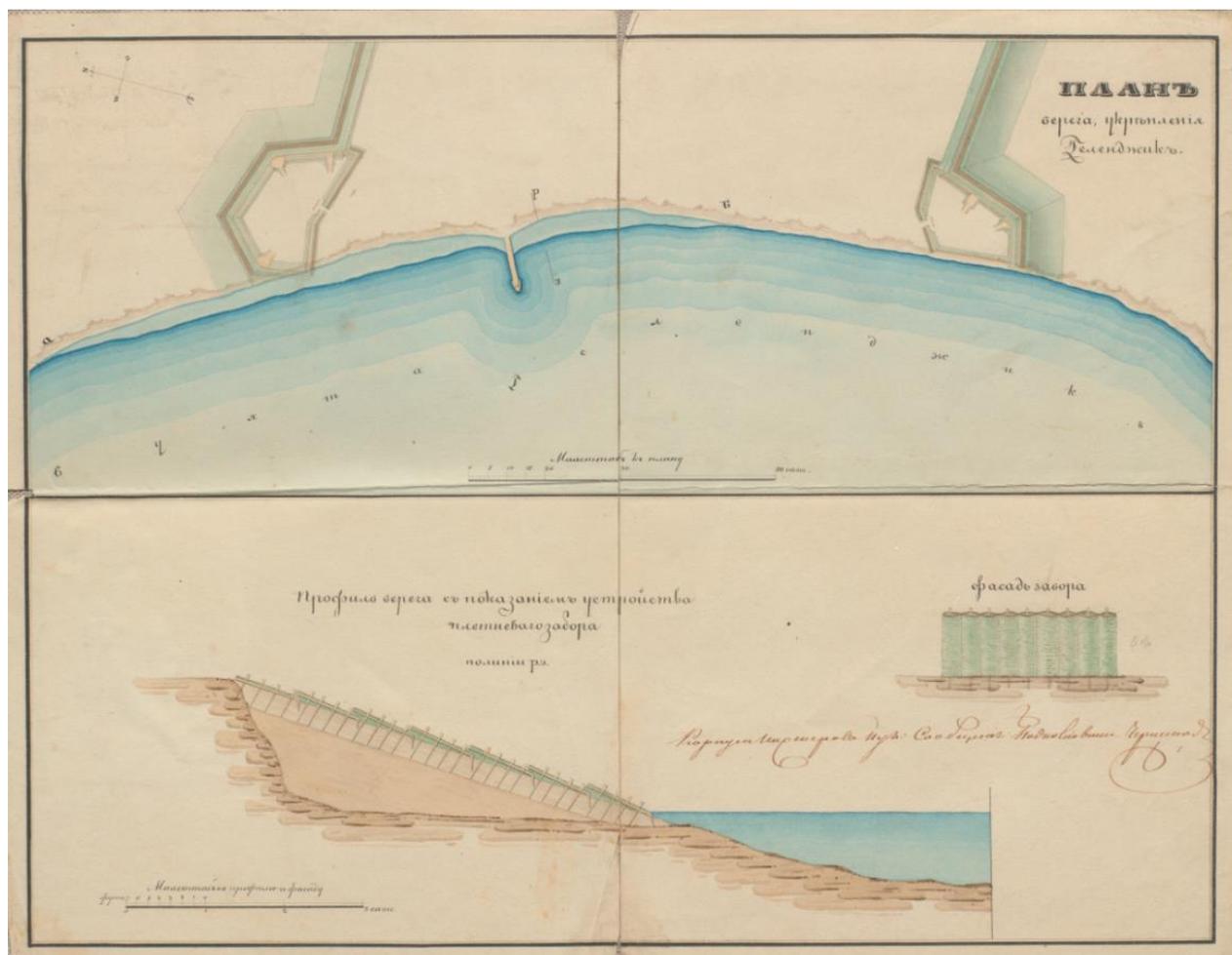
⁴⁵⁵ Н.М. Воспоминания о Кавказе в 1837 г. // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, Том 67. № 266. 1847, гл. II (drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/N_M/text2.php)

⁴⁵⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 161. Л. 17-21

⁴⁵⁷ Переписка Н.Н. Раевского с Лазаревым // Русский архив 1882 II(3). С. 136

⁴⁵⁸ Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив. 1883, № 5-6. С. 309

войска⁴⁵⁹ - первоначально десять, к которым в 1839 г. было добавлено еще пять новых команд⁴⁶⁰. Официально в Геленджике числилась только команда азовских казаков № 4, но, судя по тому, что, говоря о Геленджике, источники обычно упоминают не одну-две, а три-четыре азовские лодки, там базировались также лодки ряда других команд. Скорее всего, они были пришвартованы к сооруженному причалу, хорошо видного на «Плане берега укрепления Геленджика»⁴⁶¹.

По мнению одного из современников: «В самое короткое время команды эти оказали большую пользу. Содержа почти непрерывное сообщение между укреплениями, растянутыми на Восточном берегу, казаки смело и с отвагою нападают на контрабандные турецкие кочермы и черкесские лодки, преследуют их в открытом море и частью истребляют, а частью берут в плен»⁴⁶². Правда, вследствие отсутствия на первых порах достаточного количества способных к военной морской службе казаков, их пришлось замещать простыми солдатами.

⁴⁵⁹ Более подробную информацию о деятельности азовских команд, очевидно, можно найти в документах фонда 390 «Канцелярия начальника азовских казачьих команд при Сухумской морской станции» (Государственный архив Краснодарского края) и фонда 1071 «Сухумская морская станция» (РГАВМФ)

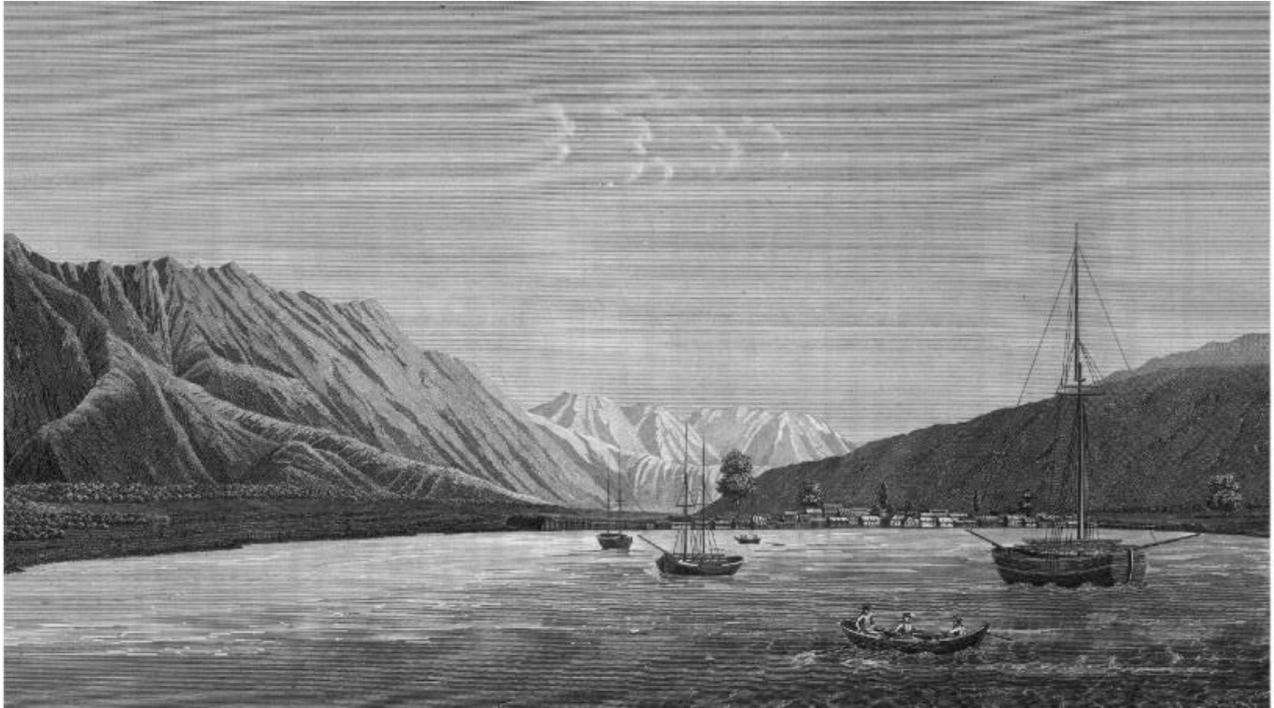
⁴⁶⁰ ПСЗРИ. Т. XIV. № 12635

⁴⁶¹ РГВИА. Ф. 15261. Оп. 1. Д. 1816. План, к сожалению, не датирован

⁴⁶² Архив Раевских. Т. III. С. 651

В 1842 г., например, к «Геленджикской азовской лодке» были прикомандированы 16 рядовых из дислоцировавшихся там черноморских линейных батальонов⁴⁶³.

Вот так виделся Геленджик с бортов заходящих в него военных кораблей, азовских баркасов и торговых судов⁴⁶⁴:

Лит. Сибир. Гербей

Ка-ля-Исторический-Панорама

ГЕЛЕНДЖИК СЪ ВЪОРА

Суммируя, можно констатировать, что в выполнении трех вышеперечисленных задач, а именно - осуществлении контроля над районом Геленджикской бухты, всесторонней поддержке других фортов Черноморской береговой линии и обеспечении судов Абхазской экспедиции - заключалась суть существования Геленджикского укрепления от его основания до самого начала Крымской (Восточной) войны. При этом, несмотря на периодически происходящие стычки, ни натухайцы с шапсугами, ни дислоцировавшиеся в Геленджике русские войска старались друг друга лишней раз не беспокоить, предпочитая этому поддержание некоего вооруженного нейтралитета. Как довольно точно было замечено одним из историков Кавказской войны: «Генералы Вагнер - в Геленджике, и Гогенбах (с 1845 г. начальник 3-го отделения Черноморской береговой линии – А.Г.) - в Сухум-Кале, сидели спокойно, не позволяя обижать себя и не тревожа соседей»⁴⁶⁵.

⁴⁶³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 98. Л. 237об-238

⁴⁶⁴ Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе». СПб, 1858. Вып. №№ 15-16 (<https://runivers.ru/bookreader/book406286/#page/34/mode/1up>)

⁴⁶⁵ Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // Кавказский сборник, Том 10. 1886 (https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Drozdvov_I/text4.htm)

На практике сложившийся в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в. во 2-ом и 3-ем отделениях Черноморской береговой линии статус-кво⁴⁶⁶ закреплялся обычно устными соглашениями, заключаемыми командующими этими отделениями или, реже, комендантами (воинскими начальниками) укреплений со старейшинами горцев. В рапорте генерал-майора Вагнера начальнику Черноморской береговой линии вице-адмиралу Серебрякову от 12 августа 1851 г. о состоянии 2-го отделения содержатся условия одного из таких заключенных им мирных договоренностей с шапсугами, живущими между реками Аше и Псезуапе: «они единодушно согласились: 1-е) не стрелять и не нападать на солдат, встречающихся вне форта (*Лазарева – А.Г.*), 2-е) не только не отбивать наш скот, но заблудившихся возвращать обратно, 3-е) не иметь у себя лодок, 4-е) выдавать дезертиров как в настоящее время у них находящихся, так и на будущее время могущих к ним явиться, 5-е) не выкапывать мертвые наши тела, 6-е) не ходить на форштат и огороды наши на воровство, 7-е) о злых против нас умыслах других племен заблаговременно давать знать.

С нашей стороны я обещал: 1-е) позволить им посещать меновый двор, но торговать только на деньги и натурально, 2-е) выдавать семействам по составленному списку ... по три фунта соли на душу ежемесячно за деньги, полагая за фунт 20 к.[опеек] серебром, 3-е) уворованный у них скот, если будет приведен в наши укрепления, вместе с вором задерживать и выдавать хозяину и, наконец, 4-е) выбегающих от них крестьян не отправлять с первым пароходом, а задерживать до следующего, дабы владелец имел время их уговорить к добровольному возвращению»⁴⁶⁷.

В апреле следующего, 1852 г., в аналогичном рапорте генерал-майор Вагнер с удовлетворением докладывал, что «народ во всех аулах от Пшады до Геленджика довольно спокоен и не обнаруживает враждебных действий»⁴⁶⁸.

Только после произошедшего в марте 1854 г. вступления в очередную русско-турецкую войну Англии и Франции относительно спокойное существование Геленджикского укрепления, при котором «... обыденная жизнь в войсках текла по обычному шаблону военной службы: начальствующие делали распоряжения, приказы и наряды, подчиненные выполняли их ...»⁴⁶⁹, было нарушено.

⁴⁶⁶ В 1-ом отделении Черноморской береговой линии ситуация разительно отличалась – там велось активное противостояние сторон

⁴⁶⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1205. Л. 1-2об. Опубликовано: Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793-1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. С. 34

⁴⁶⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1205. Л. 10-10об. Опубликовано: Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793-1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. С. 35

⁴⁶⁹ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 41

Русское командование хорошо понимало, что «в Черном море против сильных неприятельских флотов⁴⁷⁰ защиты нет и падение всего, что мы имеем на этом (Северо-Восточном – А.Г.) берегу, даже при сохранении, может быть, Новороссийска, будет иметь самое пагубное следствие для могущества России на Кавказе и для влияния России в Европе»⁴⁷¹, но было не в состоянии предпринять что-либо существенного, чтобы сохранить укрепления Черноморской береговой линии⁴⁷². Принятые в целях повышения их обороноспособности меры, о чем в отношении Геленджика говорилось в первой главе, конечно, не могли в силу их ограниченности гарантировать успешного отражения вероятного неприятельского нападения.

При этом, однако, оставление Геленджика, наряду с Новороссийском, было признано необходимым оттянуть до последней возможности. В этой связи начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков писал: «При всех невыгодах положения Геленджика, я потому не признаю полезным с объявлением войны оставить его, что может быть северная часть Береговой линии и не подвергнется сильному нападению неприятеля, а оставление этого большого укрепления произведет весьма невыгодное для нас впечатление на горцев и непременно привлечет туда неприятельские суда, хотя бы неприятель первоначально и не имел намерение сильно действовать против северной части линии. Снаряжение больших десантных экспедиций трудно скрыть, и если получится достоверное известие о приготовлениях его отправить десантную экспедицию к северной части Береговой линии, то в таком только случае можно решиться оставить и Геленджик»⁴⁷³.

Впрочем, теплившиеся надежды на удержание укреплений Черноморской береговой линии довольно быстро рассеялись, вследствие чего единственной заботой командования оставалось срочное и с наименьшим уроном снятие их гарнизонов, что и было организовано и произведено вполне успешно⁴⁷⁴. Подробности проведения эвакуации непосредственно из Геленджика можно найти в опубликованной подборке документов о боевых действиях в Северной

⁴⁷⁰ Состав союзного англо-французского флота на Черном море в 1854 г. см.: Морской сборник, XI, № 4, 1854. С. 488-502

⁴⁷¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. С. 342

⁴⁷² См. ответ императора Николая I на письмо князя Воронцова от 18 января 1854 г. Опубл.: Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной политической обстановкой. Т. II. Приложения. 1912. С. 444

⁴⁷³ РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 220. Л. 65-66. Отпуск этого документа в несколько иной редакции хранится в ГАКК (Ф. 260. Оп. 1. Д. 1832. Л. 331-341) и опубликован: «Черноморская береговая линия. 1853-1855 гг. (Подборка документов о боевых действиях в Северной части Черноморской береговой линии в период Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., составленная А. Бабичем)» (<https://proza.ru/2016/07/04/1174>. Документ № 5)

⁴⁷⁴ См.: Известия с Восточного берега Черного моря // Морской сборник, XI, № 4, 1854. С. 258-260; Давыдов Василий. Снятие средних укреплений Черноморской береговой линии // Морской сборник, XII, № 5, 1854. С. 38-46

части Черноморской береговой линии в период Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., составленной А. Бабичем⁴⁷⁵, к которым можно разве прибавить рапорт вице-адмирала Серебрякова наказному атаману Войска Донского генерал-адъютанту Хомутову от 9 апреля 1854 г., содержащий некоторые дополнительные сведения об этом событии: «Во исполнение предписания Вашего Высокопревосходительства от 15го марта № 77^й укрепление Геленджик снято, артиллерия, боевые запасы, провиант и почти все казенное имущество перевезены в Новороссийск и Анапу, казенные здания обращены в груды развалин взрывами и гарнизон отступил к Анапе. Нагрузка производилась при постоянно дурной погоде с 23го по 29^е марта на 2 парохода и 5 транспортов, которыми распоряжался дежурный штаб-офицер по морской части Штаба моего капитан 1го ранга Канкевич (*здесь и далее фамилия написана неразборчиво – А.Г.*). 30го числа гарнизон отступил к Кабардинскому, откуда были уже перевезены на азовских лодках и вольнонаемных кочермах провиант, артиллерия, боевые запасы и другое казенное имущество в Новороссийск, а отряд из 4^х рот под командою майора Левашева, который был послан из Новороссийска для снятия этого укрепления, оставался на месте в ожидании прибытия Геленджикского гарнизона. Предав пламени казенные здания укрепления Кабардинского и присоединив к себе бывший при нем отряд, генерал-майор Вагнер прибыл 31го марта в Новороссийск и после двухдневной дневки продолжал движение с одним Геленджикским гарнизоном, состоящим из Черноморских линейных № 5го и 15го батальонов и военно-рабочей роты № 19^й, до станицы Николаевской, к которой прибыл 4го апреля. Во все продолжение отступления горцы не тревожили войска ни одним выстрелом. Ближайшие к Геленджику жители приходили даже прощаться, изъявляли сожаление, что мы оставляем Геленджик и заметно были растроганы. Пароходы и транспорты, не встретив нигде неприятеля, сгрузили в Анапе и Новороссийске все взятое ими в Геленджике казенное имущество и возвратились уже все в Керчь. При этом случае пароходы, буксируя при дурной погоде тяжело нагруженные транспорты, много пострадали в машинах и требуют больших исправлений.

Долгом своим считаю отдать полную справедливость генерал-майорам Вагнеру и Дебу, капитану 1го ранга Канкевичу и командиру Черноморского линейного № 4го батальона майору Левашеву за распорядительность их при снятии укреплений Геленджика и Кабардинского»⁴⁷⁶.

Так завершилась история Геленджикского укрепления, без малого четверть века являвшегося одним из основных пунктов русского влияния на Черкесском берегу Черного моря.

⁴⁷⁵ <https://proza.ru/2016/07/04/1174>. Документы № 10, 13

⁴⁷⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 236. Л. 116-117

Оставив за скобками вопрос о заплаченной цене, можно с уверенностью утверждать, что с высочайше предначертанными при основании задачами Геленджикское укрепление справилось – наиболее удобная бухта Северо-Восточного берега Черного моря оказалась недоступной для черкесской торговли, а у русского командования появилась возможность, опираясь на созданный там форпост, продолжить распространение контроля за побережьем вплоть до Абхазии. Их выполнение обеспечивалось как собственно возведением укрепления в Геленджике и способностью его гарнизона не только защищаться, но и, при необходимости, действовать в ближайших окрестностях (самостоятельно и(или) во взаимодействии с судами Абхазской экспедиции Черноморского флота), так и устройством в нем крупного пункта складирования военного и морского имущества, боеприпасов и различных материалов, необходимых для проведения десантных операций и снабжения создаваемой цепи приморских укреплений, получившей название Черноморской береговой линии.

Не имея возможности осуществить захват укрепления ввиду сильных по кавказским меркам оборонительных верков и достаточно крупного гарнизона, а также наличия крепостной артиллерии, подкрепляемой часто посещавшими Геленджик боевыми судами Черноморского флота, горцы воздерживались от подобных попыток, ограничиваясь нападениями на выходившие за его пределы команды военнослужащих. Как и на любой войне в зависимости от различных обстоятельств успех в конкретном столкновении мог сопутствовать и одной, и другой стороне, подтверждая, в целом, известный пассаж Наполеона о том, что «два мамлюка справлялись с тремя французами Но сотня французских кавалеристов не боялась сотни мамлюков; триста французов брали верх над таким же числом мамлюков, а тысяча разбивала 1500: так сильно влияние тактики, порядка и эволюций!»⁴⁷⁷. Вот только малочисленность гарнизона и отсутствие достаточных средств вооруженной борьбы не позволяли ему предпринимать сколь-нибудь крупные боевые операции. Ф.А. Щербина называет сложившуюся в результате этого ситуацию на Черноморской береговой линии не войной двух народностей, с ясно выраженными мотивами покорения с одной стороны, и защиты, с другой, а просто разбоями и грабежами, очень редко переходящими со стороны черкесов в военные действия⁴⁷⁸. Действительно, эти стычки были довольно редки и ограничены по масштабу в сравнении, например, с военными действиями на Восточном Кавказе. Непосредственно в районе Геленджика низкую интенсивность противостояния можно объяснить, помимо уже названных факторов,

⁴⁷⁷ Mémoires pour servir a l'histoire de France, sous Napoléon, écrits a ..., V. 1. P. 262 (<https://books.google.ru/books?id=4hdtvHFpUzcC&hl=ru&pg=PA262#v=onepage&q&f=false>)

⁴⁷⁸ Щербина Ф.А. Черноморская береговая линия. С. 93-94

наименьшей среди других черкесских народностей воинственностью натухайцев и шапсугов, их большей вовлеченностью в торговые отношения с русскими. «От природы склонные более к торговле, чем к войне, они относились к нам довольно дружелюбно и, в случаях надобности, искали даже покровительства. Рынки новороссийский, анапский и екатеринодарский были постоянно оживлены сотнями натухайцев, обменивающих сырье на мануфактурные товары»⁴⁷⁹, - отмечал И. Дроздов. Впрочем, периодически, под воздействием подстрекательств английских агентов⁴⁸⁰ и воззваний эмисаров Шамиля (Хаджи-Магомета, Сельмен эфенди, Магомет-Амина), они также проявляли определенную активность, сковывая и изнуряя войска, занимавшие Геленджикское укрепление.

Вместе с тем, применительно непосредственно к Геленджику нельзя согласиться с тем, что «эти жертвы не раз далеко превосходили собою и наши приобретения, и наши сбережения, из-за которых мы ратовали с неприятелем», как это констатировалось в одном из обзоров военных действий на Кавказе в отношении укреплений Черноморской береговой линии в целом⁴⁸¹. В реальности боевые потери геленджикского гарнизона все годы существования укрепления были на два порядка ниже санитарных. Например, как следует из приведенного обзора боевых действий за 1848 г., в течение года горцами был убит всего лишь 1 человек, в то время как общая смертность личного состава гарнизона составила 121.

Возведенное по стратегическим соображениям, укрепление в Геленджикской бухте было оставлено также исходя из обстоятельств стратегического характера, причем в обоих случаях операции по ее захвату и эвакуации были проведены, можно сказать, образцово. Очевидная невозможность его удержания в случае атаки союзного англо-французского флота заставили покинуть укрепление, однако, возвращение горцев в Геленджикскую бухту оказалось по историческим меркам недолгим - уже в 1864 г. на ее берегу в составе Шапсугского берегового пешего батальона Кубанского казачьего войска была учреждена станица Геленджикская.

⁴⁷⁹ Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // Кавказский сборник, Том 10. 1886 (https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Drozdvov_I/text4.htm)

⁴⁸⁰ Подробнее см.: Васильев М.В. Борьба за Кавказ. Часть II. Противостояние 1830-х годов // Архонт, 2020. № 4. С. 4 – 19; Васильев М.В. Борьба за Кавказ. Часть III. Имамат Шамиля // Архонт, 2021. № 1. С. 79 – 89

⁴⁸¹ 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Том 13. 1889. С. 379-380 (https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/1840_1841_1842_gody/text11.htm)

Заключение

(готовится к публикации)